

Российская Социалдемократическая Рабочая Партия.

N. RIAZANOW.—ZERSTÖRTE ILLUSIONEN.

Н. РЯЗАНОВЪ.

ЦАИ 55
Р 993

РАЗБИТЫЯ ИЛЛЮЗИИ.

Къ вопросу о причинахъ кризиса
въ нашей партии.

Издание автора.

ЖЕНЕВА 1904.

25.11.03

5-610005
47-1100
4/11/24
51b

414

۱۱۴

Разбитыя иллюзіі.

1

Вавилонское столпотворение.

„Основная мысль Ленина состоитъ въ томъ, что въ такомъ идеиномъ дѣлѣ, какъ рабочее соц.-демократическое движение вообще, а у насъ въ Россіи, въ особенности, необходимо, чтобы создалось известное духовное ядро, внушающее всѣмъ довѣріе, группирующее умственныя силы партіи, обеспечивающее сохраненіе чистоты яя принциповъ и гарантирующее возможность разобраться и справиться со всѣми сложными вопросами, встрѣчающимися на пути. Таковъ былъ процессъ возникновенія различныхъ соціалистическихъ партій и заграницей. Всюду онѣ группировались вокругъ духовныхъ руководителей (гедисты, бланкисты, лассальянцы и пр.) Другой вопросъ, есть ли у насъ въ настоящее время подобные духовные руководители. Но если ихъ нѣть, то никакіе съѣзды, никакія попытки объединенія не помогутъ выбраться на путь настоящей сильной политической партіи. Мы лично не такъ печально смотримъ на дѣло. Мы думаемъ, что редакція „Искры“ и „Зари“ и близкой къ нимъ „Группы Освобожденія Труда“ могутъ и должны сыграть роль этого духовнаго ядра, и потому мы и призываемъ всѣхъ единомышленниковъ, всѣхъ, кто понимаетъ всю серьезность задачи, которую береть на себя Росс. Соц.-дем. Раб. Партия— объединиться вокругъ этого ядра. Это и обеспечить намъ единство взглядовъ, твердость убѣждений и возможность справиться со многими трудностями нашей дѣятельности. А главное — только къ такому духовному

ядру, на дѣлѣ показавшему свою способность быть духовнымъ руководителемъ нашего движенія, мы можемъ питать полное довѣріе“ *).

Такъ писалъ, почти наканунѣ съѣзда, главный органъ группы, принимавшей дѣятельное участіе въ Организаціонномъ Комитетѣ, а, слѣдова гельно, и въ организаціи второго съѣзда. То же самое, почти тѣми же словами, повторилъ на съѣздѣ делегатъ ея Егоровъ въ рѣчи, которая, по словамъ Мартова, является лучшей рѣчью въ пользу признанія „Искры“ центральнымъ органомъ реорганизованной или, вѣрнѣе, редезорганизованной партіи. „Тамъ умны“ — они намъ дадутъ и „единство взглядовъ“ и „твердость убѣжденій“. „Призываю товарищѣй высказаться за признаніе „Искры“ органомъ партіи, я полагаю, что таковыи нашимъ рѣшеніемъ мы обезпечимъ себя на будущее время отъ всякихъ неожиданностей“, — убѣдительно доказывалъ Егоровъ.

И вотъ, послѣ долгихъ и упорныхъ усилій, собрался наконецъ съ такимъ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидаемый съѣздъ. Тридцать семь разъ — тридцать семь! — засѣдалъ онъ, съ „духовнымъ ядромъ“ партіи въ полномъ составѣ, — и въ резултатѣ все та же „дезорганизованность“, все тотъ же „страшный разбродъ“, на который съ такой горечью указывалъ авторъ цитированной выше статьи.

„Духовное ядро“ раскололось, десятокъ, казалось бы, прекрасно спѣвшихся и сыгравшихся вождей вступили въ самую отчаянную рукопашную и съ остервенѣніемъ „заушаютъ“ и „заѣзжаютъ“ другъ друга.

Гдѣ дѣлается и совѣтъ, и ладъ?

Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся, —

Лишь только клочья вверхъ летятъ.

А „руководимые“? Они продолжаютъ пребывать въ твердомъ убѣжденіи, что безъ своихъ „духовныхъ руководителей“ они не выберутся „на путь настоящей сильной политической партіи“, и вотъ комитеты, одинъ за другимъ, съ усердіемъ достойнымъ лучшей участіи, пишутъ членобитныя, въ которыхъ они то „просятъ“, то „требуютъ“, то „предлагаютъ“, чтобы

*) Южный Рабочій № 11 с. 8. Курсивъ нашъ. Эта статья понравилась редакціи „Искры“ своей „остроумной“ защитой „Что дѣлать?“ Ленина.

обломки разбитаго ядра опять спаялись. „Въ этой группѣ они не различали Иванова и Петрова, предъ ними было одно слитое, какъ сталь, цѣлое“. А „Ивановъ и Петровъ“ съ каждымъ днемъ расходятся все больше, пропасть между ними дѣлается все шире. За личными разногласіями начинаютъ обрисовываться все отчетливѣе разногласія идейныя, хотя для борющихся сторонъ они все еще находятся за порогомъ сознанія или только едва переползаютъ черезъ него.

Что же случилось? Что является „всѣхъ бѣдь причиной“?

Не одинъ мѣсяцъ уже прошелъ со времени съѣзда, не одно произведение „подпольной“ и надпольной литературы увидѣло съ тѣхъ поръ свѣтъ, — и мы все еще не дождались ясной и точной формулировки принципіальныхъ — а изъ статей Аксельрода видно, что существуютъ и такія — и организаціонныхъ разногласій, которыя привели къ этому неслыханному расколу.

Организаціонныя разногласія, выяснившіяся еще на съѣзда, за исключеніемъ одного изъ нихъ, по вопросу о формулировкѣ первого пункта устава, разногласія, вопреки Ленину, очень существенаго, сводятся къ деталямъ, нисколько не измѣняющимъ „субстанцію“ стараго искровскаго организаціоннаго плана. Даже въ № 58 „Мѣ“ въ статьѣ, которая, по „свирѣпости“ своихъ полемическихъ ударовъ, далеко оставляетъ за собой однородныя статьи въ „Искрѣ“, Мартовъ все еще утверждаетъ, что „общая основа организаціонныхъ взглядовъ у членовъ редакціи и организаціи „Искры“ была одинакова“.

И если Мартовъ въ этой же статьѣ дѣлаетъ поразительное по своей неожиданности заявленіе, если онъ утверждаетъ теперь, что книга „Что дѣлать“ появилась за личной отвѣтственностью Ленина и, что важнѣе всего, не могла не появиться неподписанной“, то онъ просто забываетъ, что эта книга является развитіемъ и обоснованіемъ неподписаныхъ статей въ „Искрѣ“. Развѣ статьи „Съ чего начать“ и „Вопросы дня“ въ № 4, „Политический развратъ и экономическое тупоуміе“ въ № 9, Бесѣда съ защитниками экономизма въ № 12, Бесѣда по поводу писемъ читателей“ были подписаны? А статьи „Политическая агитация и классовая точка зрења“ въ № 14 и фельетонъ по поводу письма земцевъ въ № 18 были подписаны?

„Памятливый“ читатель вспомнить также „памфлетъ“ Плеханова, направленный противъ меня, въ которомъ сказано, что Ленинъ „всегда дѣйствовалъ въ идейномъ согласіи съ нами“ и статью Аксельрода въ защиту Ленина, какъ автора „Задачъ русскихъ соціалдемократовъ“ (Искра № 42), гдѣ уважаемый Несторъ русской соціалдемократіи ни однимъ словомъ не обмолвился о глубокой разницѣ между Ленинымъ изъ „Задачъ русскихъ соціалдемократовъ“ и Ленинымъ изъ „Что дѣлать“. Онъ вспомнилъ и статью Мартова „Всегда въ меньшинствѣ“ и его же предисловіе къ „Письму къ товарищамъ пропагандистамъ“. А „заграничники“ вспомнятъ, кромѣ того, и рефератъ Мартова, „направленный противъ „Рабочаго Дѣла“, и по общему отзыву, имѣвшій огромный успѣхъ“ *), тезисы котораго въ свое время циркулировали по всѣмъ заграничнымъ колоніямъ и попадали даже въ Россію.

Забываетъ или все еще не понимаетъ! Иначе, какъ же объяснить то поразительное обстоятельство, что въ редакціонной коллегіи, состоявшей изъ шести человѣкъ, пять человѣкъ допустили, чтобы, въ теченіе всего периода подготовленія съѣзда, безъ всякаго протеста, безъ всякой оговорки, безъ всякаго примѣчанія, печатались названныя выше статьи и циркулировала книга „Что дѣлать?“, которая для всѣхъ русскихъ товарищеской являлась лучшимъ обоснованіемъ взглядовъ „Искры“? Или Мартовъ уже забылъ, что пресловутыя посланія о признаніи „Искры“ почти всѣ подчеркиваютъ свою полную солидарность именно съ „Что дѣлать“? Или можетъ быть дѣйствительно правъ авторъ письма Ц. К. въ Тверской комитетъ, что въ редакціи „бралъ верхъ тотъ, кто энергичнѣе отстаивалъ свое мнѣніе“?

Въ брошюре Мартова „Борьба съ осаднымъ положеніемъ“, вышедшей почти одновременно съ 58 № „Искры“, кромѣ всѣхъ же „полемическихъ красотъ“ противъ Ленина, мы имѣемъ какіе то неясные намеки на какое то „просвѣтленіе“, оставившее, наконецъ, представителей „меньшинства“. Мартовъ думаетъ теперь, что „иной разъ правъ и Ленинъ, когда утверждаетъ, что мы въ томъ или другомъ вопросѣ отклонились отъ „искровства“ въ специфическомъ смыслѣ“. И въ то же время онъ „не перестаетъ думать, что „Искра“ не

*) См. отчетъ Дейча въ протоколахъ съѣзда Лиги.

была механическимъ соединеніемъ разнообразныхъ элементовъ, что она представляла собою, напротивъ, нѣчто очень цѣльное, „изъ одноо куска вылитое“. Видно, что онъ все еще, какъ и Троцкій, боится „запустить руку“ въ это „кристаллически цѣльное-цѣлое“.

Такъ храмъ разрушенный все храмъ,
Кумиръ поверженный все богъ!

Гораздо рѣшительнѣе Плехановъ. Со свойственной ему „діалектической“ внезапностью онъ уже отказался отъ взглядъ, вѣрнѣе, отказался „терпѣть“ взгляды, которые онъ такъ „остроумно“ отстаивалъ отъ моего „ортодоксального буквѣдства“. Если бы онъ не засвидѣтельствовалъ въ своихъ статьяхъ силу своего ума и слабость своей памяти, я могъ бы сказать, что онъ, самъ того не замѣчая, запомнилъ нѣкоторыя мысли моей „никому не нужной“ книги. Да и самъ Плехановъ говорить, что „новыя“ мысли, до которыхъ онъ, конечно, добрался „своимъ умомъ“, правда, заднимъ, онъ „думалъ про себя“ и прежде, но, вѣроятно, въ силу дипломатическихъ соображеній, простымъ смертнымъ недоступныхъ, считалъ нужнымъ не въ примѣръ такимъ безтактнымъ и прямолинейнымъ буквѣдамъ, какъ я, „пока что“ держать языкъ за зубами. За то теперь „пошло на правду“! И вчужѣ становится страшно за Ленина и „политиковъ“. Плехановъ даже дѣлаетъ загадочный намекъ на „какія то печатныя произведенія, пользующіяся у насъ по недоразумѣнію совершенно безупречной репутацией“. Вѣроятно, онъ сдѣлаетъ это въ статьѣ „И въ третій разъ соціализмъ и политическая борьба“, которую я съ нетерпѣніемъ жду уже больше года. Поживемъ — увидимъ!

Къ сожалѣнію, новая „еволюція“ Плеханова, можетъ быть, именно въ силу своей внезапности, сдабривается такими элементами, которые несутъ на себѣ явную печать оппортунизма, особенно ярко проявившагося въ статьѣ „Чего не дѣлать“. Носъ вытащилъ — хвостъ увязъ, хвостъ вытащилъ — носъ увязъ!

Еще рѣшительнѣе Аксельродъ. Но, кромѣ рѣшительности, статьи его отличаются еще качествами, которыхъ мы напрасно будемъ искать въ статьяхъ „съ переодѣваньями“ Плеханова. Къ сожалѣнію, указавъ совершенно вѣрно, что партія наша

въ своей практикѣ пережила и переживаетъ періодъ политической ажитациіи, что „классовую борьбу „со всѣмъ буржуазнымъ строемъ“ эта практика почти что игнорируетъ и фактически исчерпывается одной только „борьбой съ самодержавіемъ“, связанной съ пролетарскимъ ученіемъ лишь соціалдемократической фразеологіей“, Аксельродъ не понимаетъ или не замѣчаетъ, въ какой тѣсной неразрывной связи эта „практика“ находилась съ современной ей „теоріей“ или съ „искровствомъ“. Для него самого настолько отождествились названія „революціонный соціалдемократъ“ и „искровецъ“, что ему и въ голову не приходитъ, что можно было быть „искровцемъ“ и даже редакторомъ „Искры“ и все же находиться на рубежѣ буржуазной демократіи. Вся вина за переживаемый теперь партіей кризисъ сваливается такимъ образомъ на бѣдныхъ „практиковъ“. И Аксельродъ приглашаетъ ихъ заняться „вопросомъ о приведеніи нашей практики въ полную гармонію съ принципами, во имя и подъ знаменемъ которыхъ „Искра“ и „Заря“ вели борьбу съ антимарксистскими тенденціями“!!

И когда онъ рисуетъ намъ „организаціонную утопію теократического характера“, которую по его словамъ „подготовилъ памъ „періодъ борьбы съ наслѣдіемъ эпохи экономизма“, онъ не замѣчаетъ, что эта утопія была уже давнѣмъ давно готова и съ его же молчаливаго одобренія заражала умы всѣхъ практиковъ.

„Истинная революціонная соціалдемократія въ Россіи, это — редакція Искры. Значить, вопросъ о закрѣплениі цѣль революціоннаго соціалдемократизма и обѣ огражденіи нашей партіи на вѣчныя времена противъ оппортунистического или „экономического“ атавизма рѣшается самъ собою. Верховная власть надъ Партіей должна быть предоставлена въ руки редакціи „Искры“, а Ц. К. долженъ быть только коллективнымъ агентомъ этой власти, находиться подъ ея строгой опекой и бдительнымъ контролемъ“.*)

Читатель видѣтъ, что Аксельродъ могъ бы просто цитировать указанную мною статью изъ „Ю. Р“. Развѣ это не та самая организаціонная утопія, которую выставилъ Ленинъ въ своей статьѣ „Съ чѣго начать“, а потомъ въ книгѣ „Что дѣ-

*) Фельетонъ П. Аксельрода въ 55 №.

лать? „Свѣтское общество, иронизируетъ Аксельродъ, отдаётся во власть маленькаго духовнаго ордена, который къ тому же, по географическимъ и по инымъ условіямъ, не можетъ даже находиться на территорії управляемыхъ имъ подданныхъ“. И если онъ теперь смѣется надъ „классической наивностью“ одного изъ комитетовъ, усвоившихъ себѣ принципы, развитые въ статьѣ „Съ чего начать“, то этотъ комитетъ смѣло можетъ ему сказать: врачу, изцѣлися самъ! Гдѣ же были вы со всѣмъ вашимъ теоретическимъ и практическимъ опытомъ?

Кромѣ этого основного недостатка — непониманія тѣсной связи между теоріей „искровства“ съ практикой „искровцевъ“ — статьи Аксельрода, къ сожалѣнію до сихъ поръ не конченныя, страдаютъ еще другимъ недостаткомъ, не менѣе крупнымъ: напуганный, какъ и Мартовъ, опасностью, которая грозитъ русской соціалдемократіи, вслѣдствіе смышенія централістической и централизованной организаціи, Аксельродъ ударяется въ противоположную крайность.

Читатель, конечно, пойметъ, почему мы обходимъ мотча-
ніемъ остальную „литературу“, вызванную расколомъ — всѣ эти произведения Троцкихъ и Павловичей.

Слухъ утомляется мнѣ, сплетница, всякою дрянью,
Охъ, насолили мнѣ дрязги и мелочи эти!

Читатель пойметъ также, почему прежде, чѣмъ перейти къ выясненію причинъ этого „авилонскаго столпотворенія“, гдѣ „своя своихъ не познаша“, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ былъ подготовленъ и созванъ съездъ.

II.

Съездъ или съездъ?

„Сравнительная легкость, съ которой О. К. удалось сгруппировать вокругъ себя всѣ дѣйствовавшія подъ знаменемъ нашей партіи силы, служить намъ вѣрнымъ залогомъ того, что дѣло, къ которому онъ приступилъ, будетъ доведено до конца.“ Такъ оптимистически смотрѣла на дѣло и та группа, члены которой „смѣли себя считать „настоящими революціонными соціалдемократами“, хотя они расходились съ редакціей „Искры“ не въ одномъ вопросѣ. Большинству этой группы, впервые конституированной отступленія редакціи „Искры“ отъ принциповъ революціонной соціалдемократіи, казалось, что самыи составъ Организ. Комитета ручается за то, что на съездѣ будуть представлены всѣ соціалдемократическая организаціи. Вѣдь О. К. поставилъ себѣ цѣлью „выработать такую конституцію, которая сдѣлала бы съездъ дѣйствительнымъ выразителемъ воли партій“.

Эта надежда оказалась тоже „разбитой иллюзіей“. Теперь, послѣ протоколовъ съѣзда, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что О. К., говоря словами delegata „Ю. Р.“ Попова, „ничѣмъ не руководилъ: его роль была ролью комиссіи по созыву съѣзда и ролью организатора чисто технической стороны дѣла. Онъ былъ просто коллективнымъ агентомъ „Искры“, исполнителемъ ея велѣній и дѣйствовалъ всегда подъ ея непосредственнымъ руководствомъ“

Первая попытка его проявить свою самостоятельность привела къ немедленному же „разгрому“ его. Такой „ничтожный“ поводъ, какъ приглашеніе „бессильной“ гр. „Борьба“, а затѣмъ предложеніе пригласить съ совѣщательнымъ голосомъ *meine Wenigkeit*, уже въ началѣ съѣзда, дало поводъ Ленину и Мартову уничтожить или „разгромить“ единственную обще партійную организацію. Самостоятельный актъ О. К. являлся покушеніемъ на непогрѣшимость литературной группы, которая должна была обеспечить всей партіи и „единство взглядовъ“, и „твѣрдость убѣжденій“. Говоря словами Мар-

това, такое предложение уже и „по существу было намъ очень непріятно, такъ какъ мы только что, протестуя противъ приглашения группы „Борьба“, характеризовали книгу Рязанова, какъ ничего не давшую партії“. И вдругъ такой пассажъ! *)

Инцидентъ съ группой „Борьба“ вообще очень характеренъ И Мартовъ совершилъ справедливо замѣчаетъ, что „небольшому столкновенію по ничтожному вопросу суждено было наложить печать на весь ходъ дальнѣйшихъ работъ съѣзда.“

Дѣйствительно, на съѣздѣ РСДРП не была допущена группа, большинство членовъ которой состояло изъ товарищъ, работающихъ въ партіи съ первыхъ шаговъ ея практической дѣятельности и „провинившихся“ только тѣмъ, что они „смѣли считать себя революціонными соціалдемократами“, хотя расходились съ редакціей „Искры“ въ цѣломъ рядѣ вопросовъ. О. К. и самъ чувствовалъ „неловкость“ своего положенія и, чтобы оправдать себя, мотивировалъ свой поступокъ „разсудку вопреки“ и наперекоръ всѣмъ принципамъ партійной морали. Правда, этотъ актъ О. К. получилъ санкцію всего съѣзда, который „вполнѣ согласился съ мотивировкой О. К.“ и торжественно засвидѣтельствовалъ, что группа „Борьба“ не представляетъ собою особаго теченія въ русской соціалдемократіи. И когда будущій историкъ опровергнетъ это расходящееся съ истиной заявленіе, онъ прибавитъ, что, конечно, не группа „Борьба“ была виновна въ томъ, что она представляла особое теченіе въ русской соціалдемократіи только потому, что отстаивала принципы международной революціонной соціалдемократіи.

Конечно, чтобы „омерячить“ до такой степени весь съѣздъ, понадобилось сосредоточить все вниманіе его членовъ на личномъ моментѣ. Логика не помогла, оставалось прибѣгнуть къ насилию. Группа не была допущена. А чтобы санкціонировать насилие, въ ходъ были пущены, — какъ бы это помягче выразиться? — скажемъ „личности“ и „закулисы“. И вотъ, одинъ за другимъ, „стальной щетиною сверкая“, ри-

*) Въ то время, какъ съ совѣщательнымъ голосомъ былъ приглашенъ Кольцовъ, авторъ такихъ цѣнныхъ брошюръ, какъ „Три закона“, О. К. забылъ пригласить на второй очередной съѣздъ партіи Кричевскаго, вмѣстѣ съ Плехановымъ выбраннаго официальнымъ представителемъ партіи въ международномъ соціалистическомъ комитетѣ.

нулись противъ отсутствующихъ товарищей „безъ лести пре-
данные“ суждальцы.

„Суждальцъ не посмѣть найти свѣтлую точку въ доктринѣ, находящейся почему-нибудь въ опалѣ, по храбрости его ограничить съ геройствомъ, когда онъ начинаетъ по своему бомбардировать подлежащихъ бомбардировкѣ. Суждальцъ—это заяцъ съ львиной головой. Какой краской тебя съ ногъ до головы вымазать, красной или желтой. „Въ зубы или ручку пожалуйте — вотъ вопросы, постоянно волнующіе суждальца.“ *)

Особенно отличался Троцкій. Не знаю, считывалъ ли онъ и свою „громовую“ рѣчь противъ „Борьбы“ съ записки, посланной ему во время засѣданія Ленинскимъ.**) Во всякомъ случаѣ на ней лежитъ явственная печать индивидуального творчества. Съ чисто хлестаковской развязностью, этотъ *baladin qui danse sur la phrase*, „громилъ“ гр. „Борьба“, за... переметчивость. „Въ этой переметчивости и кроется корень морально-политического безсилія „Борьбы“. Но за такое безсиліе не выдаются дипломовъ. Оно подлежитъ карѣ. Карой явится отказъ въ приглашениі на съездъ. Такой приговоръ будетъ не только нравственнымъ (sic!) осужденіемъ „Борьбы“, но и предупрежденіемъ всякой группѣ, которая въ интересахъ своей политической карьеры захочетъ просунуть свою групповую физиономію въ ту или иную идеиную расщелину, пользуясь трагическимъ положеніемъ партії! И нашлись делегаты, — вѣроятно, такие же „зайцы съ львиной головой“, которые аплодировали этой, скрашенной нравственнымъ пафосомъ Тартюфа, мѣшанинѣ изъ безмысленныхъ и трескучихъ фразъ!

Нѣть, почтеннѣйшій Балалайкинъ! Этотъ инцидентъ послужить предупрежденіемъ, но только въ другомъ смыслѣ! Онъ будетъ напоминать о томъ времени, когда въ партіи роль блестителей морально-политическихъ принциповъ играли Троцкіе, когда „нравственно карали“ товарищѣ, отстаивающихъ „догму“ отъ „идейныхъ расщелинъ“, которая въ ней проводили „духовные руководители“! И будущій историкъ скажетъ, что въ то время,

*) Н. Михайловскій.

**) См. курьезное признаніе Троцкаго въ протоколахъ Лиги. Оказывается, что онъ исполнялъ функцию духовной дубины въ могучемъ кулакѣ Лепина! Теперь онъ хлещетъ Ленина „въ зубы“ и приглашаетъ его — знать она сильна! — „устраниться по возможности безъ шума и лишнихъ беспокойствъ“.

когда принципы революционной соціалдемократії были „болье или менѣе“ забыты, нашлась одна „группка“, которая напоминала партіи о „забытыхъ словахъ“ и указывала, что это забвение неминуемо доведетъ ее до „трагического положенія“. *)

Но оставимъ всѣхъ этихъ Сорокиныхъ, Кольцовыхъ, Павловичей, Троцкихъ, съ такимъ усердіемъ занимавшихся морально-политическимъ самооплываніемъ. Мы коснемся только тѣхъ обвиненій, которыхъ имѣютъ хотя бы тѣнь правдоподобія.

Вопреки утвержденію Мартова, которому опять измѣнила его прекрасная память, члены гр. „Борьба“ не переходили изъ организаціи въ организацію, пигдѣ не уживаясь. Нѣкоторые изъ нихъ были членами бывшаго Союза — и только. Изъ организаціи „Искры“ они никогда не выступали, потому что никогда не входили въ нее. Что они имѣли вполнѣ достаточныя основанія не вступать въ Лигу при ея старомъ уставѣ, пойметъ теперь всякий уважающій себя товарищъ, который дасть себѣ трудъ познакомиться съ этимъ уставомъ. Что они не могли оставаться сотрудниками „Искры“ и „Зари“, разъ вмѣ не была обеспечена возможность высказывать свое „особое мнѣніе“ — ясно не только для представителей теперешняго „меньшинства“. Что группа „Борьба“ имѣла принципіальныя отличія при самомъ своемъ выступленіи, не могли не видѣть только люди совершенно беззаботные на счетъ теорій, хотя у самого Ленина они могли читать, что „отъ упроченія того или другого „оттѣнка“ можетъ зависѣть будущее россійской соціалдемократіи на много и много лѣтъ“ **) Уже въ „Объявленіи обѣ изданіяхъ“ гр. „Борьба“ было указано, что „организаціонный планъ“ „Искры“ не имѣтъ ничего общаго ни съ какой „ортодоксіей“, что, по скольку онъ развить въ статьѣ „Съ чего начать“, этого планъ совершенно фантастической, разсчитанный на такой періодъ революціон-

*) Что касается до обвиненія группы „Борьба“, въ томъ, что она дѣйствовала „въ интересахъ своей политической каррьеры“, то отвѣтъ на такую низкую и гнусную инсінуацію значило бы опускаться до морально-политического уровня Троцкихъ. Будемъ надѣяться, что нравственная атмосфера партіи будетъ, на конецъ, дѣйствительно очищена и что будетъ разъ на всегда положенъ конецъ распространенію завѣдомо-ложныхъ инсінуаций, имѣющихъ цѣлью опорочить политическую репутацію какого нибудь товарища.

**) Ленинъ, „Что дѣлать?“, стр. 15.

наго движенія, когда оно находится еще въ зародышѣ, когда дѣло идетъ о сбираніи и сплоченіи отдельныхъ сочувствующихъ другъ другу личностей, а не о слитіи или соединеніи уже действующихъ организацій. *) Въ томъ же самомъ объявлѣніи указывалось, что, „пренебрегая дѣломъ организаціи пролетаріата, предоставляемъ его въ исключительное вѣдѣніе „экономистовъ“ различныхъ толковъ, революціонная соціалдемократія тѣмъ самымъ способствовала бы, хотѣть ли оча этого или нѣтъ, укрѣпленію и развитію тѣхъ условій, при которыхъ рабочій классъ можетъ подпасть подъ политическое вліяніе несоціалистическихъ или даже враждебныхъ соціализму элементовъ“. Огмѣчено было также принципіальное отличіе по аграрному вопросу. Вѣрно только одно: при своемъ выступленіи группа не указала на свои программные отличія. Это объясняется тѣмъ, что тогда эти отличія не могли еще быть „отличіями“. Для этого нужно было, чтобы „Искра“ отступила отъ „догмы“. И гр. „Борьба“ уже объяснила, что она не выступила бы съ особынными проектою программы, если бы, къ ся вящшему изумленію — то же разбита иллюзія! — не оказалось, что „Искра“ избороздила старую программу „идейными расщелинами“, въ которыхъ „болѣе или менѣе“ проваливались основные принципы „догмы“.

И опять таки, вопреки увѣреніямъ Маргова и Троцкаго, группа „Борьба“, никогда не выступала „примирительницей“ и всегда энергично протестовала противъ всякихъ компромиссовъ на пивѣ принциповъ.**) Точно также группа „Борьба“ никогда и нигдѣ не обвиняла „Искру“ въ преувеличиваціи и разногласій, а въ своемъ легчайшемъ листкѣ она утверждала лишь, что „такіе планы“, какъ развитій въ „Что дѣлать?“, могутъ только поддерживать и укрѣплять нашу разъединенность и уже въ своемъ объявлѣніи решительно высказалась противъ

*) Мы ниже встрѣтимся еще съ аналогичнымъ планомъ Аксельрода, выставленнымъ имъ въ началѣ 90-хъ годовъ.

**) „Какъ бы ни было важно объединеніе, никогда не надо забывать, что объединеніе, купленное цѣною принципіальныхъ сдѣлокъ, очень ненадежно. Въ компромисѣ закрѣпляется цѣлый рядъ явленій уже отживающихъ. Такимъ образомъ, только искусственно удлиняется жизнь всякихъ отжившихъ принциповъ. Объединеніе, являющееся результатомъ принципіальныхъ уступокъ, можетъ только задержать ростъ партій“. Н. Рязановъ, Новая программа „Рабочаго Дѣла“, стр 49.

попытки Мартова зачислить въ ряды оппортунистовъ всѣхъ товарищай, не соглашавшихся съ тѣмъ, что планъ Ленина единственно ортодоксальный планъ, хотя эти товарищи „принципіально расходились съ представителями экономического направлениія“. *)

На съѣздѣ такимъ образомъ почти безгранично господствовала „Искра“. Хотя конституція, выработанная О. К., исключала императивные мандаты, громадное большинство делегатовъ было связано „присягою“. Такъ какъ для О. К. понятія „революціонная соціалдемократія“ и „Искра“ были синонимами, а объединеніе партіи могло быть достигнуто только путемъ объединенія вокругъ этой литературной группы, которая должна была дать партіи „единство взглядовъ“ и „твърдость убѣжденій“, то О. К. усердно продолжалъ уже начатое „Искрой“ собираченіе „рукоприкладствъ“. Страстно жаждая объединенія, желая такъ или иначе уложить конецъ дезорганизованности партіи, водворить „порядокъ“ въ „великой и обильной землѣ нашей“, комитеты одинъ за другимъ въ болѣе или менѣе приличной формѣ „присягали“ своимъ будущимъ „духовнымъ руководителямъ“. „Этимъ признаніемъ „Искры“ комитетами, говоря словами одного изъ „твърдыхъ“ искровцевъ, не могло помѣшать и не помѣшало плохое или даже полное незнакомство съ ея программой, ибо признаніе касалось области выражаемыхъ „Искрой“ принципіальныхъ, так-

*) Доказательство „переметчивости“ гр. „Борьба“ Троцкій видѣлъ въ томъ, что я называлъ Мартова „типичнымъ экономистомъ“. Самого Мартова это привело въ такое „раздраженіе“, что онъ любезно окрестилъ меня „Гудой“. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы успокоить его. Типичнымъ экономистомъ я считалъ автора „Рабочеѣ дѣло въ Россіи“. И таковыми я считаю его и теперь, какъ считалъ и тогда, когда цитировалъ его брошюру въ своей статьѣ въ Зарѣ (№ 1), въ той самой статьѣ, въ которой „Искра“ „выступила съ прямо полемикой противъ „Рабочаго Дѣла“. Мартова я считалъ до послѣдняго времени типичнымъ „политикомъ“. И если я его теперь не считаю такимъ, то только потому, что, бывши послѣдовательно типичнымъ „экономистомъ“ и типичнымъ „политикомъ“, онъ теперь переживаетъ новую эволюцію, для меня еще не выяснившуюся. И рискуя опять попасть въ „Гуды“, я долженъ заявить, что, хотя въ новомъ изданіи своей брошюры Мартовъ устранилъ указанныя мною „отступленія“, все таки брошюра посить явственные слѣды своей „исторіи“. „Экономизмъ“ нельзя исправить механической пріемѣсью „политики“,

тическихъ и общеорганизационныхъ идей русской социальдемократіи". Комитеты, "призывали" и, пламен'я "товарищескимъ довѣріемъ", о которомъ такъ краснорѣчиво писалъ въ новомъ евангелии русскихъ соціалдемократовъ Ленинъ, такали не хуже тѣхъ головотяповъ, которые искали себѣ князя.

„Ладно. Володѣть вами я желаю, — сказалъ князь. — а чтобы идти къ вамъ жить — не пойду! А вотъ посылаю къ вамъ за мѣсто меня, самаго этого агента. Пушай онъ вами дома править, а я отсель и имъ, и вами помыкать буду!"

Понурили головотяцы головы и сказали:

— Такъ!

— И будете вы платить мнѣ дани многія, — продолжалъ князь. — Когда же пойду на войну — и вы идите! А до прочаго вамъ ни до чего дѣла нѣтъ!

— Такъ! отвѣчали головотяпы.

— И тѣхъ изъ васъ, которымъ ни до чего дѣла нѣтъ, я буду миловать; прочихъ-же всѣхъ казнить.

— Такъ! отвѣчали головотяпы.

Была, правда, разница. Наши комитеты "впередъ глядѣли безъ боязни". Вмѣстѣ съ "Южнымъ Рабочимъ" они были убѣждены, что "вопросъ совершенно не въ томъ, будетъ ли хорошо поставлено дѣло на Обуховскомъ заводѣ или въ Кіевѣ и Екатеринославѣ" (*), а въ томъ, чтобы имѣть "князей", которые помогутъ имъ "выбраться" на путь настоящей сильной политической партіи. А такие "князья" были, и все у нихъ было, какъ "на ладони".

Что же удивительного, что О. К., исполнивъ свою задачу "своза" делегатовъ, совершенно не позаботился о мало мальски рациональной организаціи съѣзда. Ни по одному вопросу не было приготовлено рефератовъ, которые могли бы служить для ознакомленія членовъ съѣзда съ положеніемъ даннаго вопроса. Да и для чего нужны были эти рефераты, что нужно было еще доказывать, когда всѣ на всемъ уже заранѣе согласились? Всякая попытка обсужденія какого либо вопроса встрѣчалась ропотомъ большинства: она только напрасно отнимаетъ время у съѣзда. „Для чего оттягивать изъ-за формалистики? Всѣ согласны приблизительно во

*) „Южный Рабочій“, № 11.

всемъ. Этотъ вопросъ ясенъ“ *) Schwamm drüber! А одинъ изъ „духовныхъ руководителей“, Мартовъ, ставить даже на видъ „огромныя неудобства превращать съездъ въ ученыя засѣданія“!

По той же самой причинѣ, вопреки всѣмъ правиламъ логики, извращенъ былъ весь порядокъ съезда и въ первую голову попадаетъ пунктъ „Мѣсто Бунда въ Р. С. Д. Р. И.“ Почему? Да просто потому, что это была единственная сильная организація, вносявшая дисгармонію въ стройное единогласіе присягнувшихъ „Искрѣ“ делегатовъ.

Вся атмосфера съезда пропитывается специфическимъ душкомъ, такъ часто вѣяющимъ со страницъ „Искры“. Горинъ напр. великодушно отказывается „допытываться, для чего Мартынову нужно было цитировать безконечно Маркса, Энгельса, Каутского, и т. д. и т. д.“ Поповъ вызываетъ апплодисменты, приписывая Акимову пошлые мотивы. Когда приступили къ „расщущенію“ допущенныхъ и даже не допущенныхъ группъ, Русовъ, съ вполнѣ похвальной откровенностью, высказалъ, чѣмъ руководились въ этомъ дѣлѣ делегаты: „Южный Рабочій“ совершилъ опредѣленно заявиль въ свое время о полной солидарности съ „Искрой“. Поэтому вопросъ о „Южномъ Рабочемъ“ немногого шекотливѣе! А предсѣдатель „предлагаетъ не употреблять такихъ выраженій (дѣло идетъ о ругательствахъ) по адресу товарищей по партіи, хотя бы и отсутствующихъ“!**)

Однимъ словомъ вся, полезная работа, которая можетъ и должна быть произведена партійнымъ съездомъ, заразѣ сводилась на нѣть. Съездъ ничего не долженъ былъ вырабатывать, онъ долженъ былъ только санкционировать и утверждать. И вполнѣ понятно негодованіе Ленина, который такъ сердился на всякия проволочки, чинимыя несогласно мыслящими элементами.

Но, не смотря на различныя „подсиживанія“, съездъ, вѣроятно, кончился бы вполнѣ „благополучно“, если бы вдругъ не всплыло наружу одно обстоятельство: оказалось, что то самое „духовное ядро“, объединеніе вокругъ которого должно

*) Слова Костича.

**) Воронежскій комитетъ не былъ допущенъ только потому, что велъ агитацио противъ „Искры“.

было обеспечить партії „тврдость убѣжденій и единство взгля-
довъ“, къ вящшему изумленію всѣхъ делегатовъ, внезапно ра-
сколовоилось. Треснуль и развалился на части камень, на кото-
ромъ должна была быть воздвигнута будущая партія. „Въ
датскомъ царствѣ что-то гнило“!

„Цѣлость литературной группы, сплотившей (?) партію,— говорилъ Мартовъ на съѣздѣ Лиги, ergo уже послѣ ра-
скола, — была основной гарантіей устойчивости партійнаго направлениія въ нашихъ условіяхъ, когда
оторванность партіи отъ непосредственного обще-
нія съ развивающимся пролетаріатомъ и внѣшнія
препятствія создаютъ благопріятную почву для
всякихъ шатаній. Это было частью моего — и всей
„Искры“ — символа вѣры, и тотъ, кто хотѣлъ отъ него от-
казаться, долженъ быть прямо и ясно сказать это“.

Трудно дать болѣе яркое выраженіе того Personencultus, ко-
торый съ самаго начала пропитывалъ всю организацію „Искры“
и такъ часто придавалъ дѣятельности ея „агентовъ“ религі-
озно-сектантскій характеръ. Вмѣсто того, чтобы искать сред-
ства, которыя помогли бы сблизить и связать партію съ раз-
вивающимся пролетаріатомъ, всей партіи и пролетаріату вы-
давалось свидѣтельство въ соціалдемократической неблагона-
дежности, и они огдавались подъ гласный надзоръ или, го-
воря словами Аксельрода, „во власть маленькаго духовнаго
ордена, который къ тому же, и по географическимъ и по
инымъ условіямъ, не можетъ даже находиться на территорії
управляемыхъ имъ подданныхъ.“ *)

Партію приглашали объединяться не вокругъ данныхъ
принциповъ, въ основу организаціи клалась не постоянная

*) А Аксельродъ считаетъ эту утопію результатомъ борьбы
съ экономизмомъ! Данъ, по увѣренію Мартова, не менѣе компе-
тентный по вопросу объ опредѣленіи искровскихъ взглядовъ, чѣмъ
Ленинъ, пишетъ въ своемъ письмѣ противъ послѣдняго: „Мо-
жемъ-ли мы поддерживать такое положеніе дѣлъ, которое связы-
ваетъ всю судьбу партіи и, слѣдовательно, судьбу русскаго про-
летаріата и русской свободы съ судьбой одного лица, какъ бы
мы ни вѣрили въ его умъ, талантъ и energiю?“ Но её, конечно,
можно связывать съ судьбой данной литературной группы, состо-
ящей изъ нѣсколькихъ лицъ! Или можетъ быть „символъ вѣры“
настоящихъ „искровцевъ“ признаетъ только троицы? Къ любо-
пытному письму Данъ мы еще вернемся ниже.

проверка (постоянный контроль) на оселкѣ данныхъ принциповъ (программы) всѣхъ выбранныхъ и отвѣтственныхъ предъ партіей лицъ, которыхъ выбиравались бы и смыслились партіей, смотря по тому, на сколько точно они являются выразителями и защитниками данныхъ принциповъ. Нѣтъ.

Принципы (программа) принимались со стороны „компактнаго большинства“ безъ всякой проверки просто потому, что они были выставлены этими лицами.

Партію приглашали объединиться вокругъ данныхъ лицъ, которыхъ одни только, по убѣжденію Мартова и всѣхъ делегатовъ, являлись „основной гарантіей устойчивости партійнаго направлениія“ и, давъ партіи „твердость убѣжденій“ и „единство взглядовъ“ обеспечили бы ее отъ „всякихъ штатаній“. Въ основу партійной организаціи клалось одно только довѣріе, и всякая мысль о проверкѣ, о контролѣ казалась настільки новоявленнымъ славянофиламъ въ соціалдемократическомъ облаченіи на силѣ мъ надъ свободнымъ самоопредѣленіемъ той самой редакціи, которая, говоря словами Аксельрода, была воплощеніемъ истинной революціонной соціальдемократіи.

И когда делегаты, исходя изъ этого твердаго убѣжденія, связали себя признаніемъ „Искры“, какъ таковой, они не могли не попасть въ тупой переулокъ, какъ только въ самой редакціи обнаружились разногласія. Принципіальная разногласія, уже бывшія въ редакціи, но „вгонявшіяся внутрь“ въ силу указаннаго Мартовымъ символа вѣры, вдругъ прорвались. Дѣло сводилось такимъ образомъ къ тому, кто прежде откажется отъ „символа вѣры“, кто прежде „осмѣлится“? Опираясь на признаніе Ц. О.— „Искры“ и вполнѣ справедливо считая себя наиболѣе яркимъ выразителемъ ея направлениія, Ленинъ „осмѣлился“ первый. И нужна не малая степень политической наивности, воспитанной въ душной атмосфѣрѣ маленькихъ „духовныхъ орденовъ“, чтобы видѣть въ этомъ актѣ не логическое послѣдствіе всего положенія, созданного нѣсколькими годами искровской пропаганды, а личную злоказненность Ленина.

И если бы старая „Искра“ не пріучила свою „частву“ искать за принципіальными разногласіями непремѣнно личнаго, если бы эта „частва“ не привыкла отождествлять всѣхъ своихъ „духовныхъ руководителей“, она сейчасъ бы замѣтила за личными разногласіями въ средѣ редакціи

4-7003

принципиальная, и мы бы были бы избавлены отъ компрометирующихъ партію сценъ на съѣздѣ и отъ неменѣе компрометирующей партію полемики послѣ съѣзда.

Въ группѣ, которая должна была избавить партію отъ шатаній, оказались „шатающіеся“ элементы. Партіи грозила опасность. И вотъ одни делегаты, не считавшіе возможнымъ опредѣлить, чтобъ „въ томъ стройномъ и кристаллически-цѣльномъ цѣломъ, какимъ была „Искра“, явилось созданіемъ того или другого, настаивають на сохраненіи старой редакціи цѣликомъ, а другіе, вмѣстѣ съ Павловичемъ считавшіе это возможнымъ, рѣшили выбросить за бортъ всѣхъ „шатающихся“, чтобы обеспечить партіи „твердость убѣжденій“ и „единство взглядовъ“. Одни оказались „мягкиши“.

„Шли головотяпы домой и вздыхали. „Воздыхали, не ослабляющи, вопіали сильно!“, свидѣтельствуетъ лѣтописецъ. „Вотъ она, княжеская правда какова,“ говорили они. И еще говорили: „такали мы, такали, да и протакали.“

А другіе оказались „твѣрдыми“. При крикахъ „громъ побѣды раздавайся“, какъ и подобаетъ вѣрнымъ Россамъ, они создали единую и нераздѣльную партію, обеспечили ей „твердость убѣжденій“ и „единство взглядовъ“ и на вѣчныя времена спасли ее отъ дезорганизованности! И, въ видѣ символа, на знамени своемъ нарисовали „ироническій“ всесиа-сающій искросыпительный кулакъ! Симъ побѣдиши!

III.

Обезпамятѣвшие марксисты.

Теперь, когда мы знаемъ, какъ созванъ былъ съѣздъ, не трудно отвѣтить, на вопросъ: что могъ дать такой съѣздъ? Ровно ничего, что оправдывало бы его созывъ или „свозъ“. И мы вполнѣ понимаемъ тѣхъ „твѣрдыхъ“ — тверже мѣди! — „искровцевъ“, которые считали съѣздъ простой формальностью. Они разсуждали, какъ достопочтенный Кольцовъ, по старому рецепту Омара. Если делегаты могли бы сказать что нибудь новое, то оно несомнѣнно было бы невѣрно, а все вѣрное, что они могли бы сказать, было бы не ново, т. е. повтореніемъ того, что уже все равно сказала „Искра“.

„Вполнѣ отрицая съѣздъ, какъ органъ созидающій и санкционирующей Ц. К., мы допускаемъ созывъ лишь такого съѣзда, (если „Искра“ и О. К. признаютъ это цѣлесообразнымъ), который „формально закрѣпить“ то, что создано усилиями О. К., съ помощью всей российской истинно революціонной соціалдемократіи“. И подъ „формальнымъ закрѣпленіемъ“ они понимали „рядъ совмѣстныхъ обсужденій и распределеніе Ц. К. силъ и функцій между представленными организаціями... Не болѣе!“ *) И въ самомъ дѣлѣ: чего же больше! „Искрѣ“ — функцію распределенія функцій, а „представленнымъ организаціямъ“ — предоставить различныя функціи, конечно, по системѣ порученій.

Съѣздъ долженъ быть радикально ликвидировать пассивы, оставленные предшествовавшими періодами. Для этого ему необходимо было бы ясно опредѣлить тѣ задачи, которыя объединенная партія должна будетъ преслѣдовать и намѣтить тѣ пути, которыми она должна ихъ осуществлять. Дѣло съѣзда было также выработать директиву или указанія центральнымъ учрежденіямъ на счетъ предварительныхъ работъ, необходимыхъ для подготовленія партій къ расширенію круга

*) Къ вопросу о нашихъ партійныхъ задачахъ (Письмо въ „Искру“) № 50.

ея задачь и арены дѣятельности. Но ничего подобного сдѣлано не было“, съ горечью прибавляетъ Аксельродъ. Tu l'as voulu, Georges Dandin, tu l'as voulu! можемъ мы только сказать тѣмъ „мягкимъ“—мягче воска!—искрякамъ, которые смотрять теперь съ такимъ уныніемъ на свое „разбитое корыто“.

И когда Аксельродъ прибавляетъ, что съѣздъ удовлетворился только обсужденіемъ и утвержденіемъ программы, выработкой устава и выборомъ членовъ въ Ц. О. и Ц. К., то мы можемъ спросить его: а для чего другого созывался этотъ съѣздъ? Пусть онъ посмотритъ въ порядокъ дня, выработанный „Искрой“ и О. К. Найдетъ ли онъ въ немъ хоть какоенибудь указаніе на необходимость „ясно опредѣлить“ задачи будущей партіи? Когда въ своей „никому не нужной“ книжѣ я сдѣлалъ именно эту попытку, *) одна мысль о томъ, что слѣдуетъ подвергнуть пересмотру постановку этихъ задачъ, какъ онъ были формулированы „Искрой“, казалась „омеряченнымъ“ искрякамъ исчадіемъ самого зловредного оппортунизма.

Въ результатѣ: протоколы съѣзда, опубликованіе которыхъ можно было бы привѣтствовать еще больше, если бы они были лучше редактированы, имѣютъ теперь значеніе только, какъ показатель степени развитія, которой достигли элементы, руководимые „Искрой“, и не имѣютъ никакого значенія для громаднаго большинства членовъ партіи, какъ комментарій и руководство въ основныхъ вопросахъ тактики и программы. И для „искровскаго“ съѣзда очень характерно то обстоятельство, что особенно быстро была „отдѣлана“ теоретическая часть программы, конечно, изъ боязни превратить засѣданія съѣзда въ ученія засѣданія „педантовъ“ и „буквоедовъ“!

Достаточно напомнить, какъ принялся за такое же дѣло первый съѣздъ, чтобы видѣть, какъ шагнули мы впередъ какъ разъ въ тотъ періодъ развитія русской соціалдемократіи, когда ея литература вела „исчерпывающую“ теоретическую борьбу со всякими порожденіями голаго практицизма.

Первый съѣздъ ставилъ себѣ задачей выработать программу. Для этого каждый депутатъ долженъ быть доста-

*) Плехановъ тоже просмотрѣлъ, что моя брошюра посвящена „проекту программы „Искры“ и задачамъ русскихъ соціалдемократовъ“.

вить проектъ программы. Теоретическая посылки и практическіе выводы изъ нихъ должны были быть выражены въ ясныхъ, краткихъ выраженіяхъ. Каждое изъ послѣднихъ должно было быть отдельно обосновано и образцомъ должна была служить эрфуртская программа. *)

Второй съездъ во всемъ этомъ не нуждался. Все было готово. Ничего не понадобилось вырабатывать. Нужно было только санкционировать.

Посмотримъ же, что утвердилъ съездъ, къ чему онъ совершилъ „рукоприкладство“?

Съездъ принялъ программу, предложенную редакціей „Искры“, вѣрнѣе, санкционировалъ ея принятіе, фактически имѣвшее мѣсто до съезда. **)

Особенное, прямо трогательное единодушіе проявили члены съезда, когда утверждали теоретическую часть программы.

Духовные руководители, забывъ азбуку марксизма, споткнулись на самомъ „порогѣ“ программы и, вслѣдъ за своимъ бывшимъ соратникомъ П. Струве, декретировали, что международный характеръ рабочаго движенія создается въ послѣднемъ счетѣ развитіемъ обмѣна, — и добродушные делегаты сейчасъ же откликнулись: такъ, точно такъ!

И если теперь наши „практики“ въ своихъ спорахъ съ размножившимися у насъ брентанистами — всѣми этими Озеровами, Денами, Вормсами и tutti quanti — будутъ указывать на второстепенное значеніе обмѣна, если они будутъ доказывать, что именно развитіе и распространеніе капиталистического способа производства связываютъ всѣ отдельныя капиталистическія страны въ одинъ цѣлостный капиталистический организаціи, то наши струвисты, брентанисты и т. д. и т. д. смогутъ сказать имъ: посмотрите въ свою программу — большую уступку Брентано вы сдѣлать не могли!

„Духовные руководители“, какъ кошмаромъ терзаемые призракомъ автора „дрянной книжонки“, декретировали, чтобы

*) См. Материалы для исторіи первого съезда въ сборнику Г. А. Куклина: „Итоги революціоннаго движенія въ Россіи за 40 лѣтъ“.

**) Могъ же Ленинъ за нѣсколько мѣсяцевъ до съезда писать комментарій къ программѣ „Искры“ на томъ основаніи, что она уже принята большинствомъ комитетовъ и слѣдовательно является какъ бы партійной программой?

разъ на всегда избавиться отъ всякихъ „недоразумѣній“, слѣдующее „болѣе или менѣе“ бернштейніанское положеніе: „Область господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній все болѣе и болѣе расширяется по мѣрѣ того, какъ постоянное усовершенствованіе техники, увеличивая хозяйственное значеніе крупныхъ предпріятій, ведеть къ вытѣсненію мелкихъ самостоятельныхъ производителей, превращая часть ихъ въ пролетаріевъ, съживая роль остальныхъ въ общественно-экономической жизни, и мѣстами ставя ихъ въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую, зависимость отъ капитала“ — и „руководимые“, какъ одинъ человѣкъ, крикнули: такъ, точно такъ!

И если какой нибудь „практикъ“ въ спорахъ съ нашими бернштейніанцами, настоящими и будущими, скажетъ вслѣдъ за Плехановымъ: „Въ самомъ дѣлѣ, если современный капитализмъ... не ведеть съ одной стороны къ концентраціи капиталовъ въ немногихъ рукахъ и съ другой къ пролетаризаціи массъ все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ, если это такъ, то спрашивается, почему должны расти духъ недовольства, революціонное настроеніе среди рабочаго класса, почему долженъ развиваться антагонизмъ среди рабочаго класса, почему должны обостряться классовая противорѣчія?“ *) — противники скажутъ ему: загляните въ свою программу, и вы увидите, что вы обобщаете явленія, которыя происходятъ только „мѣстами“, что вы сгущаете краски, говоря о пролетаризаціи массъ все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ тамъ, гдѣ въ пролетаріевъ превращается только часть самостоятельныхъ производителей, а остальные становятся только въ болѣе или менѣе полную (и еще два раза — болѣе или менѣе) зависимость отъ капитала!

„Духовные руководители“, поощряемые примѣромъ Плеханова, уже успѣвшаго забыть, по „своимъ умомъ“ все еще

*) См. рѣчь Плеханова, протоколы съѣзда, стр. 128. Плехановъ очень всесторонній человѣкъ и состроить изъ одной, изъ другой, изъ третьей и т. д. и т. д. сторонъ, смотря по настроению. Такъ, рисуя положеніе крестьянъ на Западѣ, онъ говоритъ: „Расширение области господства капиталистическихъ отношеній дѣлаетъ положеніе мелкаго производителя, — какъ въ промышенности, такъ и въ земледѣліи, — все болѣе и болѣе непрочнымъ, зависимымъ и тяжелымъ“ См. „Пролетаріатъ и крестьянство на Западѣ“, „Искра“ № 33. Конечно, Россія — не Западъ!

не постигающего разницы между цѣной труда и цѣною рабочей силы, забыли также разницу между количествомъ рабочей силы и количествомъ живаго труда, которое можно выколотить изъ этихъ рабочихъ силъ, и декретировали тождество послѣднихъ двухъ понятій — и „руководимые“, не моргнувъ даже глазомъ, грянули: такъ, точно такъ!

И если „практики“ будуть теперь доказывать, что техническій прогрессъ нисколько не уменьшаетъ потребность предпринимателей въ живомъ труде рабочихъ, что, наоборотъ, именно техническій прогрессъ позволяетъ предпринимателямъ удовлетворять ихъ всегда расгущую жажду въ живомъ труде рабочихъ, путемъ усиленій эксплуатациі того же самаго или даже уменьшеннаго количества рабочихъ силъ, что такимъ образомъ они получаютъ возможность увеличивать долю постояннаго капитала на счетъ перемѣннаго, что все это ведетъ къ увеличенію резервной арміи, а слѣдовательно къ пониженію заработной платы — прогишкаль доста точно будетъ указать „практикамъ“ на тотъ пунктъ программы, который доказываетъ, что техническій прогрессъ приводитъ „къ относительному уменьшенню потребности предпринимателей въ живомъ труде рабочихъ!!“

„Духовные руководители“, вмѣстѣ съ Плехановымъ кстати и не кстати говорящіе о діалектицѣ — увы! словъ, а не идей и фактовъ — наградили русскую соціаллемократію „метафизической“ характеристикой буржуазнаго общества, — и „руководимые“ безпркословно гаркнули: такъ, точно такъ!

И „практикамъ“ теперь придется доказывать, что въ Россіи „самая важная и значительная часть средствъ производства и обращенія товаръ въ принадлежитъ небольшому по своей численности классу лицъ“, что „огромное большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ“!

„Духовные руководители“, „болѣе или менѣе“ уподобляясь Роперамъ и Виртамъ, съ удивительной многосторонностью и обстоятельностью указали, что „болѣе или менѣе острые промышленные кризисы, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя“ вызываются уменьшениемъ спроса на рабочую силу и увеличеніемъ зависимости наемнаго труда отъ капитала, т. е. забывъ *differen-tia specifica* Марксовской теоріи кризисовъ, повторили Родбертусовскую теорію въ обработкѣ Бернштейна — и „руководи-

мые" забили въ літавры и откликнулись: такъ, точно такъ.

И когда „практики“ будуть доказывать, что какъ бы ни увеличивали заработную плату рабочихъ, какъ бы ни уменьшалась зависимость наемного труда отъ капитала, капиталистическое производство заключаетъ въ себѣ такія условія, при которыхъ временное сравнительное благосостояніе рабочаго класса только является буревѣстникомъ кризиса, — противникамъ придется лишь указать на программу и пресловутый комментарій Плеханова.

И также охотно, съ такой же готовностью, „руководимые“ такали, когда „духовные руководители“ то заикались, декретируя сначала „относительное или даже абсолютное“, а послѣ „относительное, а иногда даже абсолютное ухудшеніе положенія рабочаго класса“, то вслѣдъ за Мильтераномъ и Жоресомъ пичкали программу повтореніемъ на всякие лады словъ „конечная цѣль“!

А надѣль всей этой теоретической нелѣпицей невидимо парилъ духъ автора „дрянной книжонки“, съ торжествомъ уже взвѣшивавшаго шансы, которые даетъ новая программа русскихъ „строптивыхъ“ соціалдемократовъ для нового, еще болѣе рѣшительного, похода противъ Эрфуртской программы.

„Въ какое умиленіе придетъ авторъ „дрянной книженки“, когда прочтеть это „гибкое“ положеніе! Какое ликованіе начнется въ лагерѣ бернштейніанцевъ, когда они узнаютъ, что подъ этимъ самыемъ положеніемъ подился одинъ изъ самыхъ видныхъ теоретиковъ научнаго соціализма, одинъ изъ самыхъ „строптивыхъ“ защитниковъ ортодоксіи — Г. В. Плехановъ! Нашего полку прибыло!“

Такъ писалъ я больше года тому назадъ, когда „по соображеніямъ — Плехановъ очень проницательный человѣкъ — не имѣющимъ ничего общаго съ задачами соціалдемократической программы“, придирился, какъ слѣдуетъ „буквоѣду“ къ „нашѣй“ „болѣе или менѣе“ нелѣпой программѣ *).

*) Свои статьи противъ моего „ортодоксальнаго буквоѣства“ Плехановъ кончаетъ слѣдующей цитатой: „Не послѣдняя и сія причина къ несогласію, — писала однажды галантная императрица, — что некоторые порочатъ дѣла другихъ, хотя бы они и полезны были, для того только, что не ими сдѣланы, хотя сами однако же ихъ никогда не сильны сдѣлать“. И Плехановъ съ галантностью, неуступающей галантности Екатерины II, прибав-

Я ошибся. Я думалъ, что Бернштейнъ „учтеть“ свою по-
бѣду на страницахъ „Dokumente des Socialismus“ но онъ пред-
почелъ праздновать ее на страницахъ „Socialistische Monatshefte“

Статья Бернштейна носить зловѣщее название— „Ein Vorwort
zur Programmrevision“ т. е. предисловіе къ пересмотру програм-
мы“. Я очень жалѣю, что не могу привести здѣсь эту статью цѣ-
ликомъ. Она лишній разъ показала бы нашимъ товарищамъ, какъ
важны обязанности, налагаемыя на насъ международнымъ
характеромъ нашего движения. Всякая уступка, сдѣланная
бернштейністамъ въ своей странѣ, является измѣной по отно-
шению къ международной „ортодоксіи“ и служить лишь на
руку оппортунизму.

Такъ авторъ „дрянной книжонки“ тѣмъ энергичнѣе пред-
принимаєтъ дѣло пересмотра Эрфуртской программы, что
„пункты, которые онъ подвергъ критикѣ въ Эрфуртской про-
грамме, въ новыхъ программахъ, принятыхъ различными ино-
странными партиями, либо совсѣмъ выпущены, либо выражены
въ значительно ослабленной формѣ“...

„И съ этой точки зрењія, говоритъ онъ, не смотря на
доставленное ими всѣми мнѣніе удовлетвореніе, ни новая программа
австрійской соціалдемократіи, ни программа венгерской не
обрадовали меня такъ сильно, какъ проектъ программы рус-
скихъ марксистовъ искровского направлениія. Послушайте
только, какъ эта группа, для которой пишущий эти строки
является отверженнымъ изъ отверженныхъ, говоритъ о судьбѣ
среднихъ слоевъ, которые по словамъ Эрфуртской программы,
просто гибнутъ“.

Давъ переводъ того абзаца, который я привелъ выше,
Бернштейнъ продолжаетъ: „Трудно выразиться болѣе кор-
ректно, болѣе осторожно. Самый національ-либераль-
ный нѣмецкій профессоръ политической экономіи ни на секунду не поколебался бы подпи-
сать эту тезисъ, если бы онъ ему былъ предло-
женъ. Заключеніе съ тремя „болѣе или менѣе“, быть

ляетъ: „Вотъ такъ и Рязановъ. Мнѣ сдается, что нашъ проектъ
не нравится ему именно потому, что не имѣ сдѣланъ“. Пле-
хановъ, при своей слабой памяти, забылъ, конечно, кто были эти
„нѣкоторые“. Не напомнить ли вамъ, мой галантный возраж-
атель? А пока оставляю васъ въ пріятномъ обществѣ „галант-
ной“ императрицы. Я предпочитаю „общество нѣкоторыхъ“.

можетъ, покажется ему черезъ чуръ расплывчатымъ (Schwammig) но черезъ чуръ расплывчатое все таки лучше, чѣмъ черезъ чуръ аподиктическое положеніе, оно при какихъ условіяхъ не можетъ компрометировать. На „больѣе или менѣе“ можно присягнуть что угодно. Въ проектѣ программы самаго аподиктическаго крыла русской соціалдемократіи такія „больѣе или менѣе“ и тому подобныя вовсе не аподиктическія выраженія встречаются и въ другихъ мѣстахъ, где изображается экономическое развитіе. И, говоря правду, мы далѣки отъ того, чтобы серьезно порицать употребленіе такихъ осторожныхъ выраженій, и въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ мы можемъ только одобрить ихъ. Конечно, указанныя ограниченія не всюду уместны. Программа, въ которой они изобилуютъ, въ состояніи вызвать только насмѣшки. Нужно при этомъ строго отличать законы тенденціи и ихъ результаты“.

Жаль, очепь жаль, что Бернштейн не указалъ, какія именно положенія искровской программы пересаливаютъ въ сторону расплывчатости. Конечно, что „врагъ совѣтуетъ, то вѣрно худо“, какъ любитъ повторять Плехановъ, но еще хуже то, что онъ расхваливаетъ!

Бѣдный Плехановъ! Со времени его новаго „исторического поворота“ онъ не вылѣзаетъ изъ недоразумѣній. Сначала „забавное недоразумѣніе“, потомъ „грустное недоразумѣніе“, а на этотъ разъ забавно-грустное или грустно-забавное! Не заразился ли впечатлительный Плехановъ отъ автора „драной книжонки“ способностью возбуждать и вызывать недоразумѣнія, способностью, которая, по словамъ Шарвуса, составляетъ самое сильное духовное оружіе оппортунизма? Не отъ нихъ ли узнать онъ, что „въ политикѣ неизмѣнныя разъ на всегда принятыя правила неизбѣжно и быстро ведутъ къ пораженію. Кто хочетъ стать достойнымъ (!) побѣды, у того должно оставаться неизмѣннымъ одно только желаніе во что бы то ни стало прийти къ своей цѣли“!? Даже Мильеранъ не могъ бы лучше формулировать сущность оппортунизма!

„Напоминаю, что у меня была поставлена диллемма: или критика Рязанова является плодомъ его умственной бѣдности, или— желаніемъ путать вопросы по соображеніямъ личнаго свойства.

Первой части дилеммы группа „Борьба“ не приняла, на что имѣла право. Оставалась вторая часть. Но для меня дилемма остается“. Такъ „галантно“ говорилъ Плехановъ на съѣздѣ „по адресу товарищѣй по партіи, хотя бы и отсутствующихъ“!

Я далекъ отъ пошлой мысли объяснить всѣ „еволюціи“, зигзаги и повороты Плеханова „соображеніями личнаго свойства“! Но и я стою предъ дилеммой: или эти зигзаги и повороты являются результатомъ „діалектическаго“ легкомыслія обезнамятѣвшаго марксиста, или — желаніемъ путать важные вопросы по политической „беззаботности“! Мнѣ сдается иногда, что Плехановъ просто забавляется. Вѣдь такъ забавно смотрѣть, какъ „то сей, то онъ на бокъ гнется“. Дилемма все таки остается. И меня, „ортодоксальнаго буквѣда“, только восхищаетъ невозмутимое спокойствіе, съ которымъ Плехановъ мѣняетъ свои взгляды отъ понедѣльника до четверга и приписываетъ „личные мотивы“ тѣмъ, кто имѣлъ несчастіе думать уже въ понедѣльникъ то, что Плехановъ тогда забылъ и до чего онъ дошелъ „своимъ умомъ“, хотя правда и „заднимъ“, въ четвергъ!

Трудно сказать, при извѣстной „дипломатичности“ Плеханова, что собственно думать онъ о программѣ. Теперь, когда мы уже узнали отъ него, что, „если уже пошло на правду“, то надо сказать, что „нынѣшніе наши практики“ — „политики“ отличаются такою же беззаботностью на счетъ теоріи, какою отличались практики „экономисты“ недавняго прошлаго, мы завтра можемъ также впезапнѣ узнать отъ него, что онъ только по дипломатическимъ соображеніямъ неставилъ точекъ на і. Когда я указывалъ Плеханову, что нынѣшніе политики съ Ленинымъ во главѣ позволили себѣ цѣлый рядъ отступлѣній отъ идей научнаго соціализма, по скольку онъ были выражены въ лучшихъ произведеніяхъ гр. „Освобожденія Труда“, онъ услышалъ въ этихъ словахъ „музыку“ особаго свойства. А теперь онъ — увы! — далеко не увѣренъ въ томъ, что всѣ нынѣшніе „политики“ вполнѣ усвоили себѣ взгляды группы „Освобожденіе Труда“. И я не былъ бы нисколько удивленъ, если бы завтра среди соціалдемократическихъ произведеній, которая по его словамъ пользуются безупречной репутацией лишь по недоразумѣнію, вдругъ очутилась и новая программа!

Будемъ надѣяться все таки, что онъ, наконецъ, послѣднѣ-

егъ добруму совѣту кооптированнаго имъ соредактора, Мартова: „Направление идущее въ гору, усиливаемое развитіемъ классового движенія, фактически не можетъ привести человѣка въ лабиринтъ такихъ противорѣчій, онъ не знаетъ этой безпринципной смѣшны лозунговъ. Его языкъ — „да — да, нѣть — нѣть“ — въ отношеніи категоричности и прямоты принципіаль ыхъ заявленій“.*). Плехановъ думаетъ иначе. Не смѣшиваетъ ли онъ „діалектику“ съ „эквилибристикой“?

А пока, и „меньшинство“ и „большинство“ пребывають въ твердой увѣренности, что программой Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии признана „ортодоксальная“ программа, программа революціонной соціалдемократіи. (см. ст. Мартова, „Нашъ Сѣздъ“, Искра № 53).

Не знаю, играли ли они присягою, но „духовные руководители“ несомнѣнно не сдержали слова, торжественно взятаго на себя въ объявлениі объ изданіи „Искры“.

„Мы, писали они, будемъ вести нашъ органъ въ духѣ строго опредѣленнаго направлени. Это направлени можетъ быть выражено словомъ: марксизмъ, и намъ врядъ ли есть надобность добавлять, что мы стоимъ за послѣдовательное развитіе идей Маркса и Энгельса и рѣшительно отвергаемъ тѣ половинчатыя, расплывчатыя и оппортунистическія поправки, которыя вошли теперь въ такую моду съ легкой руки Э. Бернштейна, П. Струве и мн. др.“**) И редакція теперь, при громкихъ заплодисментахъ всѣхъ съѣхавшихся или свезенныхъ делегатовъ россійской революціонной соціалдемократіи, принимаетъ программу, которая своими половинчатостями и расплывчатостью приводить въ восторгъ Бернштейна и, раскрывая настежь двери всѣмъ оппортунистамъ, захлопываетъ ихъ предъ носомъ Кautского!

*) Л. Мартовъ, „Борьба съ осаднымъ положеніемъ“, стр. 24.

**) „Даже и среди буржуазныхъ идеологовъ, — писала Роза Люксембургъ въ своей статьѣ „Карль Марксъ“ („Vorwärts“, 14 марта 1903 г.)— болѣе серьезные, какъ Штаммлеръ, поняли, что противъ такого „глубоко обоснованного ученія“ ничего не сдѣлаешь всячими „половинчатостями“ и „болѣе или менѣе“. Къ несчастью, то, что уже понятно болѣе серьезнымъ буржуазнымъ идеологамъ, превышаетъ мѣру пониманія легкомысленныхъ марксистовъ. Они до всего доходятъ „своимъ умомъ“!

Съездъ также окончательно санкционировалъ допущенную съ разрѣшенія группы „Освобожденіе Труда“ подмѣну старой революціонной программы новой оппортунистической на Мартыновско-Ленинскій образецъ. Въ то время, какъ старая программа ясно и категорически заявляла, что, только опираясь на основныя политическія права, добытыя путемъ революціи, рабочая партія выдвинетъ рядъ ближайшихъ требованій, и такимъ образомъ ставила на очередь дня вопросъ о революціи, о низверженіи самодержавія, новая программа уже выдвигаетъ и уже предъявляетъ современному правительству цѣлый рядъ требованій, разсчитанныхъ на періодъ до паденія самодержавія *).

Нѣтъ! Формулируя въ своей программѣ предположительно всѣ требования, которыя мы выдвинемъ во время революціи, мы не должны ни на минуту забывать, что наша программа-минимумъ не имѣеть никакого практическаго значенія, что она не преслѣдуется какія нибудь „положительныя“ задачи. Она должна лишь дать отвѣтъ на вопросъ: чего намъ требовать во время революціи? Ея дѣло указать эти требованія рабочимъ массамъ, чтобы въ день революціи онѣ знали, вокругъ какого знамени имъ собраться, чтобы онѣ не были обмануты „честными и неподкупными, умными и образованными“ либералами Земскаго Собора. И это не менѣе, если не болѣе важно, чѣмъ „усвоеніе и широкое распространеніе самой мысли о реальной возможности, а можетъ быть и неизбѣжности революціи въ близкомъ будущемъ“, — а именно это, по мнѣнію Засуличъ, говорятъ намъ „Іюльскіе дни“. Одно должно идти рука объ руку съ другимъ. И наша программа и сама по себѣ, и въ тѣхъ устныхъ и печатныхъ комментаріяхъ, которыми она будетъ сопровождаться, должна всегда напоминать рабочему классу, что вѣтъ революціи, безъ низверженія самодержавія нѣтъ никакой надежды выйти изъ

*) Во время оно, когда у Плеханова еще не „отшибло память“, онъ писалъ русскимъ рабочимъ: „опираясь на завоеванныя вами права, вы сумѣете также хоть немного улучшить свое материальное положеніе. Ваши представители потребуютъ отъ Законодательного Собрания цѣлого ряда экономическихъ реформъ въ пользу бѣдныхъ и трудящихся классовъ“ и т. д. и т. д. См. статью Плеханова во второмъ номерѣ газеты „Рабочій“ 1885), перепечатанную въ сборникѣ Куклина.

этого ада. Этимъ революціоннымъ духомъ пропитаны были и смыслъ, и буква старой программы революціонной соціалдемократіи. Въ новой программѣ онъ совершенно исчезаетъ и уступаетъ, правда, стыдливо оговариваясь, мѣсто болѣе практическому взгляду.

И вмѣсто того, чтобы ясно и категорически заявить, что „убѣжденные, что низверженія абсолютизма можно добиться только путемъ революціи, что всякия уступки, какія будуть дѣлаться абсолютизмомъ подъ давленіемъ революціоннаго движения пролетаріата, при сохраненіи самодержавія, являются призрачными“, что только опираясь на добытыя путемъ революціи политическія права, Партия выдвигаетъ и потребуетъ въ интересахъ рабочихъ того то и того то, Партия уже требуетъ всего этого и, какъ бы только въ концѣ программы вспомнивъ, въ какой средѣ ей приходится дѣйствовать, трезвенно прибавляетъ: Съ своей стороны Партия твердо убѣждена въ томъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществлѣніе указанныхъ политическихъ и соціальныхъ реформъ достичимо лишь путемъ низверженія самодержавія и созыва учредительного собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ. А пока партія празднуетъ одну побѣду рабочаго класса за другой: сегодня проскѣтъ закона о стачкахъ, завтра о фабрічныхъ старостахъ, послѣ завтра отмѣну круговой поруки!

Надо признать, однако, что если въ теоретической части „духовными руководителями“— вполнѣ „самопроизвольно“, конечно, — сдѣланы были только два незначительныхъ измѣненія, то въ практической части наши „практики“ оказались болѣе „упрямыми“. Нельзя, правда, сказать, чтобы многія изъ сдѣланныхъ ими измѣненій особенно „способствовали къ украшенію“ этого уродливатого произведенія программной премудрости, ставшаго теперь общеобязательной партійной программой.

Наибольшимъ измѣненіемъ подверглась аграрная программа. Не „подталкиваемый“ ни однимъ изъ участниковъ съѣзда, Ленинъ вполнѣ „самопроизвольно“ предложилъ маленькую „поправочку“. Если прежде партія обѣщала, что „въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостнаго порядка“ и т. д. и т. д. она „булеть добиваться“ такихъ то и такихъ то реформъ, ясно подчеркивая такимъ образомъ „максимальный“

характеръ этихъ требованій, то теперь она уже „требуетъ“ ихъ, какъ и въ „рабочей“ программѣ, съ той только разницей, что въ рабочей части она „требуетъ“ безъ всякихъ оговорокъ, а въ крестьянской она „требуетъ“ прежде всего“. Эта маленькая „поправочка“ однимъ махомъ сносить весь „огородъ“, который съ такой помпой нагородилъ Ленинъ въ своемъ комментаріи къ аграрной программѣ. Лишая ее окончательно всякаго смысла, она очищаетъ ее отъ всякихъ „превратныхъ“ примѣсей и превращаетъ въ либеральную аграрную программу *sans phrases*.

„Отрѣзки“, до съѣзда составлявшіе пунктъ, который являлся „наиболѣе важнымъ, центральнымъ, придающимъ особый характеръ аграрной программѣ“, (слова Ленина) вмѣстѣ съ остальными требованіями, представлявшими въ своей совокупности максимумъ требованій, которыхъ мы будемъ добиваться въ день революціи, теперь превратились въ простыя бирюльки, въ которыхъ русская соціалдемократія обѣщаетъ играть „прежде всего“!

Правда, партія имѣетъ теперь — о, счастіе! — „программу, могущую служить опорнымъ базисомъ для воздействиія соціалдемократическихъ организацій на общественное (!) мнѣніе страны“. И нужно только жалѣть, что „независящія обстоятельства“ помѣшили Ленину кончить начатую имъ въ 54 № статью о „Народничествующей буржуазіи и растерянномъ народничествѣ“, въ которой онъ тщетно старается найти какое нибудь принципіальное различіе между своей программой и программой, выставленной въ ст. „Къ аграрному вопросу“ въ № 9 „Освобожденія“. Тѣ же щи, но нѣсколько пожиже!

Въ аграрной программѣ произведены были и другія измѣненія. Выпущенъ пунктъ обѣ отмѣнѣ круговой поруки, съ такимъ трескомъ „отмѣненной“ Плеве. Теперь только можно постичь всю глубину проницательности Ленина, который еще въ своей статьѣ, въ 4-ой книжкѣ „Зари“, вполнѣ резонно писалъ, что „наша аграрная программа, въ преобладающей части ея требованій, будетъ имѣть тѣмъ менѣе практическое значеніе, чѣмъ дальше идетъ развитіе сельскохозяйственного капитализма, — ибо остатки крѣпостного права, противъ которыхъ эта программа направлена, вымираютъ и сами собою и подъ вліяніемъ политики нашего правительства“. Кромѣ того, „отмѣна“ круговой поруки „явля-

етъ" изъ себя одну изъ тѣхъ политическихъ уступокъ, цѣнность и значеніе которыхъ такъ энергично ставилъ на видъ Мартынову Ленинъ въ „Что дѣлать“. И что всего важнѣе: эта „уступка“ получена была даже безъ специальной демонстраціи вѣсчущихъ сѣрыхъ рабочихъ предъ домомъ башибузука Плеве! Понятно, что русской соціалдемократіи оставалось только зарегистрировать свою новую побѣду и съ сознаніемъ исполненного долга вычеркнуть это требованіе, какъ уже ненужное, изъ своей программы! Правда, это не мѣшаетъ круговой порукѣ подъ другимъ названіемъ продолжать здравствовать, какъ ни въ чемъ не бывало! *)

За то второй пунктъ аграрной программы получилъ теперь болѣе краткую формулировку: отмѣна всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей! И если у кого нибудь могли еще возникать сомнѣнія на счетъ истиннаго смысла этого пункта, то Ленинъ своимъ разъясненіемъ на съѣздѣ окончательно показываетъ, что для него въ области аграрной политики Брентано и Маркса едино суть: „Мы добиваемся одинакового применения общаго законодательства — того, которое теперь принято во всѣхъ буржуазныхъ государствахъ, а именно исходящаго изъ основаній римскаго права, признающаго и общую собственность, и личную. Общинное землевладѣніе мы хотѣли бы (sic!) рассматривать, какъ общую собственность“.

Къ третьему пункту прибавлено новое требованіе: конфискація кабинетскихъ и принадлежащихъ лицамъ царской фамиліи имѣній. Это требуется „прежде всего“, и такимъ образомъ лишній разъ доказываетъ, что требованія аграрной программы, поскольку они выходятъ за предѣлы „отмѣны“ круговой поруки и законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей, могутъ быть выставлены только въ періодъ революціи. А если такъ, то трудно понять, почему имѣніе герцога Лейхтенбергскаго слѣдуетъ конфисковать, а предъ имѣніями Демидовыхъ, Строгоновыхъ, Шереметьевыхъ мы должны сказать: Halt! Или, быть можетъ, члены съѣзда думали вмѣстѣ съ Костровымъ, который особенно

*) См. хотя бы статью Воропонова въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы“.

настаивалъ на этомъ пунктѣ, что только имѣнія царской фамиліи украшены у народа?

Четвертый пунктъ аграрной программы съ его пресловутыми крестьянскими комитетами и отрѣзками оказался неудобоваримъ даже для „осужденного“ Троцкимъ и Мартовымъ „болота“. Наши делегаты „зѣло“ упирались. Къ сожалѣнію, дѣльныя въ общемъ возраженія Либера сосредоточивались лишь на вопросѣ о крестьянскихъ комитетахъ. И Ленинъ былъ правъ, когда замѣтилъ ему, что „разъ мы сопались на основнѣмъ вопросѣ о томъ, что отрѣзки закабаляютъ крестьянъ, то учрежденіе комитетовъ является частностью, изъ которой нелогично отвергать весь проектъ“. Характерно, что ни одинъ изъ делегатовъ не разсмотрѣлъ вопросъ о возвращеніи отрѣзковъ съ точки зрењія принциповъ соціалдемократіи.

И все таки этотъ пунктъ былъ вотированъ только большинствомъ 30 голосовъ противъ 1 при 20 воздержавшихся. И вотированъ былъ съ поправкой Кострова, еще болѣе умножившей многосмысленность этого сомнительного пункта. Поправка требуетъ „передачи въ собственность крестьянъ на Кавказѣ тѣхъ земель, которыми они пользуются, какъ временно обязанные, хизаны и пр.“! Нигдѣ не высказывается такъ ярко вся никчемность аграрной программы „Искры“, какъ въ этой поправкѣ. Напомнимъ читателю, что только въ Тифлисской и Кутаисской губ. сохранились прямые остатки крѣпостного порядка. И теперь возстановимъ полный текстъ этого требованія: „Въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостного порядка и т. д. мы требуемъ передачи въ собственность крестьянъ тѣхъ земель, которыми они пользуются, какъ временно-обязанные“!? Плеханову и Ленину позволимъ себѣ напомнить, что не только чиншевики—крестьяне, такими же крестьянами являются и хизаны, какъ ими же являются и бессарабскіе царане, о которыхъ почему то никто не вспомнилъ. Между тѣмъ они самимъ безжалостнымъ образомъ экспроприируются „бессарабскими милордами“, которые вмѣстѣ съ бессарабскими цивилистами убѣждены, копечно, что царане и хизаны только долгсрочные арендаторы (какъ это думаетъ и Костровъ). И Плеханову, который и до сихъ поръ еще не понимаетъ, о какихъ „средневѣковыхъ остаткахъ“ говорить все время Ленинъ, пора было бы, наконецъ, понять также,

что окрестить такія формы крестьянского землевладѣнія (какъ сервитуты, общинное землевладѣніе, Чиншевое право, хизанство и т. п.) „средневѣковыми остатками“ и настаивать на ихъ безусловной отмѣнѣ, на основаніи началъ римского права, значить только играть въ руку „просвѣщенными“ аграріямъ“!

Вообще, какъ справедливо замѣтилъ на съѣздаѣ Маховъ, дебаты по поводу аграрной программы показали, что „большинство говорившихъ (и самъ Маховъ въ томъ числѣ) рѣшительно не понимали, что изъ себя представляетъ выставленная программа и какія цѣли она преслѣдуется“. Хотя значеніе ея было неясно и для такого выдающагося члена съѣзда, какъ Егоровъ, она по какимъ то загадочнымъ причинамъ не явилась даже предметомъ предварительного доклада. Такъ, по словамъ Ленина, „коммиссія оказалась не въ состояніи спрavitься съ этимъ вопросомъ“!! Достаточно пробѣжать рѣчи такихъ „искряковъ“, какъ Мартовъ и Троцкій, отстаивавшихъ аграрную программу еще болѣе усердно, чѣмъ ея авторъ, чтобы видѣть, какъ плохо читали они — если только читали — статью Ленина въ № 4 „Зари“.

Самъ Плехановъ, въ своемъ отвѣтѣ Мартынову рѣшительно заявившій, что эта аграрная программа „подковываетъ его на обѣ ноги“, вдругъ началъ сильно хромать и уже въ слѣдующей рѣчи — потому ли, что былъ скверно подкованъ или потому что боялся прослыть метафизикомъ — замѣняетъ свое метафизическое „да—да“ діалектическимъ „да—нѣть“ и такъ же рѣшительно заявляетъ Либеру, что „мы, конечно, не думаемъ, что въ нашей программѣ нѣть пробѣловъ“. Вѣроятно, эти пробѣлы будутъ указаны тогда же, когда Плехановъ удосужится намъ показать, какія соціалдемократическія произведенія пользуются еще до сихъ поръ по недоразумѣнію безупречной репутаціей. Прекрасная это будетъ статья! И написана будетъ, конечно, со свойственной Плеханову литературной „галантностью“!

А пока, почтеннѣйшая публика, будьте увѣрены, говорилъ все тотъ же Плехановъ, что „отъ первого до послѣдняго слова нашъ проектъ программы является истинно-революціоннымъ въ духѣ Маркса и Энгельса и вотъ почему вы можете принять его съ совершенно спокойной совѣстью“! И когда добрые делегаты послѣдовали этому „убѣдительному“ совѣту Плеханова, онъ могъ, конечно, „съ законной гордостью ска-

зать, что принятая нами программа даетъ нашему пролетариату прочное надежное оружие въ борьбѣ съ врагами“. C'est mon opinion, et je la partage!

Я не имѣю возможности теперь подвергнуть подробной критикѣ это „прочное и надежное оружіе“, да и считаю излишнимъ, потому что мнѣ пришлось бы буквально повторить все, что я сказалъ въ своей критикѣ этой программы, когда она еще была проектомъ. *) Я надѣюсь, что буду еще имѣть случай вернуться къ этому вопросу, когда Ц. О. или Ц. К., или оба вмѣстѣ, напечатаютъ, наконецъ, комментарій къ нашей партійной программѣ. Тогда же я разберу и тѣ возраженія, которыя сдѣлалъ на мою критику Плехановъ — поскольку, конечно, они являлись возраженіями по существу, а не „галантными“ варіаціями на приведенные выше слова галантной „великой блудницы“.

Теперь я могу повторить лишь выводъ, къ которому я пришелъ въ своей книгѣ. „Однимъ изъ главныхъ, если не главнѣйшихъ, условіемъ практическаго объединенія является объединеніе теоретическое, согласіе по главнымъ вопросамъ программы и тактики. И если мы хотимъ, чтобы объединеніе было прочно, чтобы оно съ самаго начала не носило въ себѣ зародышей будущаго раскола, мы должны стараться, чтобы оно произошло на почвѣ принципіально безупречной программы... „Экономіческій“ періодъ нашего движенія, ослабивъ политическій радикализмъ нашихъ требованій, далъ возможность укрѣпиться партіи соціалистовъ революціонеровъ и пріобрѣсти даже приверженцевъ (пока не многихъ) въ средѣ рабочаго класса. Но если до сихъ поръ эта партія особенно подчеркивала умѣренность политической программы соціалдемократіи и выдвигала на первый планъ терроръ, то теперь она получаетъ новую опору въ соціальномъ ошпортунизмѣ, который защищается „Искрой“.*“) Соціалдемократія, принявъ ея программу, лишила бы себя руководящей роли въ освободительной борьбѣ всѣхъ угнетенныхъ классовъ современной

*) См. Н. Рязановъ, Проектъ программы „Искры“ и задачи русскихъ соціалдемократовъ, стр. 17—82, 210—283.

**) Въ этомъ отношеніи очень характеренъ поворотъ, который замѣчается въ „Революціонной Россіи“. Чуть не въ каждомъ номерѣ помѣщаются одна, двѣ, а то и больше статьи, обѣ аграрной программѣ русской соціалдемократіи.

Россії и, не смотря на буржуазно-демократические аллюры этой программы, потеряла бы всякое вліяніе на нашу демократію... Если оппортунизъ въ области политической программы отталкивалъ отъ соціалдемократіи оппозиціонные элементы нашего „общества“ и создавалъ лишніе шансы для укрѣпленія буржуазной демократіи, то оппортунизъ въ области экономическихъ и соціальныхъ требованій оттолкнетъ отъ насъ многие революціонные элементы трудящихся массъ и создастъ лишніе шансы для укрѣпленія партіи соціалистовъ-революціонеровъ, облекая въ плоть легенду объ индифферентизъ соціалдемократіи къ „крестьянству“. Къ этому надо прибавить, что и теоретическая часть программы, своими совершенно ненужными поправками искажая ясный и прямой смыслъ „догмы“, даетъ только лишнее оружіе господамъ „критикамъ“ и какъ бы санкционируетъ походъ нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ на „догму“ во имя „свободы критики“ *).

И чѣмъ скорѣе партія откажется отъ этой въ истинномъ смыслѣ слова „деморализующей“ программы, тѣмъ скорѣе она станетъ дѣйствительно „принципіально выдержанной кол-лективной силой, способной руководить всѣми проявленіями классовой борьбы всего пролетаріата всей Россіи“, тѣмъ скорѣе она станетъ дѣйствительнымъ авангардомъ рабочаго класса въ его борьбѣ за свое политическое и экономическое освобожденіе!

IV.

Съ шылу, съ жару — по пятаку за пару.

Не лучше обстоить дѣло съ резолюціями по главнымъ вопросамъ тактики, т. е. какъ разъ съ тѣми резолюціями, которыя лучше всякихъ уставовъ опредѣляютъ рамки дѣятельности всѣхъ органовъ Партіи. *) Выработкѣ ихъ посвящено было только одно засѣданіе, послѣдніе часы, остававшіеся въ распоряженіи съѣзда. Трудно сказать, почему однѣ резолюціи были приняты и почему были забыты резолюціи по другимъ вопросамъ.

А между тѣмъ, даже по признанію О. К., тактическіе вопросы принадлежали къ числу „мало обсуждавшихся въ печати и мало выясненныхъ“. Вопреки обѣщанію, данному въ отвѣтѣ южнымъ товарищамъ, редакція не позаботилась выработать резолюціи по главнымъ вопросамъ тактики и представить ихъ на предварительное обсужденіе товарищѣй. Не было не только краткихъ мотивировокъ каждой отдельной резолюціи, не было даже общаго доклада, который суммировалъ бы всѣ эти резолюціи и поставилъ бы ихъ въ связь съ общими программными задачами. Какъ и въ доброе старое время „экономизма“, принципы остались по одной сторонѣ, а тактика по другой, хотя именно у насъ особенно слѣдовало бы часто напоминать о томъ, что критеріемъ правильности тактики является ея „принципіальность“, что „принципы“ и „тактика“ далеко не являются различными категоріями, что „цѣлесообразность“ можетъ только тогда служить пригоднымъ подсобнымъ средствомъ при опредѣленіи правильности тактики, если постоянно испытывается сообразіе тактики съ „принципами“, формой проявленія которыхъ она всегда должна служить.

„Не мѣшаетъ напомнить, говорилъ на съѣздѣ Лиги

*) Конечно, если не смотрѣть на эти резолюціи такъ, какъ на нихъ смотрѣть реформированная редакція „Искры“, по мнѣнію которой принятые съѣздомъ резолюціи указываютъ только желательность опредѣленной тактики, а, слѣдовательно, не стѣсняютъ самодѣятельности комитетовъ.

Троцкій, что большинство — почти всѣ — резолюцій выработано меньшинствомъ и обсужденено имъ въ свободныя отъ съѣзда минуты.... Вы знаете, товарищи, какое значеніе имѣютъ тактическія резолюціи въ жизни соціалдемократической партіи. Такимъ образомъ, съ этой стороны дѣятельность нашей партіи теперь опредѣлена волей „меньшинства“.

Посмотримъ же, какъ „меньшинство“ опредѣляло дѣятельность партіи.

О террорѣ второпяхъ забыли. А между тѣмъ опредѣленная и ясная резолюція по этому вопросу въ высшей степени необходима. У насъ пока ничего нѣтъ, кромѣ совершенно несостоятельной декларациіи группы „Осв. труда“ и противорѣчивыхъ заявлений „Искры“, отличающихся силой выраженій по адресу террористовъ, но очень слабыхъ, поскольку рѣчь идетъ о терроризмѣ. Терроризмъ якобинскій, терроризмъ народовольческій, терроризмъ возмездія, терроризмъ экспрессивный и терроризмъ „синтетическій“ нашихъ соціалистовъ революціонеровъ смѣшиваются въ одну кучу. Въ то время, какъ Ленинъ въ ст. „Съ чѣдо начать“ категорически заявляетъ, „что принципіально мы никогда не отказывались и не можемъ отказываться отъ террора. Это одно изъ военныхъ дѣйствій, которое можетъ быть вънѣнѣ пригодно и даже необходимо въ извѣстный моментъ сраженія, при извѣстномъ состояніи войска и при извѣстныхъ условіяхъ“, а авторъ ст. „Логика русскаго терроризма“ увѣряетъ, что терроризмъ не опасенъ для рабочаго движенія только при высокомъ развитіи классового самосознанія пролетаріата, Мартовъ въ своемъ „Внутреннемъ обозрѣніи“ („Заря“ № 4) не менѣе категорически утверждаетъ, что „терроръ не нуженъ, если организованное массовое движеніе способно побѣдить самодержавіе, онъ бесполезенъ, если эта задача не подъ силу народному движенію, и онъ вреденъ, потому что мѣшаетъ работѣ по развитію этого движенія и превращенія его въ организованное“.

Не лучше ли было по этому вопросу дать, наконецъ, резолюцію партіи и заявить хотя бы слѣдующее:

Принимая во вниманіе, что главной задачей соціалдемократіи является развитіе классового сознанія пролетаріата,

Что въ силу этого она признаетъ нецѣлесообразными тѣ средства политической борьбы, которыя противорѣчать прак-

тического движенья и затемняютъ или задерживаютъ развитіе классового сознанія пролетариата,

Что объемъ политическихъ правъ, которыхъ добьется рабочій классъ при ликвидациі самодержавія, прямо пропорціоналенъ степени его организованности и сознательности,

Что протестъ массовой, насилие и геройство массовое неизмѣримо плодотворнѣе во всѣхъ отношеніяхъ насилия и геройства индивидуального,

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія, которая сознательно хочетъ быть и оставаться классовымъ движениемъ организованныхъ рабочихъ массъ, принципіально отвергаетъ терроръ, какъ средство политической борьбы.

Важно было также въ формѣ резолюції дать опредѣленную директиву для работы въ крестьянствѣ и въ арміи. Въ первой слѣдовало бы подчеркнуть, что русская соціалдемократія никогда не игнорировала крестьянства и съ самаго начала своего существованія поставила себѣ задачей „организацію соціально-революціонныхъ силъ города для вовлеченія деревни въ русло всемірного исторического движения“, что она отказывалась до недавняго времени отъ непосредственной дѣятельности въ деревнѣ только въ силу практической невозможности, вполнѣ увѣренная въ то же время, что сильно развитый у насъ отходъ сыграетъ роль фактора, революціонизирующего деревню, что деревня значительно измѣнилась въ теченіе послѣдніхъ двадцати лѣтъ, такъ какъ процессъ разслоенія крестьянства создаетъ все больше элементовъ для революціонной агитациі и пропаганды, что послѣднія крестьянскія волненія являются лишь отголоскомъ революціонного рабочаго движенія въ городахъ, принявъ специфическую форму только въ зависимости отъ соціальныхъ условій деревни, что партіи, поэтому, слѣдуетъ усилить работу среди тѣхъ рабочихъ, которые часто возвращаются въ деревню, вести усиленную пропаганду и агитацию въ тѣхъ пунктахъ, где собираются большими массами отхожіе сельскохозяйственные рабочіе, организовать, въ мѣру возможности, пропаганду и агитацию непосредственно въ деревнѣ и, кромѣ специальной литературы для крестьянъ, создать еще предназначенную для городскихъ рабочихъ литературу о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ резолюції объ арміи слѣдовало бы, указавъ на то, что отъ поведенія арміи во время революціи зависитъ не только число жертвъ, которая унесетъ переворотъ, но въ

известной степени и самый успѣхъ революціи, подчеркнуть, что концентрація войскъ въ крупныхъ городахъ приводить ихъ въ сопротивление съ городскими рабочими, что въ виду растущей экономической и политической борьбы русского пролетариата, правительство все болѣе умѣляетъ случаи вмѣшательства вооруженной силы въ столкновенія между наемнымъ трудомъ и капиталомъ и вообще въ политическую жизнь страны, что это обстоятельство создаетъ благопріятную почву для массовой агитациіи нашей партіи среди солдатъ, что воздействиѣ соціалдемократіи на войско является косвенно воздействиѣмъ и на крестьянство, изъ среды котораго до сихъ поръ главнымъ образомъ рекрутируется наша армія, что съ развитиемъ капитализма процентъ пролетаріевъ въ войскахъ все растетъ и такимъ образомъ создается естественный источникъ распространенія соціалдемократическихъ идей въ войскѣ и что, въ силу всѣхъ этихъ соображеній, партія признаетъ необходимымъ вести усиленную агитацию во время набора, продолжать уже начатую пропаганду соціалдемократическихъ идей въ казармѣ и постараться о томъ, чтобы всякому открытому акту политической борьбы предшествовало ознакомленіе арміи со смысломъ готовящихся событій *).

За то по вопросу обѣ отношеніи партіи къ либераламъ съѣздъ принялъ двѣ резолюціи: 1) Старовѣра и 2) Плеханова. И та, и другая одинаково оставляютъ желать лучшаго. Первая изъ нихъ, исходя изъ предположенія, что соглашеніе съ либералами на очереди, устанавливаетъ условія этого соглашенія, но въ то же время предъявляетъ либераламъ такія требованія, которыя исключаютъ всякое даже временное соглашеніе. Наивно было бы требовать отъ либераловъ, чтобы „въ своей борьбѣ съ самодержавнымъ правительствомъ они рѣшительно становились на сторону Р. С.-Д. Р. П. и чтобы они не выставляли въ своихъ программахъ требованій, затемняющихъ сознаніе рабочаго класса и демократіи вообще“. Вторая резолюція, хотя она написана Плехановымъ, который еще и до сихъ поръ не отказался отъ надежды, что наши Колупаевы и Деруновы тоже будутъ имѣть свой *Sturm und Drang* періодъ, забываетъ, что наша оппозиціонная буржуазія не вся „на

*) См. Летучій листокъ „Борьбы“: Задачи соціалдемократіи въ войскахъ.

одно лицо“, и по справедливому замѣчанію Мартова, „сводить свое отношеніе къ либеральной буржуазіи на отношеніе къ одному писателю“ *). Между тѣмъ резолюція, исходя изъ положеній: 1) что соціалдемократія, какъ представительница интересовъ самаго революціоннаго класса, должна поддерживать повсюду всякое революціонное движение противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній“, 2) что такъ вазыв. русское „оппозиціонное движение“ охватываетъ самые разнообразные элементы,— должна была бы заявить, что „ни на минуту не переставая вырабатывать въ умахъ рабочихъ болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата“, партія готова поддерживать только тѣ буржуазно-демократические элементы оппозиціи, которые выставлять требование всеобщаго избирательного права, а также полной свободы коалиціи, стачекъ, собраній, слова и печати.

Но поддержка эта вовсе не должна выражаться въ томъ, что мы, какъ это рекомендовала „Искра“ „будемъ готовиться къ тому, чтобы на всякое поруганіе скольк о-нибудь честной земщины звѣрскимъ правительствомъ пролетаріатъ могъ отвѣтить демонстраціями противъ помпадуровъ, губернаторовъ, башибузуковъ-жандармовъ и іезуиговъ-цензоровъ“ или, какъ говорилъ на съѣздѣ, тогда еще игравшій роль „дубинки“ въ рукахъ Ленина Троцкій, въ томъ, что „мы должны оповѣстить народныя массы о смыслѣ и характерѣ требованій, выставленныхъ оппозиціонными Мартыновыми, и такимъ образомъ придавать заявленіямъ этихъ Мартыновыхъ политической вѣсъ“! Она должна выражаться только въ томъ, что въ борьбѣ съ абсолютизмомъ мы будемъ указывать рабочему классу на его солидарность съ либеральными теченіями въ тѣхъ или другихъ вопросахъ, тѣхъ или иныхъ задачахъ, чтобы будемъ всенародно клеймить гнусныя продѣлки нашего правительства, на которыхъ оно не ску-

*) Въ припадкѣ теоретической „веселости“ Плехановъ „напугалъ“ теперешнихъ „честныхъ и неподкупныхъ“ либераловъ — вѣрнѣе, далъ имъ лишній поводъ продолжать ихъ лицемѣрную политику въ вопросѣ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. „Гипотетически мыслимъ случай, когда мы соціалдемократы, высказались бы противъ всеобщаго избирательного права“. Къ счастью этотъ новый теоретический антраша „вождя русской соціалдемократіи“ былъ встрѣченъ шиканьемъ даже на такомъ съѣздѣ, какъ нашъ второй.

пится даже по отношению къ нашимъ кроткимъ либераламъ. Что же касается буржуазной демократіи, если только у насъ сформируется такая, то постоянная поддержка въ указанной выше формѣ и временные соглашения, гдѣ и когда это будетъ требоваться условиями борьбы, и въ тоже время беспощадная критика всѣхъ ея иллюзій—вотъ политика соціалдемократіи по отношению къ ней. Мы никогда не должны забывать, вопреки опять таки „Искрѣ“, что рабочая демократія своими политическими требованиями не по степени, а принципіально отличается отъ буржуазной демократіи, а тѣмъ паче отъ либерализма.*). И это тѣмъ важнѣе, что проповѣдь „Искры“ произвела уже не малую смуту въ умахъ. Могъ же Троцкій заявить на съездѣ, что „конституціонныя требования земской оппозиціи составляютъ минимальную часть общенародныхъ требованій“ и настаивать на необходимости провести эту „идущую въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и затѣмняющую его сознаніе“ идею въ сознаніе пролетаріата и такимъ образомъ отмежевать нашу партію отъ другихъ! А вѣдь именно Троцкій главнымъ образомъ (вмѣстѣ съ Мартовымъ) до начала засѣданій съѣзда обрабатывалъ подъ „Искру“ тѣхъ практиковъ, которые „не вполнѣ разобрались въ вопросахъ тактики и программы“ или, какъ выражается Мартовъ, осущалъ „болото“! Можно только пожалѣть тѣхъ товарищѣй, которыхъ „осуждали“ этой буржуазно-демократической водицей!

Отношеніе соціалдемократіи къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ выражено въ резолюціи Аксельрода. Принятая съ поправкой Плеханова, она констатируетъ то, чего нѣтъ. Партія соціалистовъ-революціонеровъ есть „не болѣе, какъ буржуазно-демократическая фракція“. Это невѣрно. Конгломератъ различныхъ, окрашенныхъ мелкобуржуазнымъ соціализмомъ, демократическихъ и соціалистическихъ элементовъ съ преобладаніемъ аграрной демократіи, она могла развиться только потому, что „экономическій“ и „политическій“ періодъ нашего движенія создали и создаютъ для нея временную благопріятную почву, ослабивъ сначала нашъ „политическій“, а послѣ „со-

*) Если бы Плехановъ усвоилъ себѣ эту идею, онъ зналъ бы, что пролетаріатъ никогда не можетъ высказаться противъ всѣ общаго избирательного права, что это можетъ сдѣлать только мѣщанская демократія съ цѣлью сломить сопротивленіе „аристократовъ“ или „пролетаріата“.

ціальний" радикализмъ. Развитіе и укрѣпленіе 'революціонной соціалдемократической партіи съ дѣйствительно, а не „болѣе или менѣе" ортодоксальной программой, а вмѣстѣ съ ней широко организованного политического движенія рабочихъ массъ опять сведутъ партію соціалистовъ-революціонеровъ къ ея старымъ размѣрамъ и лишать ее притока силь изъ среды рабочихъ и революціонной интеллигенціи. Такія резолюціи, какъ принятая съѣздомъ, только усыпляютъ самокритику, создаютъ иллюзію, что „все обстоитъ благополучно" и заставляютъ смотрѣть на партію соціалистовъ-революціонеровъ, какъ на продуктъ „злой воли" нѣсколькихъ человѣкъ, отвѣлекаютъ вниманіе отъ анализа тѣхъ условій, при которыхъ только возможно теперь существованіе этой партіи. Соціалдемократія, которая безъ протеста допускаетъ такія изложенія своихъ взглядовъ, какъ „Къ деревенской бѣднотѣ" Ленина, не должна удивляться, что найдутся люди, для которыхъ и такое произведеніе, какъ „Что говорятъ соціалдемократы деревенской бѣднотѣ" является *Summa Summarum* соціалистическихъ взглядовъ. И если соціалистамъ-революціонерамъ легко доказать несостоятельность искровской аграрной программы даже съ точки зрењія общедемократической, то я сильно сомнѣваюсь, чтобы „искровцы" могли доказать практическую несостоятельность соціалистовъ-революціонеровъ „съ точки зрењія общедемократической"*. А теперь, когда авторъ этой резолюціи, Аксельродъ, въ своихъ послѣднихъ статьяхъ старается показать, что при торжествѣ „искровскихъ" взглядовъ „мы имѣли бы революціонную политическую организацію демократической буржуазіи, ведущую за собою, въ качествѣ боевой арміи, рабочія массы Россіи", его резолюція получаетъ уже вовсе „невинный" характеръ.

Увлеченіе демонстраціями, такъ-же характерное для дожи-
ваемаго нами периода политической ажитациі, какъ для пере-
житаго нами периода экономической ажитациі характерно было
увлеченіе стачками, нашло себѣ у насъ очень авторитетнаго
выразителя въ „Искрѣ". Поднявъ большой шумъ по поводу
рекомендованного „Рабочимъ Дѣломъ" отвѣта насилиемъ на

*) Считая ихъ дѣятельность вредной для общедемократической борьбы противъ абсолютизма, резолюція въ то же время признаетъ возможными частныя соглашенія съ ними въ „борьбѣ съ царизмомъ"!

насиліє, она сама не понимала разницу между демонстрацієй и „бунтомъ“ и рекомендовала вооруженный отпоръ, который на отвѣтъ насилиемъ на насилие походитъ, какъ одно яйцо на другое. Демонстрація можетъ быть только мирной и должна быть только массової. При интенсивной предварительной агитациі и широкомъ сочувствії въ массахъ, хорошо организованная демонстрація превращается въ массовую и легче парализуетъ выдвинутую противъ нея вооруженную силу, чѣмъ маленькая кучка вооруженныхъ людей. Вотъ почему въ резолюції, въ общемъ хорошей, слѣдовало бы подчеркнуть рѣзко разницу между putsch-емъ и демонстраціей и выбросить четвертый абзацъ объ организованномъ вооруженомъ отпорѣ. Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Мартовъ, факты показываютъ, что только въ рѣдкихъ случаяхъ — вѣрнѣе, никогда — неудача демонстраціи объясняется отсутствіемъ оружія. Можно сказать, что „вооруженная“ демонстрація заранѣе осуждена на неудачу, превращаясь въ единоборство маленькой кучки демонстрантовъ съ войскомъ, при отсутствії сочувствующей „публики“, которая, конечно, ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ на такую демонстрацію. И если мы хотимъ, чтобы демонстрація достигла своей цѣли, она, — конечно, при соблюденії указанныхъ и въ резолюції условій — должна быть мирной. Отпоръ полиції и войскамъ подразумѣвается самъ собою, но онъ долженъ быть только вынужденнымъ. Удачно выбранный моментъ, широкая предварительная агитациія въ массахъ, возможно болѣе интенсивная „деморализациія“ войскъ — и мирная демонстрація будетъ стоить гораздо меныше жертвъ, чѣмъ вооруженная, не говоря уже о томъ, что вооруженная демонстрація, если она не хочетъ явить примеръ безполезного самопожертвованія, никогда не достигаетъ цѣли, которую только можетъ ставить себѣ демонстрація. И чѣмъ сильнѣе будетъ развиваться у насъ соціалдемократическая партія, чѣмъ лучше она съумѣеть завоевать симпатіи широкихъ массъ, тѣмъ скорѣе демонстрації станутъ дѣйствительно однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ политического воспитанія трудящихся массъ и „расширенія и укрѣпленія вліянія соціалдемократіи“.

Въ своей резолюції объ экономической борьбѣ съѣздъ долженъ былъ дать какъ оцѣнку значенія экономической борьбы, такъ и опредѣленную директиву для всей револю-

ціонної соціалдемократії. Но, съ легкой руки Ленина, пустившаго въ ходъ „трэд-уніоністскій“ жупель, экономическая борьба была замѣнена болѣе узкимъ и болѣе оформленнымъ понятіемъ профессіональной борьбы. Признавая вмѣстъ съ Ленинымъ что „въ нѣкоторыхъ странахъ легализація цеховыхъ союзовъ предшествовала легализації соціалистическихъ и политическихъ союзовъ“, что „мы, соціалдемократы, не должны никоимъ образомъ и абсолютно ничѣмъ давать мѣсто мнѣнію (или недоразумѣнію), будто для насъ дороже экономическая реформы, будто мы именно ихъ считаемъ особенно важными“ и т. п., въ полномъ согласіи, наконецъ, съ духомъ и буквой принятой на съѣздѣ программы, авторъ резолюціі видѣтъ главную задачу Р. С. Д. Р. П. и въ этомъ вопросѣ не въ устраниеніи самого самодержавія, а въ „устраненіи всѣхъ тѣхъ препятствій, которыя ставятся профессіональному движенію законодательствомъ русского самодержавія“. Конечно, онъ прекрасно знаетъ, что полное, послѣдовательное и прочное проведеніе такой политической реформы, какъ легализація цеховыхъ союзовъ, возможно только путемъ низверженія самодержавія, но Улита ёдетъ, когда-то будетъ!

А между тѣмъ рѣзкая постановка этого вопроса являлась тѣмъ болѣе необходимой, что даже съѣздъ южно-русскихъ организацій говорилъ въ своей резолюціі о возможности при настоящихъ условіяхъ частичнаго, хотя и минимальнаго, улучшенія положенія пролетаріата, какъ класса. Наоборотъ, исходя изъ положенія, что соціалдемократія, какъ передовой отрядъ рабочаго класса въ борьбѣ его за свое освобожденіе, должна всѣми силами содѣйствовать его организаціи во всѣхъ формахъ, что экономическая борьба имѣеть громадное значеніе въ дѣлѣ нравственного подъема и усиленія рабочаго класса, что руководство экономической борьбой является лучшимъ средствомъ воспрепятствовать возникновенію и укрѣпленію различныхъ формъ „чисто рабочаго движенія“, слѣдовало въ тоже время указать, что *conditio sine qua non* развитія оформленной экономической борьбы т. е. профессіональнаго движенія является низверженіе самодержавія, а, слѣдовательно, политическая борьба всего рабочаго класса противъ всего политического режима, а не противъ отдельныхъ его препятствій, да еще въ его же рамкахъ.

Тогда съѣздъ, конечно, не принялъ бы совершенно ник-

чесную резолюцію о фабричныхъ дворникахъ, и партія избавлена была бы отъ необходимости кричать сознательнымъ рабочимъ „осади назадъ“, а редакція — отъ неожиданного заявленія, что резолюція эта была принята такъ себѣ, здорово живешь, и мѣстные комитеты могутъ положить ее подъ сукно (въ 59 №) послѣ того, какъ та же редакція (въ 57 №) съ торжествомъ констатировала, „какого громаднаго вліянія достигла уже наша партія, рѣшеніямъ которой, принятымъ на ея съѣздѣ, съ готовностью слѣдуетъ рабочая масса, хотя бы послѣдняя „стихійно“ была склонна идти по иному пути“ *).

Какъ и всѣ почти резолюціи, она не получила никакой мотивировкі, хотя бы въ краткомъ докладѣ. Но мы не ошибемся, если скажемъ, что такимъ обоснованіемъ является статья „Эра реформъ“ (въ № 46). Начавъ, какъ и резолюція, рѣзкой критикой этой „жалкой реформы“, доказавъ, что новый законъ о фабричныхъ старостахъ по мысли правительства является „средствомъ укрѣпленія политической опеки надъ рабочимъ классомъ“, авторъ неожиданно приглашаетъ „развить широкую рабочую борьбу противъ каждой гнусной кляузы нового закона“, и все это на томъ основаніи, что „отстраняться отъ активнаго участія въ современной политической дѣйствительности, какъ бы гнусна она ни была, — тактика анархистовъ, а не соціалдемократовъ“. Какъ будто агитировать противъ этого закона можно только связавъ себя предварительно его гнусными кляузами, какъ будто „проведеніе“ при настоящихъ условіяхъ „наиболѣе надежныхъ представителей рабочихъ“ не значить выдавать ихъ головой полиціи и жандармеріи? И все это не смотря на то, что мы прекрасно знаемъ, что „фабричное представительство, представительство рабочихъ на каждой отдельной фабрикѣ не можетъ удовлетворить даже на Западѣ, даже въ свободныхъ государствахъ“! Но что же дѣлать? Мы вѣдь обязаны

*) Дѣло въ томъ, что одесскіе рабочіе отказались сначала выбирать фабричныхъ старость, но послѣ „приняли“ участіе въ этихъ выборахъ. И редакція такъ довольна „крупнымъ“ успѣхомъ этого опыта, что дѣлаетъ неожиданный по своей смѣлости выводъ: оказывается, что наши капиталисты въ извѣстномъ смыслѣ хуже вооружены для политической борьбы на почвѣ какихъ бы то ни было выборовъ, чѣмъ рабочіе, руководимые соціалдемократіей!

устраниТЬ „всѣ тѣ препятствiя, которыя ставить профессио-
нальному движению законодательство русскаго самодержа-
вiя“ и не должны отказываться даже отъ неполныхъ и не-
послѣдовательныхъ политическихъ реформъ. А то еще, боже
успаси, прослыvемъ анархистами!

Резолюцiя объ антиеврейскихъ погромахъ изображаетъ
ихъ, какъ средство въ рукахъ полицiи (!), съ помощью
котораго она (!) пытается задержать ростъ классового само-
сознанiя пролетарiата, и въ тоже время, рекомендуетъ това-
рищамъ выяснить пролетарiату реакцiонную и классовую
подкладку антисемитскихъ подстрекательствъ. И эта жалкая
резолюцiя принятa была, конечно, единогласно!

Старый „пропагандистъ“, я, конечно, могъ бы только
привѣтствовать резолюцiю, настаивающую на болѣе рацiо-
нальной организацiи пропаганды, если бы она, выдѣляя про-
паганду, не освящала стараго отдѣленiя пропаганды отъ аги-
тациi, наградившаго нась сначала перiодомъ экономической
ажитациi, а послѣ—политической. Разница между пропаган-
дой и агитацией по содержанiю являлась одинаковой аксю-
мой и для автора „Объ агитациi“, и для Ленина, и для „эко-
номистовъ“, и для „политиковъ“. Пропаганда теоретически
признавалась, но на практикѣ она обрѣталась не въ аван-
тажѣ. И экономические и политические ажитаторы одинаково
признавали, что одной пропаганды недостаточно, что
если „събраго рабочаго“ не натолкнуть извнiѣ, то онъ не
пойметъ и не почувствуетъ, что его гнететъ „темная
сила“ политического произвола или что его давить „темная
сила“ экономического гнета. И вмѣсто того, чтобы разъ-
яснять сущность этихъ „темныхъ силъ“, вмѣсто того,
чтобы разоблачать классовый характеръ современного об-
щества и правительства, мы взапуски обличали фабрикантовъ,
мастеровъ и т. д. какъ это дѣлала „Рабочая Мысль“ или
правящую клику башибузуковъ-губернаторовъ, башибузуковъ-
цензоровъ и т. д. И тѣ, и другiе одинаково забывали, что
и пропаганда, и агитациi „внушаетъ“ массѣ одiнъ и
тотъ же комплексъ идей, но при различныхъ условiяхъ:
пропаганда имѣть дѣло съ людьми, самосознанiе которыхъ
пробуждается подъ влiянiемъ обычного хода соцiально-эконо-
мической жизни, агитациi обращается къ людямъ, самосоз-
нанiе которыхъ получаетъ толчекъ отъ какихъ либо крупныхъ

событій экономической или политической жизни. Пропаганда (устная и литературная) охватывает единицы, агитация (устная и литературная) — массы. Пропаганда возмѣщает недостатокъ сильныхъ импульсовъ дѣйствительности болѣе интенсивной работой надъ отдѣльными единицами, агитация восполняет недостатки даваемаго ею революціоннаго воспитанія числомъ захватываемыхъ ею личностей. И пропагандистъ, и агитаторъ одинаково возбуждаются. Но отъ пропагандиста не всегда требуется то, безъ чего немыслимъ хороший агитаторъ: послѣдній долженъ умѣть попадать „въ жилку“. Для этого, конечно, требуются известныя личныя качества, но агитаторъ, который не хочетъ быть игрушкой настроенія данного момента или данной группы, который хочетъ овладѣть этимъ настроеніемъ и использовать его въ цѣляхъ соціалдемократическаго воспитанія рабочаго класса, долженъ самъ пройти основательную школу научнаго соціализма, долженъ, какъ это говорится на партійномъ жаргонѣ, быть предварительно хорошимъ пропагандистомъ. Только такимъ путемъ можно увеличить число товарищѣй, которые будутъ отличаться другъ отъ друга, не какъ „теоретики“ и „практики“, можно будетъ, наконецъ, уничтожить существующую въ нашемъ движеніи пропасть между „теоретиками“, и „практиками“. Въ соціалдемократіи не должно быть мѣста ни чистымъ теоретикамъ, ни чистымъ практикамъ и, тѣмъ паче, не должно существовать такое положеніе, при которомъ такъ называемые „теоретики“ пользуются правомъ безпрепятственнаго вмѣшательства въ область „практики“, а „практики“, сознавая свое „теоретическое“ безсиліе, только тѣмъ и занимаются, что, съ поистинѣ голубиной кротостью, такаютъ, разъ дѣло заходить о теорії.

Выдѣливъ пропаганду въ особенную область, резолюція заканчиваетъ практическимъ совѣтомъ, который стилистически выраженъ крайне неясно. Такъ, Ц. К. поручается „принять всѣ необходимыя мѣры для систематизаціи и объединенія пропагандистской работы на мѣстахъ, какъ-то (?) систематические указатели для занятій въ кружкахъ, рядъ систематически подобраннныхъ брошюръ пропагандистскаго характера и т. д.

Мартовъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: изданіе сист. ук., ряда брошюръ и т. д. Но если это такъ, то странно, почему это дѣло поручается Ц. К., а не Ц. О.? Или, можетъ

быть, Мартовъ хотѣлъ сказать, — а съѣздъ такъ и понялъ, — что Ц. К. долженъ заботиться о доставлениіи и систематизації указателей и брошюръ пропагандистскаго характера, составленныхъ „идейнымъ руководителемъ“ Партіі, то бишь Ц. О.? Неясно.

И еще болѣе неясно становится, чего собственно хотѣлъ съѣздъ, когда мы обращаемся къ резолюціі о партійной литературѣ, въ которой мы встремляемъ требование, чтобы „была создана обширная брошюрная литература, которая ставила бы себѣ задачей систематическую популяризацію партійной программы и резолюцій съѣзда по вопросамъ тактики“. Въ какомъ же отношеніи будетъ находиться эта литература къ порученному Ц. К. „ряду систематически подобранныхъ брошюръ пропагандистскаго характера“?

И еще болѣе непонятно намъ требование, чтобы изъ Ц. О. были устранины статьи чисто-теоретического характера. Когда Ленинъ совершенно справедливо предложилъ выбросить эти слова, которые представляютъ уступку Надеждину, Мартовъ, забывъ свою же резолюцію о постановкѣ пропаганды, аппелировалъ къ..... сознанію рабочихъ. „Искру“, моль, дѣлали особенно непопулярной именно статьи теоретического характера, которымъ мѣсто въ „Зарѣ“. Съ такимъ же правомъ могъ-бы Мартовъ настаивать на устраниеніи изъ „Искры“ статей чисто полемического характера. Или можетъ быть Мартовъ думаетъ, что „Искру“ дѣлали особенно популярной ея полемическая статья?“

Факты говорятъ намъ совершенно иное. Конечно, мы вовсе не за то, чтобы статьи Ортодокса печатались не въ „Зарѣ“ а въ „Искрѣ“. Такія статьи требуютъ слишкомъ большой затраты умственной энергіи и мало доступны даже „интеллигентамъ“. Но на страницахъ самой Искры мы читали, чѣо „приходится слышать жалобы, что въ „Искрѣ“ нѣтъ научнаго отдѣла (конечно, по вопросамъ научнаго соціализма), что передовая часть рабочихъ не можетъ удовлетвориться одной лишь „Искрой“ и, поэтому, сплошь да рядомъ прибѣгааетъ къ легальной литературѣ, въ которой безусловно царитъ буржуазное направленіе“. И если мы хотимъ, говоря словами резолюціи „о постановкѣ пропаганды“, рѣшить „задачу выработки сознательныхъ и активныхъ агитаторовъ съ опредѣленнымъ революціоннымъ міровоззрѣніемъ“, то мы должны создать Ц. О.,

который не только не чурался бы статей чисто теоретического характера, но умѣль бы высѣкать эту чистую теорію изъ всѣхъ фактovъ „политической и общественной жизни“, который всѣми своими статьями доказывалъ бы, что теоретическая положенія научнаго соціализма суть только „общее выражение современныхъ отношеній, существующей нынѣ борьбы классовъ, совершающагося на нашихъ глазахъ исторического движенія“ *).

Конечно, мы „должны стремиться къ тому, чтобы Ц. О. былъ возможно доступнѣе для читателей“, но мы никогда не должны забывать, что Ц. О. главнымъ образомъ предназначается для членовъ партіи, т. е. для передовыхъ рабочихъ и „интеллигенції“, которымъ уже ясны общіе принципы партіи и которые должны учиться выводить ихъ изъ всѣхъ явлений соціальной и политической жизни. Требовать отъ Ц. О. партіи, чтобы онъ въ тоже время служилъ и „популярнымъ“ органомъ для мало затронутыхъ еще пропагандой рабочихъ, значитъ сознательно отталкивать отъ себя „передовыхъ рабочихъ“ и заставлять ихъ искать въ своемъ Ц. О. только хронику революціонной борьбы и собраніе корреспонденцій.

Съѣздъ сдѣлалъ крупную ошибку, не создавъ или не превративъ въ партійный органъ такую газету, какъ „Южный Рабочій“, конечно, не послѣдней его формациі. Популяризируя принципы соціалдемократіи, обращая рабочихъ, въ которыхъ уже проснулся протестъ противъ политического и экономического гнета, въ соціалдемократовъ, онъ расширялъ бы кадры читателей Ц. О. партіи. Онъ могъ бы быть районнымъ, могъ бы при болѣе благопріятныхъ условіяхъ — стать общепартійнымъ, не становясь еще центральнымъ. А органъ для рабочихъ и „при данномъ положеніи партійныхъ силъ“ для насъ безусловно необходимъ.

*) Къ сожалѣнію, не только для „экономистовъ“ существовала пропасть между „общими принципами научнаго соціализма“ и „насущной потребностью русскаго рабочаго движенія“. Въ не меньшей степени она существовала и для „политиковъ“. Не теорія оказывалась прокрустовыемъ ложемъ для практики, а наоборотъ. И теоріи безжалостно отѣжкали то „голову“, то „ноги“. Если для „экономистовъ“ кладеземъ премудрости была брошюра „Объ агитациі“, то для „политиковъ“ такимъ кладеземъ является „Что дѣлать“ Ленина. И трудно сказать, какая изъ этихъ брошюръ больше отстуپаетъ отъ „чистой теоріи“

И гораздо болѣе необходимъ, чѣмъ, напримѣръ, органъ для сектантовъ, который былъ такъ „внезапно“ санкционированъ съѣздомъ. Правда, поправка Мартова, принятая съѣздомъ, передавала вопросъ о предложеніи, заключающемся въ докладѣ т. Бонча-Бруевича, Ц. К., но она не мѣняла существа дѣла. Предложеніе Плеханова и Ленина противорѣчить всѣмъ правиламъ нормальной партійной жизни. Издание данного органа предоставляемъ одному лицу, при чѣмъ сами авторы ставятъ сейчасъ же эту газету подъ сугубый контроль редакціи Ц. О. Одно изъ двухъ: данный органъ дѣйствительно необходимъ, тогда выбирается его редакторъ, и органъ находится подъ такимъ же контролемъ, какъ и всѣ остальные изданія партіи; или, если въ необходимости его еще не убѣдились, то опять этотъ предоставляемъ дѣлать данному лицу на извѣстныя спеціальные средства, а не на средства партіи, и за его личной отвѣтственностью.

Такою же „внезапностью“ отличается вся резолюція „о работѣ среди сектантовъ“. Авторы резолюціи даже не потрудились мотивировать свое предложеніе. Докладъ Бонча-Бруевича остается неизвѣстнымъ всѣмъ товарищамъ, кроме делегатовъ съѣзда. И имъ остается довольствоваться заявленіемъ, что „сектантское движеніе въ Россіи является во многихъ его проявленіяхъ однимъ изъ демократическихъ течений, направленныхъ противъ существующаго порядка вещей“.

И очень жаль, что Плехановъ не подѣлился съ своими „молодыми товарищами“ воспоминаніями „о работѣ среди сектантовъ“ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Онъ могъ бы имъ напомнить, что „раціонализмъ на югѣ Россіи“ занималъ не только Ковальского, что уже среди народниковъ увлеченіе сектантствомъ принимало ту форму, которую мы замѣчаемъ въ статьяхъ Бонча-Бруевича. Онъ могъ бы разсказать о покойникѣ Юзовѣ и болѣе „трезвомъ“ Федосѣевѣ. Онъ указалъ бы имъ, что вмѣстѣ съ реакцией противъ народничества началась и реакція противъ „идеализаторовъ раскола“, особенно рѣзко выразившаяся въ статьѣ подъ этимъ же заглавіемъ Харламова, что послѣдній въ цѣломъ рядѣ статей о наиболѣе „радикальныхъ“ сектантахъ (о духоборцахъ, странникахъ, штундистахъ) прекрасно показалъ, что „нашъ духъ и истина, нашъ Богъ, — это далеко не то, что духъ и истина сектантовъ; что въ нашихъ упованіяхъ, въ

средствахъ осуществлениі этихъ упованій мы съ сектантами сойтись не можемъ, потому что, въ сущности, мы люди разныхъ эпохъ, съ разными пріемами мысли, съ діаметрально противоположными міровоззрѣніями и что наша правда покажется сектантамъ ино мѣсто, сказать по совѣсти, „хуже всякой лжи“.

Вѣроятно, Плехановъ все это забылъ. Ибо, иначе, какъ предложилъ бы онъ съѣзду отдать партійный органъ человѣку, который собирается „претворять въ умахъ крестьянъ-сектантовъ коммунистической идеи, унаслѣдованныя иии изъ смысла всей христіанской морали (вспоминаете ли Вы теперь статьи Юзова, Вы, „бывшій бунтарь“?), — въ чисто (!) широко (!) народныя соціалдемократическія убѣжденія, несомнѣнно болѣе всего свойственныя мыслительнымъ способностямъ (sic!) и всему укладу жизни всякаго порабощеннаго, но уже проснувшагося къ сознанію пролетарія!?!“ *).

Что касается резолюціи „объ отношеніи къ учащейся молодежи“, то можно только пожалѣть, что она [слишкомъ] огульна, что не было особой резолюціи о студенчествѣ, которая опредѣлила бы въ общихъ чертахъ также отношеніе соціалдемократическихъ организаций къ чисто-студенческимъ. А это слѣдѣвало тѣмъ болѣе, что процессъ дифференціаціи среди студенчества принимаетъ все болѣе рѣзкія формы и что соц.-демократические элементы студенчества могутъ теперь лучше обособиться. Въ ряды пролетаріата направятся теперь только тѣ его элементы, которые присоединяются не потому только, что соціалдемократія единственное революціонное движение, но потому что они уѣдились, что только это революціонное движение положить конецъ общественному строю, при которомъ наука превращается въ орудіе господства эксплуататоровъ, а искусство — въ ихъ средство наслажденія.

Я думаю, что читатель согласится со мною, что принятая вторымъ съѣздомъ резолюціи можно смѣло назвать „искровскими“, хотя большинство ихъ выработано было безъ вѣдома „новой редакціи“ т. е. Плеханова и Ленина. Троцкій при-

*) В. Бонч-Бруевичъ, „Значеніе сектантства для Россіи“, Жизнь № 1. Я надѣюсь, что буду еще имѣть случай вернуться къ этой статьѣ.

даєть громадное значение тому обстоятельству, что эти резолюции были написаны меньшинством. Sort. Но, пародируя богословскій терминъ, мы можемъ сказать, что онъ были искродержновенны. „Ясность никогда не мѣшаетъ“, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ доклада Сибирскому Союзу, писавшагося „въ нетерпящихъ отлагательства агитационныхъ цѣляхъ“.

V.

Ажитаторы въ роли организаторовъ.

Первый періодъ нашего движенія, „пропагандистскій“, отличался, какъ извѣстно, прямо „возмутительнымъ“ отсутствіемъ какойнибудь „положительности“. Это были „докторины“, дорожившіе, какъ выразился съ самоуничтожающимъ презрѣніемъ Мартыновъ, только „распространеніемъ и усвоеніемъ идей“. Всюду и всегда они пропагандировали принципы соціалдемократіи гѣликомъ, безъ всякихъ урѣзываній. Правда, они оставили въ наслѣдіе слѣдующимъ періодамъ не особенно многочисленные, но вполнѣ и сознательно соціалдемократичесіе кадры пропагандистовъ рабочихъ. Но это въ „счетъ не идетъ“. Всѣ они были плохими организаторами. Мало того. Они почти и не занимались вопросами организаціи, хотя только люди, совершенно лишенные всякаго исторического пониманія и не имѣющіе никакого понятія о тѣсной связи между формами организаціи и задачами, которыя ставить себѣ послѣдовательно, — „стихійно“ или „сознательно“ — соціалдемократія, могутъ ставить имъ это въ „вину“ *).

А задача, которую они ставили себѣ, была совершенно другая. Вмѣстѣ съ группой „Освобожденіе Труда“ они видѣли ее въ „пропагандѣ соціалистическихъ идей и выработкѣ элементовъ для организаціи русской соціалдемократической рабочей партіи“. Какъ я уже замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, первые соціалдемократы отличались не меньшей „наивностью“, чѣмъ семидесятники. Они представляли себѣ революцію не за горами и точно также, какъ народовольцы, торопились создать ту силу, на которую они возлагали свои надежды. И въ высшей степени важно было создать тѣ элементы, ко-

*) Я не говорю о тѣхъ каррикатурныхъ формахъ, которыя приняла „кружковщина“ въ рукахъ эпигоновъ. Не трудно было бы показать, что именно первые соціалдемократы выступали съ критикой той „культурной“ пропаганды, которая велась въ народовольческихъ рабочихъ кружкахъ въ теченіе почти всѣхъ восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ.

торые, при неизбежной ликвидации современного политического строя, могли бы помочь рабочему классу завоевать большую сумму политическихъ правъ. Предполагалось, что въ періодъ паденія самодержавія, во время революціи, сравнительно легко будетъ дать формальную организацію подготовленнымъ такимъ образомъ элементамъ.

И единственный планъ организаціи, созданный, вѣрнѣе формулированный въ теченіе пропагандистскаго періода, былъ планъ Аксельрода. Какъ и слѣдуетъ человѣку, который дорожилъ „распространеніемъ и усвоеніемъ идей“, его особенно занималъ вопросъ объ организаціи именно этого дѣла. Сначала въ своемъ не напечатанномъ письмѣ къ одной изъ русскихъ группъ, затѣмъ въ своей брошюрѣ „Задачи рабочей интеллигентіи въ Россіи“, онъ писалъ; „Установленіе такой связи (между тѣми, кто издастъ соціалистическую литературу, и рабочими) и превращеніе издательской и литературной дѣятельности въ общее дѣло всѣхъ рабочихъ кружковъ Россіи могло бы послужить первымъ серьезнымъ пунктомъ для сближенія ихъ въ одно пѣлое. Доставка соціалистической литературы въ Россію, распредѣленіе ея по главнымъ городамъ, собираніе средствъ на ея изданіе — все это служило бы къ тому, чтобы поддерживать и упрочивать связь между разрозненными теперь и незнающими другъ о другѣ революціонерами-рабочими. Изъ сговора и сношеній между ними по дѣлу заграничныхъ революціонныхъ изданій постепенно развилось бы и окрѣпла прочная общерусская рабочая организація, которая охватывала бы всѣ стороны революціонной дѣяности: пропаганду, агитацию, печатаніе и распространеніе возваній къ народу отъ имени рабочаго союза и т. п.“

Заграничные теоретики тогда скромно ограничивались предложеніемъ своихъ услугъ русскимъ практикамъ, брали на себя лишь задачу разъясненія принциповъ научнаго соціализма въ ихъ приложениі къ русской дѣйствительности, не задавались еще нелѣпой претензіей водить русское революціонное движение на веревочки, протянутой изъ Женевы, не затыкали своихъ ушей отъ голоса критики, какъ Фамусовы, и энергично протестовали противъ попытокъ объяснять личными мотивами принципіальная разногласія. *)

*) Плехановъ, дѣйствительно, многое забылъ. Отъ всей души

Но жизнь не стояла на одномъ мѣстѣ. Въ рамкахъ самодержавного строя гигантскими шагами развивалось рабочее движение. Все больше и больше, вмѣстѣ съ скачкообразнымъ развитиемъ социально экономической жизни, накаплялись элементы для широкой агитации. Скромная цѣль, которую ставили себѣ пionеры русской соціалдемократіи — выработка элементовъ для организаціи соціалдемократической партіи — все больше уступала мѣсто другой — организаціи соціал-демократической рабочей партіи уже теперь, до паденія самодержавія.

Къ сожалѣнію, попытки достигнуть этой цѣли привели къ отклоненію отъ принциповъ революціонной соціалдемократіи. Насталъ періодъ „конкретныхъ дѣйствій“, періодъ агитации. Пропаганда была рѣзко отдѣлена отъ агитации, и изъ каждой изъ нихъ была составлена особая сфера дѣятельности, отличная не только по пріемамъ, но и по содержанію. Подъ покровомъ соціалдемократіи и якобы на основѣ ея принциповъ слежились двѣ теоріи, вполнѣ тождественные, не смотря на ихъ, повидимому полную противоположность: теорія неизвѣстнаго автора „Объ агитациі“ и теорія Ленина и „Искры“.

„И авторъ брошюры „Объ агитациі“, — писалъ я въ своей книжкѣ, — и авторъ „Что дѣлать?“ — соціалдемократы... въ сферѣ пропаганды, но и тотъ, и другой не любятъ пропаганды, а предпочитаютъ агитацию: одинъ — политическую, другой экономическую. Однаковая „теорія“ приводила къ одинаковымъ результатамъ. Агитация вырождается въ агитацию. „Съ экономической агитацией, — писалъ я, — это уже случилось, и мы уже видѣли, какъ по поводу стачки нѣсколькихъ рабочихъ насы серъезно увѣряли, что „классовая борьба есть борьба политическая“. Тоже происходитъ на нашихъ глазахъ съ политической агитацией. Она тоже

совѣтую ему перечитать опять предисловіе къ „Нашимъ разногласіямъ“. Онъ тамъ найдетъ отвѣтъ на свои „галантныя“ возраженія противъ моей критики. Къ сожалѣнію, какъ это видно изъ статьи „Почему я вышелъ изъ редакціи „Вѣстника Народн. Воли“ онъ совершенно забылъ этотъ періодъ. Чтобы свести исторію начатковъ русской соціалдемократіи къ исторіи о томъ, какъ зѣвалъ Тихомировъ и какъ не зѣвалъ Плехановъ и дать ей въ крестные отцы Судейкина и Дегаева — нужно окончательно потерять „чувство смѣшнаго“!

вырождается въ ажитацию. Такъ тов. Ленинъ уже мечтаетъ о томъ, какъ рабочие, которымъ политическая обличенія да-дуть и умъ, и чувство, неудержимо захотятъ „сегодня устро-ить кошачій концертъ цензорамъ, завтра демонстрировать предъ домомъ усмирившаго крестьянскій бунтъ губернатора, послѣ завтра проучить тѣхъ жандармовъ въ рясѣ, что дѣла-ютъ работу святой инквизиціи“ и т. д., ибо онъ увѣренъ, что „всякая политическая борьба есть борьба классовая“.

„Экономическая агитация, — писалъ я дальше, — съ ея экономическими обличеніями и объявленіемъ войны фабри-канту, изолируя съ одной стороны пролетаріатъ, какъ классъ продавцевъ специфического товара, съ другой создавала общ-ность экономическихъ стремленій — стремленій улучшить условія продажи товаровъ, общія пролетаріату съ другими товаропроизводителями. Отъ правительства абстрагировались, забывая связь его съ классовой структурой всего общества. Идеаломъ становилось массовое рабочее движение съ эконо-мическимъ характеромъ. Политическая борьба объявлена была въ „подозрѣніи“. „Общее русское дѣло“ совершенно забывалось въ пылу экономической борьбы, заставлявшей уходить въ мѣстную работу. Сознаніе интересы, сознаніе рабочихъ показывали, что рабочіе не хотятъ ничего, кроме „копейки на рубль“. И доказательствомъ служили письма рабочихъ, полу-чавшихся организаціями.— Политическая ажитация съ ея по-литическими обличеніями и объявленіемъ войны правитель-ству, изолируя, съ одной стороны, пролетаріатъ, только какъ самый революціонный классъ, съ другой создаетъ общ-ность политическихъ стремленій — стремленій освободиться отъ самодержавія. Правительство превращается въ абстракцію, въ „темную силу“, гнетущую всѣ классы, такъ какъ забыва-ется связь его съ классовой структурой всего общества. Идеаломъ становится массовое рабочее движение съ политиче-скимъ характеромъ. Экономическая борьба обявляется въ подозрѣніи. На первый планъ становится „общерусское дѣло“, которое не измѣришь ни часами, ни копейками“. Сознаніе интересы, сознаніе рабочихъ показываютъ, что рабочимъ теперь не нужны ни стачки, ни кассы, ни книжки, что „теперь нужно учить, какъ идти въ бой“, что главный врагъ русского народа — правительство, что только тогда мы легче

вздохнемъ, какъ свергнемъ самодержавнаго тирана. И все это, конечно, со словъ рабочихъ или изъ ихъ писемъ *).

И каждое изъ этихъ „практическихъ“ уклоненій вызывалось и обусловливалось принципіальнымъ уклоненіемъ. Задачи с.-дем. подвергались коренному урѣзыванію, сначала въ сторону „экономизма“, затѣмъ въ сторону „политики“. „Экономисты“ „толкали“ рабочихъ въ сторону „экономической борьбы“ и не замѣчали, что они сами „толкаются“ въ эту сторону возникшимъ „стихійно“, въ силу благопріятныхъ условій, экономическимъ протестомъ рабочихъ массъ, „политики“ еще болѣе энергично „толкали“ рабочихъ въ сторону „политической борьбы“, еще меньше замѣчая, что ихъ „толкаетъ“ въ эту сторону „стихійно“ возникшій политической протестъ рабочихъ массъ. Не будучи въ состояніи использовать „стихійно“ развивавшійся экономической и политической протестъ рабочаго класса въ цѣляхъ его соціалдемократическаго воспитанія, они съживали задачи соціалдемократіи.

Для экономистовъ-ажитаторовъ самой насущной потребностью пролетаріата являлось экономическое воспитаніе его посредствомъ экономической агитациіи и экономическихъ обличеній, для политиковъ-ажитаторовъ политическое воспитаніе его посредствомъ политической агитациіи—и политическихъ обличеній.

И каждое изъ этихъ принципіальныхъ уклоненій порождало такое же организаціонное уклоненіе.

„Экономистовъ“ оно завело въ тупой уголъ „цеховой“ организації. На „касахъ“, „цехахъ“, дѣлавшихъ каждого рабочаго прирожденнымъ членомъ соціалдемократической партіи, воздвигалась неуклюжая надстройка изъ „комитетовъ“, ни

*) Теперь эта параллель, годъ тому назадъ вызвавшая искреннее негодование всѣхъ правовѣрныхъ „искряковъ“, становится въ переводѣ на языкъ „практиковъ“ общимъ мѣстомъ. Объ этомъ впервые заговорилъ авторъ помѣщеннаго въ 43 № „Искры“ письма „Объ агитационныхъ задачахъ нашей партіи“, и примѣчаніе редакціи показало, что она ровно ничего не поняла, да и не могла понять, такъ какъ она продолжала находиться въ состояніи политической агитациіи. Объ этомъ пишетъ въ своей интересной, очень характерной для „практика“, брошюре М. Шанинъ. И то обстоятельство, что обѣ этомъ заговорилъ даже Троцкій, достаточно показываетъ, что, высказывая теперь эти взгляды, можно уже „преуспѣвать“.

чѣмъ не руководившихъ, на дѣлѣ являвшихся только исполнительными органами по отношенію къ экономической борьбѣ рабочихъ. „Демократія“ понималась самыи первобытнымъ образомъ и на практикѣ привела къ такимъ „чудовищнымъ“ проектамъ организаціи соціалдемократической партіи, какъ пресловутый уставъ петербургской рабочей организаціи. „Лѣсь“ соціалдемократіи совершенно исчезалъ за „кустами“ и „деревьями“ отдѣльныхъ „чисто рабочихъ“ организацій и кружковъ.

Періодъ этотъ породилъ, конечно, и свою „теорію“ отношеній между заграничными „теоретиками“ и русскими „практиками“. Заграничный Союзъ русскихъ соціалдемократовъ превратился въ такой же исполнительный органъ по отношенію къ русскимъ комитетамъ, какимъ каждый изъ послѣднихъ являлся по отношенію къ рабочимъ организаціямъ. На практикѣ это, конечно, не могло не привести „къ безпринципному отраженію всякаго теченія, которое по тѣмъ или инымъ временнымъ и мѣстнымъ причинамъ, можетъ возникнуть въ средѣ различныхъ дѣйствующихъ въ Россіи группъ“.

„Политиковъ“ указанное мною принципіальное уклоненіе вывело на „широкую“ дорогу общедемократического движенія, гдѣ они и теперь еще съ трудомъ, спотыкаясь и падая, отыскиваютъ „колею самостоятельной политики пролетаріата“. Ихъ руководителемъ явился Ленинъ, дѣйствовавшій, по словамъ Плеханова, въ „идейномъ согласіи“ со всѣми своими коллегами по редакціи „Искры“.

Подвергать теперь вновь критикѣ теоретическія основы ленинскаго плана у меня нѣть никакого желанія, и я охотно предоставляю эту скучную работу Плеханову. *) Но я нѣсколько подробнѣе изложу планъ Ленина. Теперь это тѣмъ болѣе необходимо, что даже Мартовъ, еще недавно ярый защитникъ этого плана, не только забылъ тѣсную связь его со всѣмъ „искровствомъ“, но готовъ даже, какъ и Панинъ,

*) Пора давно пора, мой „галантный“ оппонентъ, поставить точки на i! Кстати, почему это прежде, когда Вы, по словамъ вашихъ противниковъ, только хорошо, — нѣкоторые говорили, какъ попугай — вызубрили Маркса, вы многое могли предвидѣть, а теперь, когда Вы до всего доходите „своимъ умомъ“, Вы, по остроумному выраженію Маркса, часто видите только „ваднюю“ исторического процесса?

утверждать, что такого плана и не было. Многие представители „меньшинства“, какъ и слѣдуетъ „искрякамъ“, готовы скорѣе признать „здравое ядро“ въ экономизмѣ и заниматься переговорами Надеждичскихъ и Мартыновскихъ пѣсень, чѣмъ признать, что „Искра“ отклонилась отъ принциповъ революціонной соціалдемократіи. Крупныя заслуги „практиковъ“ экономического періода приписываются такимъ образомъ теоріи, ложной въ самомъ основаніи своемъ. А Плехановъ рекомендуетъ даже товарищамъ опять „качнуться“ въ эту сторону!

Мы никогда не поймемъ, какимъ образомъ партія могла добровольно наложить на себя цѣли теперешняго устава, мы не въ состояніи даже будемъ понять многіе его пункты, если мы забудемъ, что онъ является формой проявленія ленинскихъ организаціонныхъ идей, логически развивающихся изъ упрощенаго пониманія задачъ соціалдемократіи. Предоставимъ теперь слово Ленину:

„Веденіе самой широкой политической агитациі, а, слѣдовательно, и организація всестороннихъ политическихъ обличеній есть безусловно необходимая и настойательнѣе всего необходимая задача дѣятельности, если эта дѣятельность истинно соціалдемократическая. Но мы сдѣлали эту выводъ исходя только изъ самой насущной потребности рабочаго класса въ политическомъ знаніи и политическомъ воспитаніи... Область, изъ которой только и можно почерпнуть это знаніе, есть область отношеній всѣхъ классовъ и слоевъ къ государству и правительству, область взаимоотношеній между всѣми классами... Чтобы принести рабочимъ политическое знаніе, соціалдемократы должны идти во всѣ классы населенія, должны разсыпать во всѣ стороны отряды своей арміи... Тотъ не соціалдемократъ, кто забываетъ на дѣлѣ о своей обязанности быть впереди всѣхъ въ постановкѣ, обостреніи и разрѣшеніи всякаго общедемократического вопроса... Рѣчь шла о возможномъ и необходимомъ участіи разныхъ общественныхъ слоевъ въ низверженіи самодержавія, а этой „активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ“ мы не только можемъ, но и непремѣнно должны руководить, если мы хотимъ быть „авангардомъ“... А кто хочетъ конкретно представить себѣ эту политическую агитацию соціалдемократа во всѣхъ классахъ и слояхъ населенія,

тому мы укажемъ на политическія обличенія въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ на главное (но, разумѣется, не единственное) средство этой агитациі... Авангардомъ революціонныхъ силъ съумѣеть стать въ наше время только партія, которая съорганизуетъ дѣйствительно всенародныя обличенія (чтобы стать авангардомъ, надо именно привлечь другіе классы)... Трибуной для всенародныхъ обличеній можетъ быть только общерусская газета... Чтобы писать въ газетѣ (а не въ популярной брошюрѣ) о городскихъ и государственныхъ дѣлахъ, надо имѣть свѣжій, разносторонній, умѣлымъ человѣкомъ собранный и обработанный материалъ. А для того, чтобы собирать и обрабатывать такой материалъ, недостаточна „примитивная демократія“ примитивнаго кружка, въ которомъ всѣ дѣлаются все и забавляются игрой въ референдумы. Для этого необходимъ, штабъ специалистовъ-писателей, специалистовъ-кореспондентовъ, армія репортеровъ соціалдемократовъ, заводящихъ связи вездѣ и повсюду, умѣющихъ проникнуть во всѣ и всяческія „государственные тайны“, пролѣтѣть во всякия „закулисы“, армія людей обязанныхъ „по должности“ быть вездѣсущими и всезнающими... Вѣдь въ томъ то и суть, что нѣтъ иного средства воспитать сильныя политическія организаціи, какъ посредствомъ общерусской газеты... Необходимы общія учрежденія, т. е. не одно только одно общее званіе „союза“, а дѣйствительно общая работа... Надо, необходимо надо и прежде всего надо расширить это цоприще, создать фактическую связь между городами на регулярной общей работѣ, ибо раздробленность придавливаетъ людей, которые „сидятъ какъ въ ямѣ“, не зная, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. И я продолжаю настаивать, что эту фактическую связь можно начать создавать только на общей газетѣ, какъ единственномъ регулярномъ общерусскомъ предпріятіи...

Поэтому основнымъ содержаніемъ дѣятельности нашей партійной организаціи, фокусомъ этой дѣятельности должна быть такая работа, которая и возможна, и нужна какъ въ періодъ самаго сильнаго взрыва, такъ и въ періодъ полнѣйшаго затишья, именно: работа политической агитациі, объединенной по всей Россіи, освѣщающей всѣ стороны жизни и направленной въ самыя широкія массы. А эта работа немыслима въ современной Россіи безъ общерусской, очень часто выходящей

газеты. Организація, складывающаяся сама собою вокругъ этой газеты, организація ея сотрудниковъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова т. е. всѣхъ трудящихся надъ ней) будетъ именно готова на все, начиная отъ спасенія чести, престижа и преемственности партіи въ моментъ наибольшаго революціоннаго „угнетенія“ и кончая подготовкой, назначеніемъ и проведеніемъ всенароднаго вооруженнаго возстанія“.*)

Надо отдать справедливость Ленину: все у него выходитъ „торжественно и стройно“. Упростивъ до нельзя содержаніе соціалдемократической дѣятельности, онъ вполнѣ послѣдовательно дошелъ до послѣднихъ выводовъ централистической организаціи. Все исходить отъ редакціи „общерусской“ газеты и все къ ней возвращается. И когда нужно было, наконецъ, оформить эти идеи въ видѣ устава, Ленину пришлось только переводить свои организаціонныя идеи на языкъ уставныхъ параграфовъ.

Централізмъ, анти-демократизмъ и построеніе всей партійной дѣятельности въ зависимости отъ даннаго состава лицъ т. е. *Personencultus*, какъ принципъ организаціи, являлись альфой и омегой одинаково какъ для „большинства“ такъ и для „меньшинства“. Ни то, ни другое не дорошло еще до пониманія такой простой мысли, что соціалдемократическая партія — я нарочно беру формулировку Мартова**) — свою политику формулируетъ не въ составѣ своихъ отвѣтственныхъ учрежденій, а въ рѣшеніяхъ программнаго, тактическаго и организаціоннаго характера, ставящихъ тѣсныя рамки всякому составу“. Тогда бы они поняли, говоря словами объявленія обѣ изданихъ гр. „Борьба“, что только этимъ путемъ мы можемъ устранить возможность такихъ явлений, какъ прикрываніе принципіальныхъ разногласій организаціонными — и наоборотъ. Такое осложненіе однихъ разногласій другими не только не ведетъ къ выясненію принципіальныхъ разногласій, но, напротивъ, способствуетъ ихъ запутыванію и раздуванію и даже придумыванію несуществующихъ пунктовъ расхожденія“.

Какъ бы то ни было, пока дѣло не дошло до измѣненія

*) Ленинъ, „Что дѣлать?“ Курсивъ не нашъ.

**) См. „Борьба съ осаднымъ положеніемъ“, стр. 7. Къ сожалѣнію, Мартовъ и самъ еще не понимаетъ, какіе выводы слѣдуютъ изъ этой простой мысли.

персонального состава „гвоздя“ всей партії, все шло благополучно, и „меньшинство“ самымъ усерднымъ образомъ проводило въ жизнь уставъ, относительно которого самъ Мартовъ заявилъ на съѣздѣ, что онъ не послужить ко вреду для партіи только при сохраненіи всей старой редакціі!!

Каковы же отличительныя черты принятаго устава? Во первыхъ, рѣзкое отдѣленіе идейнаго руководства отъ практическаго; во вторыхъ, выдача всей партіи окончательно оформленнаго „волчьяго билета“, или свидѣтельства о соціал-демократической неблагонадежности; въ третьихъ, составляюща сколокъ съ политической организаціи всѣхъ централизистическихъ восточныхъ деспотій, система децентрализаціи въ отношеніи освѣдомленности центра и отвѣтственности предъ нимъ.

„Основной идеей устава, говорилъ на съѣздѣ Ленинъ, является раздѣленіе функцій. Дѣленіе на два центра не есть результатъ раздѣленія этихъ центровъ по мѣсту, (Россія и заграница), а логическое слѣдствіе раздѣленія по функціямъ. Ц. К. принадлежатъ функція практическаго руководства, Ц. О. — идейнаго руководства.

Это — „символъ вѣры“ Ленина и Старовѣра, Павловича и Троцкаго, Шлеханова и Мартова.

Въ Женевѣ сидитъ редакція Ц. О. и, сосредоточивая въ себѣ всѣ умственныя силы партіи, думаетъ за нась „крѣпкую думу“ и пишетъ, пишетъ, пишетъ: она развиваетъ теоретическія истины, тактическія положенія, общія организаціонныя идеи и такимъ образомъ идейно руководитъ партіей. Въ Россіи орудуетъ практическій Ц. К. Основательно стерилизованный отъ всякихъ идейныхъ бациллъ, онъ превращенъ въ „волевой“ аппаратъ, который „поступаетъ“, „распоряжается“, „сносится“, „носится“, „собираетъ средства“ по всему пространству нашей необъятной родины, „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“, отъ береговъ Вислы до самаго Портъ-Артура. Дѣятельность его не „стѣснена“ никакими рамками, никакими параграфами. Это лишенный всякихъ идей механизмъ, который съ помощью системы агентовъ, вояжирующихъ изъ Россіи въ Женеву и изъ Женевы въ Россію, „распредѣляетъ“, въ видѣ газеты, листковъ, брошюръ, умственную энергию, накопляющуюся на живописныхъ берегахъ Женевскаго

озера „маленькимъ духовнымъ орденомъ“. Въ надлежашій моментъ, нащупавъ пульсъ „конкретныхъ общественныхъ соотношений“, редакція скажетъ Ц. К.: жарь! — и многовѣковое зданіе русскаго абсолютизма, минированное практическимъ Ц. К., конечно, сразу взлетитъ въ воздухъ, не хуже „Петропавловска“!

Что дѣлаютъ мѣстные комитеты — неизвѣстно. Вѣроятно, помня завѣты „Искры“ — другихъ инструкцій съѣздъ, за недостаткомъ времени, не далъ, — что „въ томъ то и суть, что вѣтъ иного средства воспитать сильныя полит. организаціи, какъ посредствомъ общерусской газеты“, они, какъ имъ усиленно еще рекомендовалъ Мартовъ, устраиваютъ кружки рабочихъ, которые занимаются „функцией“ собиранія для Ц. О. корреспонденцій и средствъ, а по полученіи свѣжаго номера, выполняющіе „функции“ чтенія, обсужденія и распространенія Ц. О.! На этомъ вѣдь уже давнымъ давно согласились всѣ!

За то очень хорошо извѣстно, что съ ними слѣдуетъ дѣлать, какъ долженъ съ ними поступать Ц. К. Онъ ихъ „организуетъ“ и „руководитъ“ ими. Онъ разбираеть „конфликты“ между ними. И онъ же ихъ „дезорганизуетъ“, если они „фордыбачатъ“, и „фыркаютъ“, если они „захотятъ сунуть свой носъ“ или, какъ выражались на съѣздѣ, „засунуть свою лапу“ въ дѣла, которая не относятся „спеціально и исключительно къ той области партійной дѣятельности, для завѣдыванія которой они созданы“! Сапожникъ, знай свои колодки!

Но вѣдь именно по вопросу обѣ отношеніяхъ между Ц. О. и Ц. К. прежнее, столь солидарное и сплоченное „искровское“ ядро раскололось на „большинство“ и „меньшинство“? Какъ же выглядѣли „героическую“ борьбу, которая велась на съѣздѣ по вопросамъ обѣ „единогласіи“, „взаимной кооптациіи“, функцияхъ „Совѣта Партии“!

Совершенно вѣрно, но эта борьба была „борьба славянъ между собой“, именно этотъ споръ показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ людьми, которые одинаково твердо „убѣждены“ въ существованіи вѣдьмъ, но кореннымъ образомъ расходятся лишь по „основному“ вопросу о томъ, откуда онъ родомъ: изъ Киева или Чернигова.

Дѣло въ томъ, что „меньшинство“, раньше очнувшись отъ ленинского или что тоже искровскаго кошмара, все еще

находится въ идейныхъ просонкахъ и до сихъ поръ не можетъ еще освободиться отъ искровскихъ „навязчивыхъ идей“. И „меньшинство“, и „большинство“ исходятъ изъ одного и того же факта, который они возводятъ въ „теорію“, на которомъ они разъ павсегда строятъ свои организаціонные „планы“.

„Практикамъ“ нельзя вѣрить ни на грошъ, имъ „пальца въ ротъ не клади“, за ними долженъ быть самый строгій надзоръ. Они тяжко согрѣшили. „Теоретики“ — другое дѣло. Они хранятъ „чистое“ — болѣе или менѣе! — ученіе, всякая мысль о контролѣ надъ ними была бы оскорбительна для нихъ. Россійские „практики“ питають неудержимую страсть ко всякимъ компромиссамъ, къ оппортунизму, къ экономизму и т. д. и т. д., заграничные теоретики, конечно, отъ всего этого застрахованы, они — чище снѣга альпійскихъ вершинъ. *)

Но тутъ „теоретики“ раскаливаются: одни, съ Ленинымъ во главѣ, требуютъ „ежовыхъ рукавицъ“, они ставятъ себѣ въ заслугу желаніе вліять на Ц. К. и стремятся закрѣпить это вліяніе организаціоннымъ путемъ; другіе, съ Мартовымъ во главѣ, показали, что они не желаютъ превращенія Ц. К. въ орудіе редакціи. Одни борются за преобладаніе надъ Ц. К., другіе — за его независимость. Одни надѣются, что они „добьются“ своего — они уже многаго добились! — и не допустить Ц. К. и всѣхъ практиковъ до какихъ нибудь компромиссовъ, другіе уже опустили въ безсиліи руки и хотятъ сохранить „чистоту“ „Искры“. Одни не боятся рисковать ея

*) „Редакція могла отдавать себя въ полное распоряженіе съѣзда, — говорилъ на съѣздѣ, пылая священнымъ огнемъ нравственного негодованія, исполнявшій нѣкогда „функцию“ ленинской дубинки Троцкій,—но съѣздъ самъ долженъ установить предѣлы своего вмѣшательства. Съѣздъ не имѣеть ни нравственнаго(!), ни политическаго(!) права перекраивать редакцію... Предоставимъ ей самой измѣненіе ея состава, если она встрѣтить въ этомъ надобность. Это слишкомъ щекотливый вопросъ, чтобы съѣздъ могъ запустить въ него свою руку“!!! И мы еще смѣемся надъ астраханскимъ комитетомъ! Съѣздъ имѣлъ право „перекраивать“ принципы революціонной соціалдемократіи, онъ имѣлъ право связать всю партію угрюмъ-бурчеевскимъ уставомъ, но онъ не имѣеть право „перекраивать“ редакцію! Поменьше суждальства и побольше уваженія къ себѣ!

популярностью, другіе приходить въ священный трепетъ отъ одной лишь мысли объ этомъ.

Что поетъ намъ „единственный“ политический „капель-мейстеръ“, то биша „вождь“ — всѣмъ хорошо известно. Послушаемъ представителей „меньшинства“.

„Таковъ „исторический поворотъ“ тов. Ленина. Онъ грозитъ, этотъ поворотъ, политическому вліянію „Искры“, — ибо теперь каждый шероховатый шагъ Ц. К., находящагося въ вассальныхъ отношеніяхъ къ редакціи, будетъ поставленъ въ счетъ „Искры“, — трещалъ на съездѣ Лиги тоже, съ позволенія сказать, „вождь“ „меньшинства“.

А Данъ, получившій недавно отъ Мартова патентъ на званіе самаго неподдѣльного „искровца“ — Ленинской пробы! — написалъ, въ качествѣ „мягкаго“, цѣлое письмо на тему: „Comprnedre — c'est pardonner!“ „Понимая“, что при настоящихъ условіяхъ — охъ, уже эти „практики“! — немыслимъ Ц. К., который устоялъ бы противъ бѣса оппортунизма, онъ великодушно заранѣе „прощаетъ“ практическому Ц. К. всѣ его „самостоятельные“ шаги въ области всякихъ „политическихъ компромиссовъ“ и сдѣлокъ съ принципами соціал-демократіи, утѣшаая себя тѣмъ, что, съ другой стороны, партія будетъ имѣть „болѣе или менѣе“ — виноватъ! — неподдѣльный ортодоксальный Ц. О., котораго не коснется эта „зараза“. Практикамъ — практика, теоретикамъ — теорія! Съ одной стороны постоянно и упорно „уклоняющіеся“, „узкіе“, „политически невоспитанные“ практики, съ другой — „неуклонные“, „широкіе“, „политически-воспитанные“ теоретики. И нашъ „неподдѣльный“ искровецъ скорбитъ теперь, что Ц. К. не есть верховный руководитель практической политической дѣятельности партіи, что онъ не подчиненъ референдуму большинства комитетовъ — это, видите ли, было бы полезно въ цѣляхъ укрѣпленія дѣйствительной связи Ц. К. съ комитетами — и плачетъ совсѣмъ горькими слезами по поводу того, что Ц. О. теперь поставленъ въ полную зависимость отъ всѣхъ колебаній, настроеній и взглядовъ большинства партіи, потому что редакція выборная!!! *) Что Ц. К. — здорово, то Ц. О. смерть!

*) Это слово повергаетъ въ ужасъ и вызываетъ судорожные припадки даже у такихъ не „слабонервныхъ“ людей, какъ Данъ. Бѣдные искровцы, неподдѣльные и поддѣльные! Такіе „бона-

Стоило ли поднимать на „объединительномъ“ съездѣ такой скандалъ по поводу „тактики процесса“, стоило ли три года городить искровскій огородъ, чтобы такъ беспомощно сложить руки предъ „стихійностью“! Не лучше ли было подумать о томъ, какъ уничтожить раздѣленіе на „идейный“ и „практическій“ центры, раздѣленіе функций „идейнаго“ и „практическаго“ руководства, раздѣленіе, увѣковѣчивающее „разъ на всегда“ всѣ эти печальные факты?

И вотъ, заговорившіе вдругъ на „разныхъ“ (!) языкахъ, „мягкіе“ и „твѣрдые“ вступили въ ожесточенный бой. „Колять“, „рубятъ“! Летятъ поправки, контроль-поправки, поправки къ поправкамъ. Одни кладутъ въ свои резолюціи „ординарные“ заряды, другіе „двойные“! Шумъ, трескъ, адскій грохотъ! А на предсѣдательскомъ креслѣ сидитъ „Зевсъ-Діалектикъ“ и, самъ „качаясь“ въ тактъ, съ любопытствомъ смотритъ, какъ „то сей, то оный на бокъ гнется“.

Да, были люди въ наше время!
Богатыры — не вы!

Побѣдилъ нашъ „маленький капралъ“. Ему удалось за-
крѣпить „организаціоннымъ путемъ“ вліяніе редакціи Ц. О.
на Ц. К. въ Россіи. Редакція имѣеть теперь большинство
въ Совѣтѣ партіи. Она „согласуетъ и объединяетъ дѣятель-
ность Ц. О. и Ц. К.“, она „представляетъ“ партію въ сноше-
ніяхъ съ другими партіями. Она „возстановляетъ“ Ц. К. и
редакцію Ц. О. Она, однимъ словомъ, „можетъ“ не менѣе,
чѣмъ англійскій парламентъ, а тотъ, какъ извѣстно, не мо-
жетъ только женщину сдѣлать мужчиной.

Но — увы! — безжалостная жизнь разбила и эти орга-
низаціонныя иллюзіи. Карточный организаціонный домикъ,
воздвигнутый „Искрой“, разсыпался именно потому, что былъ
разсчитанъ на данный составъ лицъ. Достаточно было выйти
изъ редакціи Мартову, который послѣдовалъ за „вышиблен-
ными“ оттуда Засуличъ, Аксельродомъ, Старовѣромъ, — и
построенная на двухъ китахъ, идейномъ и практическомъ,
партійная организація зашаталась въ самыхъ своихъ основа-
ніяхъ. Но киты все же стояли на мѣстѣ. Но едва вышелъ
партіистскіе выборы на основѣ „плебисцита“, какъ произведен-
ные „демократомъ“ Ленинымъ, конечно, не излечатъ отъ этого
паническаго ужаса передъ словомъ „демократизмъ“.

изъ редакціи „метафизикъ“ Ленинъ, и „діалектикъ“ Шлехановъ „единогласно“ кооптировалъ прежнихъ редакторовъ — какъ все пошло вверхъ дномъ. Идейный центръ оказался въ то же время и практическимъ, практическій оказался въ то же время и идейнымъ. Въ результатѣ этого „діалектическаго“ процесса, редакція Ц. О., имѣющая большинство въ Совѣтѣ Партии, оказалась совершенно безсильной. Она теперь ни чѣмъ не „руководитъ“, ничего не „согласуетъ“, ничего не „объединяетъ“. Устами Совѣта она все время предлагаетъ иначе „разсѣяться“,

Ужъ вѣрно мы поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ!

и съ такимъ же успѣхомъ, какъ и крыловскій поваръ, читаетъ нотаціи „язвѣ здѣшнихъ мѣстъ“ — Ц. К. А Васка слушаетъ да ъстъ!

Задушевное желаніе „меньшинства“, за осуществленіе которого оно такъ героически боролось на сѣздѣ — независимый и авторитетный Ц. К. — наконецъ, воплотилось въ жизнь. Но „часъ отъ часу не легче“. Казалось бы, совершенно иммунизированный противъ какой бы то ни было „идейной“ заразы, Ц. К. вдругъ, невѣдому почему, какимъ то наитіемъ, сверху или снизу, пріобрѣлъ сразу „идейную“ прыть, и въ свою очередь требуетъ отдачи Ц. О. подъ его строгій надзоръ! Чудеса, да и только!

И, какъ будто для того, чтобы придать совершенно карикатурный характеръ своей „функции“ идейного руководства всей партіей, редакція Ц. О., устами Шлеханова, заявляетъ теперь, что „идейно руководить“ партіей значить „имѣть право время отъ времени давать болѣе или менѣе суровые уроки“ комитетамъ! Отъ комитетовъ, превращенныхъ усилиями искровскихъ агентовъ въ кустарныя свѣтелки по части сбора обличительныхъ корреспонденцій и фабрикаціи политическихъ обличеній, требуютъ теперь, чтобы они на мѣстѣ выполняли соціалдемократическое дѣло во всей его полнотѣ. И редакція Ц. О., забывъ, что она руководить не на „пустомъ мѣстѣ“, что она имѣть дѣло съ пламенемъ или съ копотью, разлучтыми самой „Искрой“, воюеть почти со всѣми россійскими комитетами и допекаетъ ихъ съ помощью разныхъ „стороннихъ сообщеній“ какъ разъ за то, въ чемъ эти бѣдные комитеты

видять альфу и омегу настоящаго „искровства“! Ихъ убѣдили, что они должны заниматься только „практической“ дѣятельностью, на нихъ помощью партійного устава надѣли смирительную рубашку и имъ же кричать, поколачивая ихъ „идейной“ ферулой: дѣйствуйте самостоительно! Вотъ уже подлинно: не довѣрнись—бъютъ, перевернись—бъютъ!

Въ тѣсной и необходимой связи съ первой указанной мною чертой стоитъ и вторая. Я знаю, что моя формулировка, вѣроятно, будетъ „шокировать“ своей рѣзкостью и по этому приведу болѣе „мягкую“ формулировку, данную на съездѣ бывшей ленинской дубинкой. „Нашъ уставъ, говорилъ Троцкій, представляетъ „организованное недовѣріе“ со стороны партіи ко всѣмъ ея частямъ, т. е. контроль надъ всѣми мѣстными, районными, национальными и другими организаціями“. Другими словами, всѣ организаціи приглашаются писать полное „довѣріе“ къ „маленькому духовному ордену“, а послѣдній, хорошо зная, что „практикамъ“ нельзя вѣрить ни на грошъ, обеспечиваетъ себѣ всякия средства контроля или надзора за неблагонадежными комитетами. И, сознавая свои тяжкіе грѣхи,увѣренные въ непогрѣшимости „теоретиковъ“, бѣдные „практики“ покорно продѣли свои побѣдныя головушки въ придуманные для нихъ уставные ошейники!

Насколько согласны въ этомъ пунктѣ „меньшинство“ и „большинство“, видно хотя бы изъ того, что въ своемъ единственномъ принципіальномъ спорѣ на съездѣ — о „членствѣ“ — обѣ стороны пользуются однимъ и тѣмъ же критеріемъ: какая изъ этихъ формуліровокъ лучше обеспечиваетъ контроль надъ членами партіи? Никому изъ нихъ и въ голову не пришла мысль: а какая изъ этихъ формуліровокъ лучше обеспечиваетъ столь же необходимый контроль надъ централами?

Но и тѣмъ, и другимъ мало было гласнаго контроля надъ комитетами. Надо было создать еще тайный, негласный, на совершенно особыхъ, специфическихъ началахъ. Какъ всякий азіатскій деспотъ считаетъ себя еще безсильнымъ, если у него кромѣ широко развѣтленной системы агентовъ, съ помощью которыхъ онъ централизуетъ въ своихъ рукахъ руководство всей жизнью страны, нѣтъ еще болѣе широко развѣтленной системы доносчиковъ, которая даетъ ему возможность децентрализовать отвѣтственность предъ нимъ,

такъ и нашъ „маленький духовный орденъ“ думаетъ вмѣстѣ съ Ленинымъ, что онъ „будетъ безсиленъ, если въ тоже время мы не проведемъ максимальной децентрализациіи и въ отвѣтственности передъ нимъ и въ освѣдомленности его о всѣхъ колесахъ и колесикахъ партійной машины“. *) И центръ „усилилъ“ себя, проведя въ партійный уставъ такіе чудовищные, азіатски-чудовищные параграфы, какъ десятый и одиннадцатый. Согласно первому изъ нихъ, каждый членъ партіи и всякое лицо, имѣющее какое либо дѣло съ партіей, въ правѣ требовать, чтобы его заявленіе въ подлинномъ видѣ (почему бы еще не засвидѣтельствовать его нотаріальнымъ порядкомъ?) доставлено было въ Ц. К. или Ц. О., согласно второму, всякая организація обязана доставлять Ц. О. и Ц. К. всѣ средства къ ознакомленію со всею ея дѣятельностью и всѣмъ ея личнымъ составомъ!

И кто яростнѣе всѣхъ отстаивалъ, вмѣстѣ съ Ленинымъ, эти два пункта? Все та же бывшая ленинская дубинка, а теперь съ пѣной у рта громящій Ленина за „бюрократизмъ“ и „формализмъ“ — Троцкій! „Это, — говорилъ нашъ „изъ молодыхъ да ранній“, вся недолгая „еволюція“ котораго состоить изъ чисто кавалерійскихъ „еволюцій“, — можетъ быть полезно для выясненія нѣкоторыхъ интересныхъ эволюцій“. И эти двѣ квалифицированныя пощечины всѣмъ россійскимъ организаціямъ были, конечно, приняты; послѣдняя, правда, только (!) 27 голосами противъ 12, при 7 воздержаніяхъ.

И теперь остается лишь поскорѣе учредить при Ц. О. или при Ц. К. департаментъ по части выясненія интересныхъ эволюцій. Тогда воплотится въ жизнь и мечта нашего политического „капельмейстера“ о томъ, чтобы „было въ точности извѣстно, кто, гдѣ и какую скрипку ведеть, гдѣ и какъ какому инструменту обучался и обучается, кто, гдѣ и почему фальшивить (когда музыка начинаетъ ухо драть), и кого,

*) См. „Письмо къ товарищу о нашихъ организаціонныхъ задачахъ“ И. Ленина, стр. 21. Очень жаль, что это удивительное письмо циркулировало только среди „своихъ“. Оно даетъ прекрасный комментарій къ уставу, предложеному Ленинымъ и проведенному почти цѣликомъ на съѣздахъ. Громадное большинство пунктовъ партійного устава цѣликомъ заимствовано изъ этого письма. И остается только диву даться, какъ это „меньшинство“ до сихъ поръ не видѣло ни „бюрократизма“, ни „бонапартизма“!

какъ и куда надо для исправленія диссонанса перевести и т. д. ! *) А рядомъ съ этимъ департаментомъ другой, куда „въ подлинномъ видѣ“ будуть поступать всѣ „входящія“ въ Ц. О. или Ц. К. заявленія каждого члена партіи, то бишь—каждаго лица, работающаго подъ руководствомъ одной изъ партійныхъ организацій, и всякаго лица, имѣющаго какое либо дѣло съ партіей! И я увѣренъ, что за кандидатами дѣло не станетъ!**)

А „меньшинство“ самыи усерднымъ образомъ перечитываетъ и перепечатываетъ всякие „документы“, которые должны показать, что сначала Ц. О., а послѣ Ц. К. въ проведеніи этого устава провинились въ „бюрократизмѣ“, „формализмѣ“, „бонапартизмѣ“ и т. п. ужасахъ! Пора бы уже наконецъ понять, что всѣ эти милые „атрибуты“ лежать не въ формахъ проведенія этого угрюмъ-бурчеевскаго устава, а въ немъ самомъ, составляютъ самую его „субстанцію“. И приглашая всѣхъ, кстати и не кстати, работать „въ рамкахъ устава“, который, по признанію лидера „меньшинства“, Мартова, не „послужить ко вреду партії“ лишь при извѣстномъ составѣ редакціи Ц. О., „меньшинство“ затягиваетъ еще туже и крѣпче петлю, которую оно же помогло надѣть на партію, если можно еще говорить о партіи, Ц. О. которой является теперь органомъ „меньшинства“, а Ц. К. находится въ рукахъ „большинства“.

Или, можетъ быть, „меньшинство“ вмѣстѣ съ нашими „мягкими“ либералами изъ бюрократовъ думаетъ, что можно „мягко“ проводить въ жизнь угрюмъ-бурчеевскіе законы? Я лично предпочитаю, чтобы этимъ дѣломъ занимались Угрюмъ-Бурчеевы и отставные корнеты Толстолобовы. „Ясность никогда не мѣшаетъ“!

Съживаніе задачъ соціалдемократіи и признаніе насущной

*) Ленинъ, „Письмо къ товарищу“, стр. 22.

**) Редакція Ц. О. идетъ еще дальше. Она эти „подлинныя заявленія“, не въ примѣръ „бюрократамъ“, которые, конечно, положили бы ихъ „подъ сукно“, просто печатаетъ, даже въ томъ случаѣ, если это лицо совершенно ей неизвѣстно. См. напр. въ 64 № „Искры“ любопытное и по стилю, и по содержанію письмо, конечно, рабочаго, который даетъ „честное пролетарское слово“, что онъ не врѣтъ. И редакція Ц. О. партіи шпыняетъ теперь комитетъ партіи, который „всего“ устраиваетъ „ничтожныхъ собранийца въ нѣсколько десятковъ человѣкъ!“ Такъ и сказано!

потребностию пролетаріата политическое воспитаніе пролетаріата посредствомъ политическихъ обличеній и политической агитациі, выдвиганіе на первый планъ указанной потребности пролетаріата именно потому, что она совпадаетъ съ потребностью общедемократического движенія, непониманіе принципіальной разницы между либерализмомъ и буржуазной демократіей съ одной стороны и рабочей демократіей—съ другой, убѣжденіе, что только путемъ общерусской газеты можно воспитать сильную политическую организацію, ограничепіе общей дѣятельности, безъ которой невозможно общее руководство, одной только литературной дѣятельностью въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, пренебреженіе дѣломъ организаціи самого пролетаріата, стремленіеувѣковѣчить и „закрѣпить“ „законодательныи“ порядкомъ раздѣленіе между функціями „идейнаго“ и „практическаго“ руководства — все это „принципіальное“ зданіе, воздвигнутое „Искрой“, нашло только достойное увѣнчаніе въ „чудовищномъ“ планѣ организаціи, который былъ проведенъ на съѣздѣ Ленинымъ и Мартовымъ, „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“.

На комитетахъ, районныхъ группахъ, рабочихъ кружкахъ, главнымъ занятіемъ которыхъ является конспиративная постановка распространенія литературы, выдвигается, въ видѣ гигантскаго организаціоннаго спрута, Ц. К., вдохновляемый Ц. О. Если прежде „комитеты“ были „исполнителями“, „выразителями“ созданныхъ подъ вліяніемъ экономической агитациіи мѣстныхъ и профессиональныхъ нуждъ, то теперь они являются „повелителями“, „распорядителями“, вносящими извнѣ, путемъ политической агитациі, сознаніе еще несознанныхъ политическихъ нуждъ. Прежде комитеты служили рабочимъ, теперь рабочіе служатъ комитетамъ. Всюду требуется безпрекословное „повиновеніе“: рабочіе повинуются комитетамъ, комитеты повинуются Ц. К., а послѣдній, подъ руководствомъ Ц. О., опираясь на готовую къ повиновенію рабочую массу, подготавливаетъ, назначаетъ и проводить всенародное вооруженное восстание. *) „Пропаганда“ остается въ такомъ же пренебре-

*) Такъ еще О. К. изъ ростовскихъ событій сдѣлалъ главный выводъ, что массы уже безпрекословно подчиняются своимъ руководителямъ. И еще въ 61 № „Искры“ изъ Киева, (гдѣ господствуетъ „меньшинство“) пишутъ: „Въ городѣ недовольство тоже росло. Хотя отъ соціалдемократического комитета не было никакихъ

женії, какъ и прежде. Пропасть, образовавшаяся въ теченіе „экономического“ періода между „теоретиками“ и „практиками“, окончательно санкционируется. „Заграничные“ теоретики не отражаютъ россійское движение, а заряжаютъ его, изъ исполнителей они превращаются въ его руководителей. „Кусты“ и „деревья“ отдельныхъ рабочихъ организаций совершенно исчезаютъ за „льсомъ“ соціалдемократіи, принимающей смутныя очертанія буржуазной демократіи. Ибо, если „экономисты“, замыкаясь въ рамкахъ „чисто рабочаго“ движения, создавали благопріятную почву для ея укрѣпленія, то „политики“, вырвавшись на „широкую“ улицу общедемократического движенія, раскрыли ей настежь двери.

И чѣмъ скорѣе русскіе соціалдемократы объявлять „рѣшительную войну всему кругу идей, на которыхъ опирается такъ называемое „чисто политическое теченіе въ нашемъ движеніи“, тѣмъ лучше. Въ статьяхъ Аксельрода „меньшинство“ уже начало критику „ленинизма“, какъ Мартовъ почему то окрестилъ безпримѣсное „искровство“. Но „одна ласточка не дѣлаетъ еще весны“. И лидеры „меньшинства“ сдѣлали бы гораздо болѣе полезное дѣло, если бы вмѣсто вылавливанія грамматическихъ, историческихъ и логическихъ ошибокъ въ резолюціяхъ „большинства“ — а онѣ, право, нисколько не хуже тѣхъ рукоприкладствъ, въ которыхъ тѣ же комитеты присягали на вѣрность „Искрѣ“ и подчеркивали свою солидарность съ „Что дѣлать?“ — занялись бы болѣе энергично критикой старой „Искры“ и ленинскихъ откровеній. Ибо если „Искра“ была прежде „кристаллически-цѣльнымъ цѣльмъ“, то кристаллизовалась она вокругъ именно „ленинскихъ“ откровеній. А критика этой „теоріи“ была бы въ тоже время и критикой „практики“.

Если „экономической“ періодъ кончился полнымъ фіаско „практиковъ“, то „политической“ закончился не менѣе полнымъ фіаско „теоретиковъ“. Мы опять переживаемъ періодъ шатаній и разброда. И чѣмъ скорѣе русская соціалдемократія покончитъ съ „теоретическими“ иллюзіями, возникшими въ періодъ политической ажитациі, тѣмъ скорѣе она въ состояніи будетъ использовать всякое положеніе, поскольку оно

распоряженій, но рабочіе были очень возбуждены“. Непонятное явленіе!

благопріятно для извѣстной формы борьбы, не становясь игрушкой „экономическихъ“ или „политическихъ“ иллюзій. „Экономисты“, которыхъ „толкалъ“ экономической приливъ, скромно думали, что это они „сталкиваютъ“ рабочихъ съ фабрикантами; „политити“¹, которыхъ „толкала“ и вынесла на свое мѣсто „политическая“ волна, такъ же скромно думали, что это они „сталкиваютъ“ рабочихъ съ самодержа-
віемъ. *Du glaubst zu schieben, und du wirst geschoben!*

Въ Ростовскихъ, а затѣмъ юльскихъ событияхъ ясно слышится уже грозный гулъ, надвигающагося все ближе и ближе, новаго исторического прилива. „Стихійно“ развивающееся классовое сознаніе, разрывая мѣстные, профессіональные и національные перегородки, „стихійно“ же подыскиваетъ себѣ соответствующія формы проявленія и дѣятельности. „Экономическая борьба“ и „политическая борьба“ сливаются „стихійно“ въ массовую стачку противъ политического режима. Растеть и крѣпнетъ, пока еще „стихійный“, протестъ рабочаго класса не только противъ капиталистовъ, не только противъ правительства, но и противъ всего классового общества и государства.

А мы, усѣвшись, какъ ни въ чемъ не бывало, „въ рамкахъ устава“, продолжаемъ либо отстаивать „планъ“, либо выдумывать новыя магическія „формулы“. Надѣя нами не каплетъ!

VI.

Противъ организаціоннаго фетишизма.

Какъ расширить и укрѣпить тѣ связи, которыя дадутъ намъ возможность во время революціи и на другой день послѣ нея быть дѣйствительнымъ авангардомъ самого революціоннаго класса, а не только штабомъ безъ армій? Этотъ „проклятый вопросъ“ опять поставленъ на очередь дня ростовскими, а затѣмъ іюльскими событиями.

И ничто не характеризуетъ такъ ярко повальное увлеченіе организаціоннымъ вопросомъ, какъ попытка решить этотъ вопросъ съ помощью организаціонныхъ „формулъ“ или „ключей“. Такъ Панинъ, освободившійся отъ гипноза „политизма“, все еще ищетъ „ключа“, который откроетъ доступъ нашему вліянію на широкія массы пролетаріата“ въ „политической организаціи революціонеровъ, построенной по принципу объединенія и централизаціи ихъ дѣятельности“. Онъ не замѣчаетъ, что повторяетъ основную идею той самой Ленинскай книги, противъ которой онъ полемизируетъ. Ошибка Ленина состоить че въ томъ, что онъ политическую организацію революціонеровъ строить по принципу централизаціи руководства, — мы видѣли въ предыдущей главѣ, что и въ планѣ Ленина централизація руководства предполагаетъ централизацію дѣятельности, — а въ томъ, что онъ упрощаетъ, съуживаетъ эту общую дѣятельность, ограничивая ее „работой политической агитациіи, объединенной по всей Россіи“.

Развѣ не характерно, что единственный принципіалъный споръ, раздѣлявшій на съѣздѣ искровцевъ, вращался вокругъ спора о „формулахъ“, въ которыхъ и та, и другая сторона, съ фанатизмомъ фетишистовъ, видѣли „все спасающій, чудеса творящій талисманъ“? Даже Аксельродъ, пріучившій настѣльскъ искать центръ тяжести всей нашей дѣятельности не въ организаціонныхъ формулахъ, а въ точномъ опредѣленіи „характера агитационно-пропагандистской дѣятельности въ средѣ самого пролетаріата“, почему-то ухватился за мартовскую формулу, точно она и въ самомъ дѣлѣ открываетъ „доступъ

нашему вліянню на широкіл маси пролетаріата". Тольк послѣ съѣзда онъ нашупалъ „больное мѣсто“ и упрекаетъ теперь большинство делегатовъ, которые, повидимому, и не догадывались, что „жизнеспособность новой организаціи будеть прямо пропорціональна объему и значенію того содерянія, которое она внесеть въ движеніе“.

Къ сожалѣнію, — и странно, какъ Аксельродъ не замѣтилъ этого раньше,—для громаднаго большинства делегатовъ все это было давнымъ давно ясно. „Объемъ и значеніе“ были уже опредѣлены въ „Что дѣлать?“, и вся практика искровцевъ въ одно и то же время питалась этимъ новымъ откровеніемъ и питала его. Всѣ давнымъ давно согласились, что „основнымъ содеряніемъ дѣятельности нашей партійной организаціи, фокусомъ этой дѣятельности должна бытъ работа политической агитациіи по всей Россії“. Что же удивительного, если, говоря словами Аксельрода, „съ перемѣщеніемъ центра нашей партійной дѣятельности въ сферу агитациіи на почвѣ общедемократического антагонизма пролетаріата съ царскимъ самодержавіемъ, всякое революціонизированіе рабочихъ массъ съ цѣлью „вовлеченія ихъ въ борьбу“ съ нимъ пріобрѣло въ кругу многихъ соціалдемократовъ такое же значеніе универсального средства классового воспитанія этихъ массъ, какимъ прежде для нихъ была агитациія узко-экономическая“?

Не отказываясь еще отъ логической формулы Мартова, Аксельродъ въ своихъ статьяхъ ищетъ уже „ключъ“ не въ формѣ организаціи, а въ ясной и опредѣленной формулировкѣ задачъ, которая должна ставить себѣ соціалдемократія вообще и русская въ частности. Онъ замѣтилъ наконецъ, что въ періодъ чисто политической агитациіи задачи, эти были съужены и упрощены не въ меньшей степени, чѣмъ въ періодъ экономической агитациіи.

Но прекрасныя статьи Аксельрода еще не кончены, и волей-неволей мнѣ придется пользоваться формулой, которую я далъ послѣ обстоятельного разбора „искровской“ постановки задачъ русской соціалдемократіи. *)

*) Н. Рязановъ, *ibid* сс. 83-167. Часть вторая. Изъ области практики. 1) Задачи соціалдемократіи вообще. 2) Особенности Россіи и задачи русскихъ соціалдемократовъ. Я надѣюсь, что, по окончаніи статей Аксельрода, буду еще имѣть случай вернуться къ этому вопросу.

„Итакъ, писалъ я, организація самостоятельной политической партіи рабочаго класса съ революціонной соціалдемократической программой, а для этого: соціалдемократическое всплтаніе рабочаго класса посредствомъ разоблаченія классового характера всего современаго общества и государства; развитіе классового сознанія путемъ пропаганды и агитациі, руководство, какъ экономической, такъ и политической борьбой пролетаріата; координированіе его экономической борьбы съ буржуазіей (фабрикантами) и политической борьбы съ правительствомъ въ борьбу соціалдемократіи съ классовымъ обществомъ и съ классовымъ государствомъ; подчиненіе экономической и политической организаціи пролетаріата его соціалдемократической организаціи во имя идеи соцільной революціи, какъ классового интереса пролетаріата, присущаго ему въ отличіе отъ всѣхъ другихъ классовъ современаго общества; борьба соціалдемократической партіи съ капитализмомъ съ цѣлью уменьшить сумму страданій, которыми сопровождается неизбѣжная при этомъ строѣ экспроприація трудящихся массъ — вотъ задачи соціалдемократіи, какъ онѣ диктуются ей особенностями капиталистического развитія Россіи. Этими задачами должны опредѣляться какъ организація партіи, такъ и ея средства политической борьбы“.

Только точное опредѣленіе „объема и значенія“ того „содержанія“, которое соціалдемократія „вносить“ въ рабочее движение, постоянная провѣрка „практики“ соц.-демократич. „теоріей“, т. е. конденсированнымъ опытомъ всего западно-европейского движения, можетъ гарантировать насъ отъ смышенія экономической и политической организаціи пролетаріата съ его соціалдемократической организаціей. Только въ этомъ случаѣ форма организаціи не поглощаетъ ея содержанія, только въ этомъ случаѣ процессъ организаціи не отождествляется съ ея результатомъ, только въ этомъ случаѣ не развивается организаціонный фетишизмъ, для котораго организовать значитъ прежде всего составить уставъ. Вѣдь такъ легко создать „политическую“ организацію и „приписать“ ее къ вездѣсущему Ц. К.! Куда легче даже, чѣмъ организовать рабочихъ въ „кассы“!

Соціалдемократическая организація пролетаріата является болѣе сложнымъ дѣломъ. Организовать пролетаріатъ съ этой точки зрѣнія,—значить, исходя изъ различія уже сознанныхъ

мѣстныхъ, профессіональныхъ, политическихъ интересовъ, пользуясь въ своей пропагандѣ и агитациѣ уже пробудившимся экономическимъ или политическимъ протестомъ, развивать въ рабочей массѣ пониманіе еще не сознанныхъ классовыхъ интересовъ, значитъ превращать разрозненные „массы“, изъ которыхъ состоять рабочая масса данной страны, въ „массу“, проникнутую сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ, въ классъ не только *an sich*, но и *für sich*, значитъ сливать изолированные другъ отъ друга, разнородные ручейки и рѣчки „массового“ экономического или политического движения въ одинъ могучій однородный потокъ соціал-демократического рабочаго движения. Только это сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ служить связующимъ цементомъ классовой организаціи пролетаріата, только оно создаетъ классовыя связи, соединяющія рабочихъ въ одно единое и нераздѣльное цѣлое.

Гдѣ плохо выполняется такая организація пролетаріата, гдѣ забывается „эта самая насущная потребность“ рабочаго класса, тамъ не помогутъ никакія организаціонныя „формулы“, тамъ, вопреки Шанину, никакія „организаціонныя“ связи между партіей и рабочими массами не уничтожатъ ея „оторванности отъ правильно понятыхъ пролетарскихъ интересовъ“.

И какъ это ни кажется странно Акимову и Мартову, классовая организація пролетаріата идеть тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ яснѣе и отчетливѣе границы, отдѣляющія партію отъ „рабочихъ“, чѣмъ лучше партія „огорожена“ отъ Акимовской „жизни“, чѣмъ менѣе „каждый стачечникъ, каждый демонстрантъ можетъ объявлять себя членомъ партіи.“

Соціалдемократія, представительница классовыхъ интересовъ пролетаріата, его передовой отрядъ, хотя и рекрутируется главнымъ образомъ изъ его среды, какъ партія, знаетъ только соціалдемократовъ. Отъ безчисленнаго количества маленькихъ и большихъ „массъ“, разбросанныхъ по всей странѣ, она отдѣляетъ себя „средостѣніемъ“ въ видѣ партійной организаціи, ревниво оберегая себя такимъ образомъ отъ вторженія „жизни“. Образованіе такой „замкнутой“ партіи есть *conditio sine qua non* превращенія массового рабочаго движения въ соціалдемократическое. Работая, не покладающи рукъ, среди самыхъ „конкретныхъ“ рабочихъ самыхъ разнообразныхъ профессій, она принимаетъ въ свою

среду „отвлеченныхъ“ рабочихъ, „отвлеченныхъ“ отъ всякихъ мѣстныхъ и профессіональныхъ интересовъ, проникнутыхъ сознаниемъ своихъ классовыхъ интересовъ, т. е. рабочихъ, ставшихъ соціалдемократами.

Но, отдѣляя себя организаціоннымъ барьеромъ отъ качественно разнородныхъ элементовъ, хотя бы ими являлись самыя что ни на есть рабочія организаціи, съужива я такимъ образомъ свои рамки, она этимъ самымъ расширяетъ предѣлы своего воздействиія не только на рабочій классъ, но и на всю трудящуюся массу, безнамѣно бывающую въ тискахъ капитализма. Руководя всѣми формами, въ которыхъ проявляется дѣятельность рабочаго класса, направляя ихъ къ одной цѣли—развитію классового сознанія, она считаетъ фокусомъ своей дѣятельности соціалдемократическое воспитаніе рабочаго класса посредствомъ разоблаченія классового характера всего современаго общества и государства. Выступая всегда принципіальнымъ врагомъ всего буржуазнаго общества, энергично борясь со всякими проявленіями экономического, политического и. т. п. гнета, она становится наиболѣе народной партіей, становится во главѣ всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ, все больше убѣждающихъ, что интересы пролетаріата въ то же время и ихъ интересы. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивается число тѣхъ, кто соглашаются взять на себя всѣ жертвы и обязанности, съ которыми сопряжена принадлежность къ партіи, и наложить на себя организаціонныя узы.

Къ сожалѣнію не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ сказка сказывается. Тяжелыя условія борьбы за существованіе затрудняютъ оформленіе этихъ отношеній, и въ дѣйствительности процессъ организаціи пролетаріата обгоняетъ ростъ пролетарской организаціи. Настоящее ложится такимъ тяжелымъ гнетомъ на каждого рабочаго, что требуется очень высокая степень развитія, сильный энтузіазмъ, готовность на самопожертвованіе, чтобы стать членомъ организаціи, въ которой интересы настоящаго подчиняются интересамъ будущаго. Достаточно вспомнить, какъ незначителенъ процентъ экономически организованныхъ рабочихъ, и мы уже не будемъ удивляться, что процентъ политически и соціалдемократически (а эти термины, какъ увидимъ, далеко не совпадаютъ) организованныхъ рабочихъ еще ниже. Опытъ даже германской соціалдемократіи доказываетъ, что на

практикъ приходится довольствоваться очень грубымъ приближеніемъ къ идеалу.

А идеальной формулой организаціи явилась бы разсѣянная по всей странѣ сѣть соціалдемократическихъ союзовъ и группъ, дѣлающихъ въ рамкахъ мѣстныхъ условій одно и то же общее дѣло и объединенныхъ въ одну партійную организацію. Но такой оформленной организаціи, которая охватила бы всѣхъ соціалдемократовъ, германская соціалдемократія до сихъ поръ не имѣеть. Въ то время, какъ экономическая и политическая организація пролетаріата соціалдемократами идетъ болѣе или менѣе успѣшно, соціалдемократическая организація, созданная ими, все еще держится, такъ сказать, въ воздухѣ. Вместо оформленныхъ организаціонныхъ связей между партіей и рабочими, партія во многихъ мѣстахъ все еще пользуется такъ назыв. *Vertrauensmänner* (довѣренными лицами) и такимъ неопределѣннымъ признакомъ принадлежности къ партійной организаціи, какъ поддержка ея въ теченіе извѣстнаго времени денежными средствами. Точный подсчетъ настоящихъ членовъ партіи поэтому совершенно невозможенъ. Партія не знаетъ даже числа политически организованныхъ членовъ, такъ какъ вступленіе въ члены *Wahlverein*'а обставлено цѣлымъ рядомъ ограниченій (возрастъ и полъ). Къ великому огорченію Ленина, нѣмецкій Ц. К. не только лишенъ возможности „доходить“ до каждого члена партіи, но не знаетъ даже, какъ велики личныя и финансовые средства соціалдемократической организаціи.

Неудивительно поэтому, что время отъ времени возникаютъ конфликты между оформленной экономической и политической организаціей съ одной стороны и распливчатой соц.-дем. съ—другой. Интересы партіи оттесняются на задній планъ, а иногда совсѣмъ забываются, и во главу угла ставятся мѣстные професіональные или мѣстные политические интересы. Инцидентъ съ каменьщиками въ Гамбургѣ и инцидентъ съ Гере въ Чоппау показываютъ это наглядно. Въ одномъ случаѣ соціалдемократы, организовавшіеся въ *gewerkschaft*, требуютъ, чтобы партія исключала изъ своихъ рядовъ членовъ, провинившихся въ нарушеніи професіональной дисциплины, въ другомъ—соціалдемократы, организованные въ *Wahlverein*, забываютъ, что они не политическій союзъ избирателей гражданъ, выбирающихъ представителя народа, а политическая

организація соціалдемократовъ, защищающихъ въ данномъ избирательномъ округѣ кандидатуру представителя своей партії и завоевывающихъ ей лишнюю трибуну для разоблаченія классовой подоплеки всѣхъ формъ гнета. И оппортунисты, для которыхъ соціалдемократическая организація всегда является бѣльмомъ на глазу, сейчасъ же ухватились за эти инциденты, чтобы поднять знамя восстанія противъ партіи. Если оппортунисты— „экономисты“ *à la* Эльмъ очень охотно превратили бы соціалдемократическую партію въ ариѳметическую сумму *gewerkschaften* съ „парламентскимъ комитетомъ“, то оппортунисты— „политики“ *à la* Гейне не менѣе охотно превратили бы ее въ такую же сумму избирательныхъ комитетовъ съ парламентской фракціей въ главѣ, члены которой были бы избавлены отъ стѣснительного контроля при заключеніи сдѣлокъ и компромиссовъ съ буржуазными партіями. Но и тѣ, и другіе каждый разъ натыкаются на несокрушимый отпоръ плохо оформленной классовой организаціи пролетаріата, т. е. соціалдемократической партії*).

И все таки, несмотря на „расплывчатость“ ея организації, ни одна партія въ мірѣ не является въ такой степени партіей рабочаго класса, какъ именно германская соціалдемократія. И это „очевидно“ для всѣхъ, хотя она никогда не добивалась того, чтобы каждый стачечникъ и каждый демонстрантъ могъ объявить себя ея членомъ (Мартовъ), хотя „въ составѣ ея не входятъ рабочія организаціи всѣхъ родовъ“, ни *lose*, ни *feste* (Страховъ и Ленинъ), хотя она отдаляетъ себя организаціоннымъ барьеромъ отъ всѣхъ рабочихъ организацій (*gewerkschaften*) и совсѣмъ не заботится о томъ, чтобы между ней и массой былъ рядъ организацій (Мартовъ).

Мы видѣли уже, какой чудеса творящій талисманъ имѣла нѣмецкая соціалдемократія. Правильно понимая свои задачи, никогда не уклоняясь ни въ сторону „экономизма“, ни въ

*) Въ этомъ отношеніи оппортунистъ Гейне и ортодоксъ Ленинъ одного и того же поля ягоды. Въ угоду политической злобѣ дня приносится въ жертву будущность соціалдемократіи. И Гейне сейчасъ бы пересталъ кричать противъ „формализма“ и „бюрократизма“, если бы могъ добиться реорганизаціи партіи на ленинскихъ началахъ: ему вѣдь нужны только полная автономія политическихъ вождей въ предѣлахъ ихъ „функций“ и извѣстная степень ихъ безответственности или, какъ выражается рѣзко Парвусъ, ему нужна партія, состоящая изъ барановъ и овецъ.

сторону „политики“, она неуклонно продолжала видѣть „фокусъ“ своей дѣятельности въ соціалдемократическомъ воспитаніи рабочаго класса посредствомъ разоблаченія классового характера всего современаго общества и государства. Говоря словами „Объявленія объ изданіяхъ гр. „Борьбы“, она „помогала рабочему классу выяснить и высказывать свои ближайшія требованія“, она „приходила къ нему на помощь своимъ опытомъ, почерпнутымъ изъ исторіи практики западно-европейскаго рабочаго движенія“, она всегда „соединяла неразрывной связью эти ближайшія требованія съ задачами движенія въ его цѣломъ“, превращая массовое рабочее движеніе въ соціалдемократическое.

Вотъ почему центръ тяжести ея организаторской дѣятельности лежалъ въ раціональной организаціи данного ядра соціалдемократовъ, которая позволила бы ей въ одно и то же время быть очагомъ непрерывной соціалдемократической пропаганды и агитациі и пунктомъ кристаллизациі всѣхъ, выдѣляемыхъ общественно-экономическимъ броженіемъ, элементовъ соціалдемократической партіи.

Какъ должны организоваться соціалдемократы, чтобы наиболѣе цѣлесообразно и успѣшно выполнять дѣло классовой организаціи пролетаріата? Какая форма организаціи имѣющихся уже соціалдемократическихъ силъ лучше всего гарантируетъ партію отъ превращенія въ секту?

Какъ образовалось это ядро соціалдемократовъ—вопросъ, представляющій лишь историческій интересъ. Но гдѣ нѣтъ такого ядра, тамъ могутъ существовать „духовные руководители“ и секты, получающіе отъ нихъ „твѣрдость убѣждений и единство взглѣдовъ“.

Имѣется ли у насъ такое ядро? Несмотря на печальный опытъ второго съѣзда, мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Лучшимъ доказательствомъ служать, какъ ростовскія и юльскія событія, въ которыхъ „искровство“ не повинно ни душою, ни тѣломъ, такъ и соціалдемократические процессы послѣднихъ лѣтъ. И какъ разъ теперь, когда кончилась самымъ позорнымъ фіаско попытка превратить русскую соціалдемократію въ „секту“ или, по изящному выражению Ленина, въ „посудину“, въ которую „извѣ“ вливается „болѣе или менѣе“ сильный растворъ бернштейніанства и брентанізма, организація имѣющихся на лицо соціалдемокра-

тическихъ силь становится не только необходимой, но и возможной.

Какая же форма организації диктуется задачами соціал-демократії, какъ мы ихъ выше формулировали?

Кто говорить: „организація соціалдемократовъ“, тѣмъ самыи указываетъ, что эта организація не признаетъ политики „открытыхъ дверей“, что она ставить извѣстный барьеръ между собою и „жизнью“. Чтобы стать ея членомъ, мало объявить или признать себя имъ. Нужно еще быть признаннымъ, принятымъ. Принимая новыхъ членовъ путемъ коптации, она предъявляетъ всякому „новичку“ цѣлый рядъ требований. Основанная на солидарности мысли, дѣйствія и отвѣтственности, она требуетъ признанія программы, соотвѣтственныхъ этому дѣйствій и готовности нести отвѣтственность за ея дѣйствія. Она можетъ подвергать его болѣе или менѣе продолжительному „искусу“, но разъ она кооптировала его, онъ становится ея равноправнымъ членомъ.

Нѣтъ обязанностей безъ правъ, нѣтъ правъ безъ обязанностей. Взявъ на себя рядъ обязанностей, наложивъ на себя организаціонныи узы, отказавшись отъ свободнаго проявленія своей „индивидуальности“, онъ можетъ „развернуться во всю“, какъ соціалдемократъ, онъ получаетъ право принимать участіе въ обсужденіи и решеніи всѣхъ вопросовъ, имѣть право вліять на всѣ дѣла.

Въ этомъ отношеніи организація соціалдемократовъ не знаетъ различія между „интеллигентами“ и „рабочими“, между „теоретиками“ и „практиками“. Какъ бы ни отличались другъ отъ друга отдельные члены организації по своему развитію, по своимъ способностямъ, какъ бы высоко ни поднимались надъ среднимъ уровнемъ нѣкоторые изъ нихъ; при обсужденіи и решеніи всѣхъ вопросовъ каждый членъ имѣетъ одинаковый голосъ. Какъ бы ни были разнообразны роды и виды, на которые распадается ея дѣятельность, какъ бы ни были разнообразны „функции“, которая берутъ на себя члены этой организаціи, всѣ эти „части“ общей работы должны исполняться „цѣлостными“ соціалдемократами. Организація никогда не должна напоминать мануфактуру съ ея „детальными работниками“, съ рѣзкимъ отдѣленіемъ „идейнаго руководства“ отъ „практической работы“, съ превращеніемъ всѣхъ работниковъ въ винтики или колесики общаго механизма. Она скорѣе напоминаетъ

простую кооперацію свободныхъ работниковъ. Взаимная связь этихъ функций, ихъ распределеніе и ихъ единство должны быть свободнымъ продуктомъ ихъ дѣятельности, а не навязываться имъ, какъ въ капиталистической мануфактурѣ, извѣдѣ какой нибудь группой, которая присваиваетъ себѣ „функцию распределенія функций“.

Всякая совмѣстная дѣятельность нуждается въ большей или меньшей степени въ руководствѣ и управлениі, которое соединяетъ различныя индивидуальныя дѣятельности въ одно гармоническое цѣлое. И точно также изъ всякой совмѣстной дѣятельности возникаетъ цѣлый рядъ общихъ функций. Выполненіе этихъ функций руководства и согласованія, а равно и всѣхъ общихъ функций, возлагается на цѣлый рядъ должностныхъ лицъ, выбираемыхъ всей организаціей и отвѣтственныхъ предъ нею. Довѣріе, которымъ пользуются эти лица, основано на постояннѣй проверкѣ ихъ дѣйствій всѣми членами организаціи. Контроль выбранныхъ организаціей должностныхъ лицъ падъ отъ лѣнными членами ея въ предѣлахъ взятыхъ ими на себя функций дополняется контролемъ всѣхъ членовъ организаціи должностными лицами во всѣхъ ихъ функцияхъ. Каждый членъ отвѣтаетъ за организацію, и организація—за каждого. „Сапожникъ, знай свои колодки“!—принципъ, которому не должно быть мѣста въ организаціи соціалдемократовъ. Какъ бы ни была специальная функция, которую взялъ на себя членъ организаціи, онъ долженъ помнить, что онъ не только „транспортъ“, не только „техникъ“, что на немъ лежитъ отвѣтственность не только „въ предѣлахъ его функций“, что онъ отвѣтаетъ за всю организацію. Онъ долженъ поэтому „совать свой посъ“ во всѣ дѣла, иначе организація превратится въ собраниѣ овецъ, а должностныя лица изъ слугъ ея въ „диктаторовъ“.* Соціалдемократизмъ не имѣть и не долженъ имѣть никакихъ степеней. Нужно имѣть самое дикое представлениѳ о немъ, чтобы думать, что извѣснѣмъ степенямъ соціалдемократизма соотвѣтствуютъ извѣстныя функции и отвѣтственность въ

*) Нашимъ товарищамъ, которые хотятъ устроить разсадникъ „диктаторовъ“, слѣдовало бы помнить слѣдующія слова „солдата революціи“, Либкнхта: Того, кто хочетъ стать лично диктаторомъ, въ мирное время, какъ я сказалъ Лассалю, можно, конечно, высмеять; въ революціонное же время ему пускаютъ пулю въ дѣбъ.

данномъ предѣлѣ функціи (Ленинъ и Павловичъ). Конечно, оркестръ нуждается въ дирижерской палочкѣ. Но организація соціалдемократовъ не оркестръ, хотя и хороший оркестръ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если его „винтики“ знаютъ всю партитуру, а не довольствуются знаніемъ части ея, находящейся въ вѣдѣніи „контрабаса“ или „барабана“.

Согласно тому-же принципу свободной простой коопераціи долженъ быть построенъ и союзъ такихъ организацій. Каждая мѣстная группа вѣдаетъ все соціалдемократическое дѣло во всей его полнотѣ. Мѣстной она является не потому, что „вѣдаетъ дѣлами, относяшимися специально и исключительно къ данной мѣстности“ (Ленинъ и Мартовъ), а потому, что дѣлаетъ общее дѣло — соціалдемократическое воспитаніе рабочаго класса — въ рамкахъ мѣстныхъ условій.

Совмѣстная дѣятельность этихъ группъ нуждается въ руководствѣ и согласованіи такъ же, какъ и дѣятельность членовъ каждой изъ этихъ группъ въ отдѣльности. Возможность объединенія и централизаціи общихъ функцій (общая касса, общая „техника“, общий транспортъ и т. д. и т. д.) усиливается еще въ большей степени. Создается также возможность выполнять цѣлый рядъ предпріятій, которая не подъ силу отдѣльнымъ организаціямъ. Сила партійной организаціи далеко превышаетъ простую сумму силъ, входящихъ въ нее организацій. Развивается та потенціальная сила, которая возникаетъ изъ сліянія многихъ силъ въ одну общую силу, развивается сила массъ.

Какъ же обезпечиваются единство и планомѣрность общепартійной деятельности?

Единство и планомѣрность общепартійной дѣятельности обезпечиваются періодически созываемыми партійными съездами, которые обсуждаютъ и решаютъ всѣ относящіеся къ этой дѣятельности вопросы и поручаютъ выполненіе этихъ решеній выборнымъ должностнымъ лицамъ всей партіи или „центру“. Этому же „центру“ поручаются функціи руководства и управлениія всей общепартійной дѣятельностью и организація всѣхъ „общихъ функцій“. Онъ является только отвѣтственнымъ представителемъ партіи и исполнителемъ ея решеній.

Безъ принципіального единства, безъ солидарности мысли невозможно организаціонное единство, безъ единства взглядовъ

невозможно единство дѣйствія. Но не надо думать, что солидарность мысли исключаетъ борьбу идей, что единство взглядовъ тождественно съ „единомысліемъ“. Соціалдемократія — партія класса, а не секты, и солидарность мысли достигается въ ней борьбой различныхъ „оттѣнковъ“, приходящихъ къ известному соглашенію. Участіе въ организаціи даетъ столько преимуществъ, что всякий охотно подчиняется рѣшенію, съ которымъ онъ небезусловно согласенъ, если только онъ имѣлъ возможность до принятія рѣшенія отстаивать свое личное мнѣніе. Лишь тамъ, гдѣ классовому движенію навязываютъ всякие сектантскіе лозунги, гдѣ являются пророки и запахари съ особенными патентованными средствами, („планы“, „отрѣзки“ и т. д.), гдѣ изъ организаціи „вышибаются“ всякие „оттѣнки“, несогласные съ „оттѣнкомъ“ господствующей группы, развивается дикое стремленіе установить „единство взглядовъ“ путемъ установленія „единомыслія“. *) Только на этой „сектантской“ почвѣ могла вырасти искровская утопія внесенія „единства взглядовъ“ въ партію путемъ установленія „единомыслія“ въ „центрѣ“, состоящемъ изъ десятка прекрасно спѣвшихся вождей.

Объ этомъ мечталъ глуповскій градоначальникъ, Василискъ Бородовкинъ, объ этомъ мечтала и „Искра“, столь „много возлюбившая“.

„Утвердившись такимъ образомъ и въ самомъ центрѣ, единомысліе градоначальническое неминуемо повлечеть за собою и единомысліе всеобщее. Всякий — уразумѣвъ, что градоначальники: а) распоряжаются единолично б) палять также единомысленно, — будетъ единомысленно же и изготавляться къ воспріятію сихъ мѣропріятій. Ибо отъ такого единомыслія имѣ некуда будетъ дѣваться. Не будетъ, слѣдственно, ни

*) Исключеніе необходимо только въ томъ случаѣ, если членъ партіи или часть ея хотятъ пользоваться не только „свободой критики“, но и свободой дѣйствія. Но оно всегда остается печальной необходимостью. Я лично предпоютаю „нерѣшительность“ иѣмецкихъ товарищъ по отношенію къ бернштейніанцамъ „рѣшительности“ нашихъ обезпамятѣвшихъ марксистовъ, которые уже давнѣмъ давно исключили бы не только Бернштейна, но и Ауера. Лучше терпѣть бернштейніанцевъ въ своей средѣ, чѣмъ терпѣть бернштейніанство въ своей программѣ.

своры, ни розни, а будуть распоряженія и пальба повсемѣстная".

Оказалось, что отъ такого „единомыслія“ некуда было дѣваться самимъ „градоначальникамъ“. Къ сожалѣнію, учинивъ бунтъ, они все еще думаютъ вмѣстѣ съ глуповскимъ же градоначальникомъ Беневоленскимъ, что „глуповскіе“ законы мѣняютъ свое естество, если примѣнять оные „добросердечно“. Они все еще продолжаютъ упорно смишивать тайную организацію съ заговорческой, централизованную съ централистической, и, вмѣстѣ съ Ленинымъ, готовы сейчасъ же „разстрѣлять“ всякаго „демократа“.

VII.

„Сверху“ или „снизу“.

Мы уже видѣли, что форма организаціи диктуется задачами, которыя она себѣ ставить, мы видѣли также, что въ силу этихъ задачъ соціалдемократическая организація должна быть построена по типу свободной простой коопераціи. Въ основу ея кладется „демократической принципъ“, т. е. равноправіе членовъ организаціи и контроль всѣхъ членовъ ея надъ выборными должностными лицами. По своему происхожденію „аристократическая“, размножаясь только путемъ коопераціи, обводя вокругъ себя рѣзкую демаркаціонную линію, она впускаетъ (принимаетъ) только выдержавшихъ извѣстный „искусъ“, но внутри этихъ предѣловъ она знаетъ только одинъ „демократической принципъ“.

Становясь тайной, вынужденная скрывать своихъ членовъ отъ „полиції“, она еще болѣе усиливаетъ требованія, которыя она предъявляетъ новичкамъ, она еще болѣе увеличиваетъ срокъ того stage-a, *) которому она ихъ подвергаетъ.

Заговорщическая организація соціалдемократовъ — логической абсурдъ, и тамъ, гдѣ соціалдемократы говорятъ о ней, можно быть увѣреннымъ, что въ ихъ сознаніи стерлась разница между бланкизмомъ и соціалдемократизмомъ, или что они употребляютъ слова, смыслъ которыхъ имъ плохо извѣстенъ. Соціалдемократія не устраиваетъ никакихъ „заговоровъ“, она не готовить восстанія, она не дѣлаетъ революціи. Тайная соціалдемократическая организація можетъ и должна быть строго конспиративной, но она не „конспирируетъ“ ни противъ правительства, ни противъ полиції. Въ заговорщическую она превращается только тогда, когда вмѣстѣ съ Ленинымъ и „Искрой“ ставить себѣ цѣлью „подготовленіе, проведеніе и назначеніе вооруженного восстанія“. Мы уже видѣли, что она перестаетъ быть и соціалдемократической. Смутно

*) Даже во Франціі новый членъ становится членомъ de jure только послѣ полугодичнаго „испытанія“.

сознавали это и „мягкие“, когда устами Мартова заявили на съездѣ, что „заговорическая организація имѣеть для нихъ смыслъ лишь постольку, поскольку ее облекаетъ(sic!) широкая соціалдемократическая рабочая партія“. Организаціонная формула Аксельрода и Мартова и явилась тѣмъ „философскимъ камнемъ“, который помогъ имъ сдѣлать этотъ политический фокусъ-покусъ.

Забывъ, что не ихъ дѣло—готовить и назначать возстаніе, смѣшавъ строго конспиративную организацію съ заговори ческой, наши обезпамятѣвшіе марксисты вполнѣ естественно забыли также, что организація можетъ быть строго централизованной, не будучи централистической, что только заговори ческая организація, которая все приноситъ въ жертву „единству дѣйствія“, должна быть централистической.

Централізациія функцій руководства и управлениія, а съ ними и всѣхъ общихъ функцій, въ „центрѣ“, который является уполномоченнымъ всей организаціи и находится подъ ея контролемъ, смѣшиваются съ концентраціей всей активной энергіи въ „центрѣ“, которому отдается подъ надзоръ вся организація. Членами централизованной организаціи являются цѣлостныя группы, вѣдающія вполнѣ самостоятельно всѣ области партійной дѣятельности и руководящія только рѣшеніями партійныхъ съѣздовъ, членами централистической организаціи — спеціализированныя группы, вѣдающія самостоятельно только „дѣла, относящіяся съ спеціально и исключительно къ той (!) области партійной дѣятельности, для завѣдыванія которой онъ созданы“, обязанныя подчиняться „всѣмъ постановленіямъ Ц. К.“ Въ одномъ случаѣ централизациія вырастаетъ „снизу“, естественно вытекая изъ совмѣстной дѣятельности, въ другомъ — она вносится „извнѣ“, навязывается „сверху“. Въ централизованной организаціи, съ изчезновеніемъ центра, остаются вполнѣ жизнеспособныя группы, быстро возобновляющія временно прекратившіяся связи; въ централистической, гдѣ центръ является организаціей въ организаціи, организація, въ случаѣ его провала, распадается на, ни чѣмъ не связанныя, искалѣченныя группы.

Забывъ эти элементарныя вещи, наши обезпамятѣвшіе марксисты стараются оправдать свое пристрастіе къ заговори ческой и централистической организаціи ссылкой на исторію. По мѣрѣ того, какъ въ ихъ сознаніи стиралась разница

между задачами соціалдемократії и революціонной демократії, между соціалдемократизомъ и бланкізмомъ, забывалась и принципіальна разница между „Землей и Волей“ и „Народной Волей“. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ Шлехановъ и Аксельродъ, Ленинъ и Мартовъ усердно рекомендуютъ намъ „строго конспіративную и централистическую организацію „Земли и Воли“ и „Народной Воли“! Трудно болѣе легко-мысленно извратить исторію революціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ!

Въ то время, какъ Н. В. была организаціей централистической, организація З. и В., будучи организаціей централизованной, боялась, какъ огня, всякаго централизма. Въ то время, какъ организація „Земли и Воли“ состояла изъ вполнѣ равноправныхъ членовъ, выбиравшихъ и контролировавшихъ дѣйствія всѣхъ „должностныхъ лицъ“, организація „Народной Воли“ придерживалась прямо противоположнаго принципа. Центръ („администрація“) „Земли и Воли“, который по уставу долженъ былъ находиться въ Петербургѣ, выбирался по большинству голосовъ. „Какъ ни велико было значение администраціи, но она не могла сдѣлать серьезнаго шага, не спросивши разрѣшенія Совѣта, а въ очень важныхъ случаяхъ и согласія всѣхъ членовъ общества. *) Наоборотъ, центръ Н. В. „пополнялся по собственному его выбору изъ среды своихъ агентовъ или членовъ (мѣстныхъ и специальныхъ) группъ. Это было впрочемъ общее правило. Всякая группа высшаго порядка пополняется по собственному выбору, на счетъ группъ нисшаго порядка.

Другими словами, организація „З. и В.“ была тайной и централизованной, а организація „Н. В.“ — заговорщической и централистической. Въ первой принципъ кооптациі внутри организаціи являлся исключеніемъ, выборное начало — правиломъ, во второй — наоборотъ: принципъ кооптациі и внутри организаціи являлся правиломъ, а выбroe начало безусловно исключалось. Въ первой „единство взглядовъ и единство дѣйствія“ устанавливались „снизу“, во второй они вносились „извнѣ“.

Это различіе типовъ организаціи обусловливалось разли-

*) Функціи этого совѣта были аналогичны функціямъ нѣмецкой Controll kommission.

ч'емъ задачъ, которыя ставили себѣ „З. и В.“ и „Н. В.“. Первая исходила изъ убѣжденія, что „революція — дѣло народныхъ массъ“, что „подготавляетъ ихъ исторія“ и т. д. и т. д., вторая хотѣла „снять съ народа подавляющій его гнетъ современаго государства, произвести политической переворотъ съ цѣлью передачи власти народу“. А для этого она считала нужнымъ сейчасъ же „подготавляться именно къ возстанію“.

Вѣрно только, что и организація „З. и В.“ была строго конспиративной. И если мы присмотримся поближе къ исторіи революціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ, мы увидимъ, что народовольцы первого призыва потому лишь могли такъ успѣшно бороться съ „полиціей“, что прошли основательную школу въ рядахъ „З. и В.“ Тотъ же опытъ „Н. В.“ показываетъ, что централистическая организація плохо воспитываетъ конспиративныя качества. Послѣднія концентрируются въ „центрѣ“, въ которомъ должны сходиться „корни и нити“. Строгое раздѣленіе функцій, доходящее до специализаціи капиталистической мануфактуры, заставляетъ смотрѣть сквозь пальцы на сознательность и зрѣлость принимаемыхъ членовъ. Достаточно только „опредѣлить степень ихъ „радикализма“ или соціалдемократизма, дать имъ соотвѣтствующія функціи и отвѣтственность въ данномъ предѣлѣ функцій“, какъ говорилъ на съездѣ Павловичъ — и „дѣло въ шляпѣ“. Больше всего цѣнятся „готовность“ и „подчиненіе“. Всякіе самостоятельные элементы, какъ „сомнѣвающіеся“ или „шатающіеся“, вышибаются вонъ. Но тѣмъ легче втираются въ организацію „сомнительные“ элементы, которые зачастую забираются въ самый „центръ“. Вся „периферія“ медленно атрофируется, и съ крушенiemъ „центра“ рушится безвозвратно и вся организація. Наоборотъ, „центръ“ становится тѣмъ „неуловимѣе и недосягаемѣе“, чѣмъ плотнѣе окружающіе его ряды соціалдемократическихъ единицъ, а не живыхъ соціалдемократическихъ дробей, чѣмъ выше уровень ихъ сознательности. Тайной организаціи болѣе всего страшны не шпіоны, а предатели и агенты-provокаторы, которымъ легче всего забраться именно въ „централистическую“ организацію. *)

*) Не случайность вѣдь явленіе, на которое указалъ авторъ

Но наши обезпамятѣвши марксисты забыли даже исторію своихъ нѣмецкихъ предковъ. Они забыли вмѣстѣ съ Плехановымъ, что „въ такихъ странахъ, какъ Германія, передовыя представители пролетаріата, не отказываясь отъ участія въ предстоящей революції, видѣли свою ближайшую цѣль не въ захватѣ власти, а въ подготовкѣ рабочей партіи будущаго. Такова, между прочимъ, была цѣль „Союза коммунистовъ“, въ которомъ главная роль принадлежала Марксу и Энгельсу. „Союзъ коммунистовъ былъ, поэому, не обществомъ заговорщиковъ, а обществомъ стремившимся къ тайной организації пролетаріата, потому что нѣмецкій пролетаріатъ находился подъ интердиктомъ, былъ лишенъ огня и воды, печати, слова и ассоціацій“ *). Плехановъ могъ бы прибавить, что организація этого союза была вполнѣ демократическая, съ выборными и всегда смѣняемыми должностными лицами, что, какъ говорить Энгельсъ, такая организація исключала всякия заговорщические вождѣнія, требующія диктатуры. Этотъ уставъ — такъ демократически поступали послѣ вступленія Маркса и Энгельса въ союзъ — былъ предложенъ на обсужденіе секціи, затѣмъ подвергнутъ вторичному обсужденію на съездѣ и окончательно принять послѣднимъ. Конечно, *quod licet Jovi, non licet bovi!*

„Столь же многознаменательнымъ въ этомъ отношеніи фактъ является нелегальное существованіе такого обширнаго „общества“, какъ германская соц.-дем. партія“ **), отъ 1878 до 1890 г. Законъ о соціалистахъ разрушилъ однимъ

статьи „Такъ ли мы готовимся?“ (Искра, № 12). „Товарищи хорошо знаютъ, что — по ироніи судьбы — съ того времени, какъ мы начали „вплотную“ заниматься „выработкой строго конспиративной организації“, нѣкоторыя важныя техническо-конспиративныя функціи нашей партійной работы стали выполнятся иль рукъ вонъ плохо“. Статья направлена противъ утопическихъ возврѣній на „подготовку возстанія“, которыхъ „начинаютъ замѣтно проявляться среди нашихъ товарищѣй“. Какъ видно, автору осталась неизвѣстной книга „Что дѣлать?“, въ которой эти возврѣнія уже давно проявились очень замѣтно и выразились даже въ очень „стройномъ“ планѣ такой „подготовки“.

*) Плехановъ, Наши разногласія, стр. 118.

**) Аксельродъ, Рабочее движеніе въ началѣ 60-хъ годовъ и теперь, Соціалдемократъ 1888. На протяженіи всей статьи централістической организаціи Н. В. противопоставляется централізованная организація соціалдемократовъ.

ударомъ всю легальную организацію партії. „Центръ“ поспѣшилъ распуститься. Началась смута. Нѣкоторые „вождъ“ поколебались, большинство изъ нихъ растерялось. И Мерингъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что только благодаря массамъ, а не вождямъ, соціалдемократія вышла съ честью изъ этого тяжелаго испытанія. „Снизу“ была создана тайная организація, въ которую входили только активные члены партіи. Строго централизованная, она имѣла во „главѣ“ парламентскую фракцію, которая являлась исполнительнымъ органомъ партіи и находилась подъ ея постояннымъ контролемъ. Не фракція вносила „единство взглядовъ“ въ партію, а, наоборотъ, партія слѣдила за тѣмъ, чтобы неизбѣжная среди „вождей“ разногласія не вредили „единству взглядовъ“, не нарушали принципіального единства. И когда фракція забывала иногда, что она только „представляетъ“ партію, что она является только ея уполномоченнымъ въ рейхстагѣ, „масса“, „рядовые“, напоминала объ этомъ своему „центру“ очень сердито. Для насъ особенно поучителенъ инцидентъ съ Dam-pfersubvention.

Въ сесію 1884—5 г. парламентская фракція большинствомъ голосовъ рѣшила вотировать субсидіи въ пользу нѣсколькихъ пароходныхъ линій, которая предназначались для установленія болѣе регулярныхъ сношеній съ Азіей и Австраліей, а на дѣлѣ должны были служить интересамъ колоніальной политики Бисмарка (Либкнехтъ и Бебель принадлежали къ меньшинству). Противъ этого рѣшенія протестовали цюрихскіе товарищи вмѣстѣ съ официальнымъ органомъ партіи „Соціалдемократъ“ и многіе товарищи въ самой Германіи. Фракція была возмущена этой критикой и разразилась манифестомъ, въ которомъ подвергала анаiemъ критику ея дѣйствій со стороны членовъ партіи и между прочимъ выставила слѣдующій тезисъ: „не газета должна опредѣлять поведеніе фракціи, а наоборотъ фракція должна контролировать поведеніе газеты“.

Она наткнулась однако на самый рѣзкій отпоръ. Зарвавшімся „вождямъ“ пришлось выслушать очень много непріятныхъ вещей. *) Рѣзче всего выступили франкфуртскіе това-

*) Во главѣ большинства фракціи стоялъ Ауэръ. Онъ, конечно, не согласенъ съ приведеннымъ въ текстѣ миѳніемъ Меринга.

рищи. Въ манифестѣ фракціи они увидали диктаторскія замашки, попытку ввести исключительные законы въ партіи, непомѣрное и неслыханное покушеніе на право самоопредѣленія товарищей. Они заявили, что не хотятъ быть безвольными носителями какой нибудь идеи и напомнили фракціи, что именно основа партіи, т. е. находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, собирающіе деньги и распространяющіе литературу товарищи, что именно dieser kern ist es, welcher die Haltung des Blattes und der Fraktion bestimmt, что именно это ядро опредѣляетъ поведеніе газеты и фракціи. Возваніе кончалось зловѣщимъ предупрежденіемъ, что въ случаѣ, если фракція выпустить еще разъ подобный манифестъ, пролетаріи съумѣютъ отдать ишеницу отъ плевель! И фракція „образумилась“.

Кто же были эти дерзкіе „демагоги“, осмѣливавшіеся „запустить свою руку“ въ такие „щекотливые вопросы“? Увы! Если бы нашъ Балалайкинъ сдѣлалъ „перекличку“ этимъ товарищамъ, онъ не нашелъ бы тамъ „именъ“. Это были тѣ „namenlose“, которыми и до сихъ поръ держится партія.

Года два спустя послѣ этого бурнаго эпизода нѣмецкая соціалдемократія созвала тайный съездъ (въ Сен-Галленѣ), на которомъ „имѣль удовольствіе присутствовать“ и одинъ русскій товарищъ. Предоставимъ же слово ему.

„Не талантами, не блескомъ краснорѣчія ораторовъ или оригинальностью и глубиною ихъ мыслей произвело на меня это собраніе глубокое впечатлѣніе. Конечно, были тамъ и люди талантливые и даже чрезвычайно крупныя личности, какъ Бебель и Либкнехтъ, но большинство состояло изъ людей заурядныхъ, во всякомъ случаѣ, крайне посредственного общаго образованія (на сколько вообще они таковое получили) отнюдь не съ выдающимися интеллектуальными способностями. И вотъ больше всего меня поразили высокій уровень соціально-политического развитія, замѣчательно ясное пониманіе положенія соціалдемократіи и другихъ политическихъ партій въ Германіи и вообще чрезвычайно сознательное отношеніе ко всемъ явленіямъ общественной жизни, проявившіяся въ рѣчахъ и рѣшеніяхъ именно этой массы заурядныхъ лицъ — сапожниковъ, плотниковъ, наборщиковъ, сигарочниковъ, машинистовъ

и т. д. и т. д. И при этомъ глубоко революционное настроение, толкающее на самую рѣшительную борьбу съ врагомъ, готовность на всякия жертвы, рядомъ съ полнѣйшимъ отсутствиемъ въ рѣчахъ и заявленіяхъ ораторовъ громкихъ революционныхъ фразъ и всякой ходульности“!

И какимъ презрительнымъ смѣхомъ встрѣтили бы эти „заурядные люди“ громкія фразы и ходульныя рѣчи бывшей ленинской дубинки о томъ, что „съѣздъ не имѣть ни нравственного, ни политического права перекраивать редакцію“, какъ бы были бы поражены они, если бы услышали отъ великаго „солдата революціи“ слѣдующую „глуповскую“ рацею:

„Вопросъ о правахъ и обязанностяхъ разрѣшается заявленіемъ: „вотъ вамъ работа“. Право у члена партіи, по нашему проекту, одно — доводить до свѣдѣнія центра свои мнѣнія и желанія. Другое право — составлять общественное мнѣніе“ *).

Но они сейчасъ же поняли бы, что непримиримый врагъ швейцеріанскихъ тенденцій шутить, и расхохотались бы тѣмъ здоровымъ пролетарскимъ смѣхомъ, которымъ они привыкли встрѣчать всякую шутку.

Что нѣмцу смерть, то русскому здорово. И тѣ самыя „мягкія“ Мартовскія рѣчи, въ которыхъ „нѣмцы“ сейчасъ же раз слышали бы повтореніе домартовскихъ рѣчей своихъ Фрицовъ и Вильгельмовъ, на нашихъ „славянъ“ подѣйствовали, точно „райская пѣсня“. Не потому ли и Аксельродъ, тотъ самый русскій товарищъ, слова котораго я привѣтъ выше, изъ русскаго съѣзда вынесъ прямо обратное впечатлѣніе?

*) Изъ рѣчи Мартова на съѣздѣ партіи. Протоколы, стр. 238. Мартовъ уже далъ толкованіе устава въ духѣ „твѣрдыхъ“. У Щедрина онъ могъ бы найти толкованіе и въ духѣ „мягкихъ“. Послѣднее написано глуповскимъ градоначальникомъ Беневоленскимъ: 1) Всякій градоправитель да будетъ добросердеченъ. 2) Да памятуетъ градоправитель, что одною строгостью, хотя бы оная была стократъ сугуба, ни голода людскаго утолить, ни наготы человѣческой одѣть не можно!.. 13) Въ пищѣ и питіи никому препятствія не полагать. 14) Просвѣщеніе виѣдрять съ умѣренностью, по возможности, избѣгая кровопролитія. 15) Въ осталъномъ поступать по произволенію“. Конечно, лучше быть обѣзженнымъ, чѣмъ заѣзженнымъ! Ну, а если обыватель „возмечтаетъ“: какъ бы получить такой „законъ“, при которомъ насть не только заѣжать, но и обѣзжать нельзя? будетъ?

Мало того. Ему пришлось принять дѣятельное участіе въ созданіи заговорщической и централистической партіи, члены которой „по нашему проекту“ пользуются тѣми же самыми правами, что и русскіе обыватели.

Надо ему отдать однако справедливость. Увидѣвъ воочію эту слѣпленную или сколоченную „Искрой“ „посудину“, онъ отпрянулы. Онъ замѣтилъ вдругъ, что предъ нимъ — облекшаяся въ плоть и кровь „своеобразная теорія, по которой дѣло извѣстнаго класса можетъ быть совершено „въ большей или меньшей степени“ — кружкомъ“. Онъ понялъ, что организація професіональныхъ революціонеровъ, что всесильный центръ съ его агентами рискуютъ остаться сами по себѣ, а рабочее движеніе — само по себѣ. Но онъ, какъ и теперь, не замѣчалъ еще, что именно объ этой „посудинѣ“ мечталъ, спрятавшись за Писарева, Ленинъ, когда доказывалъ въ „Что дѣлать“ или въ „Съ чего начать“, что „организація, складывающаяся сама собою вокругъ „Искры“, организація ея сотрудниковъ (въ широкомъ смыслѣ слова т. е. всѣхъ трудящихся надъ ней) будетъ именно готова на все, начиная отъ спасенія чести, престижа и преемственности партіи въ моментъ наибольшаго революціоннаго „угнетенія“ и кончая подготовкой, назначеніемъ и проведеніемъ всенароднаго вооруженнаго возстанія“.

И вотъ, вмѣсто того, чтобы, подвергнувъ критикѣ эту безсмысленную „мечту“, опредѣлить задачи, которыя должна будетъ преслѣдоватъ объединенная соціалдемократія, и, исходя изъ этого опредѣленія, предложить форму организаціи, которая дала бы возможность наиболѣе цѣлесообразно бороться во имя ближайшихъ цѣлей и интересовъ рабочаго класса, не жертвуя будущностью движенія, Аксельродъ вмѣстѣ съ Мартовымъ употребили всѣ усилия, чтобы примирить непримиримое.

„Заговорщическая организація для меня имѣеть смыслъ лишь постольку, поскольку ее облекаетъ (sic!) широкая соціалдемократическая рабочая партія“. „Для насъ рабочая партія не ограничивается организаціей професіональныхъ революціонеровъ. Она состоитъ изъ нея плюсъ вся совокупность передовыхъ элементовъ пролетаріата“. Такъ говорилъ Мартовъ, и Аксельродъ прибавляеть: „Партію пролетаріата нельзѧ уже потому ограничивать тѣстыми рамками заговорщической орга-

низації, что пришлось бы сотни и даже тысячи сознательныхъ пролетаріевъ считать виѣ партії, не считать ихъ членами ея“.

И опять таки, вмѣсто того, чтобы реорганизовать партію такъ, чтобы она могла служить пунктомъ кристаллизації для соціалдемократического рабочаго движенія, они предлагаютъ уже слѣпленную „Искрой“ „посудину“ облечь партіей такъ сказать второго порядка. Членами первой будутъ всѣ тѣ, кто получаетъ отъ центра „работу“ только въ томъ случаѣ, если они состоятъ въ организації, членами второй — тѣ, кто со-гласенъ работать на партію, не вступая въ партійную организацію. Почему въ самомъ дѣлѣ не дать „той массѣ пролетаріата и отдѣльныхъ городскихъ обывателей, которые, не входя въ тѣ или иныя организаціи партіи, служатъ орудіемъ въ рукахъ организацій для осуществленія ихъ задачъ“, название „члена партіи? говорилъ Русовъ“. „Прикрѣпленіе ихъ къ партіи,—доказывалъ онъ дальше,—не вредя ни чуть работѣ и идейной чистотѣ партіи, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность каждую минуту знать, на какую минимальную силу можемъ мы разсчитывать. Кромѣ того, это прикрѣпленіе даетъ возможность требовать отъ всѣхъ этихъ лицъ безуслов-наго выполненія обязательствъ, наложенныхъ партіей на ея членовъ“.

Но Ленинъ и Плехановъ непоколебимы. Та опасность, которая пугаетъ Аксельрода и Мартова, для нихъ не существуетъ. Партія должна быть лишь передовымъ отрядомъ, руководителемъ громадной массы рабочаго класса, который весь (или почти весь) работаетъ „подъ контролемъ и руководствомъ партійныхъ организацій“, но который не входить весь и не долженъ входить въ партію. Нужно поэтому оградить партію отъ вторженія всякаго рода представителей оппорту-низма. Для этого необходимъ строгій и неукоснительный над-зоръ. Говорить же о контролѣ надъ людьми, стоящими виѣ организаціи, значитъ играть словами.

Аксельродъ и Мартовъ, конечно, понимаютъ, что центръ обязанъ контролировать всѣхъ, а членъ партіи имѣеть право быть контролируемымъ. Они начинаютъ поэтому увѣрять сво-ихъ коллегъ по редакції, что контроль, право же, осущест-вимъ. „Контроль осуществимъ, поскольку комитетъ, поручая кому-либо извѣстную функцию, имѣеть возможность слѣдить

за нею!“ Иными словами, контроль осуществимъ, потому что онъ осуществимъ.

Ленинъ и Плехановъ только улыбаются. Они прекрасно понимаютъ, что Ц. К., уже лишенный „по нашему проекту“ головы, рискуетъ еще совершенно „обезножъть“, если ему придется „доходить“ и до тѣхъ членовъ партіи, которые стоять вѣнч организацій.

Тогда Аксельродъ и Мартовъ мѣняютъ фронтъ. Еще болѣе неосуществима цѣль, которую ставитъ себѣ Ленинъ. Жизнь наплодитъ столько организацій, что ихъ волей неволей придется принять въ партію, тогда какъ формула Мартова позволяетъ „прикрѣпить“ организацію такъ, чтобы она въ одно и тоже время и входила, и не входила въ партію. „Я же думаю, что если такая организація согласна принять партійную программу и партійный контроль, то мы ее можемъ ввести въ партію, не дѣляя ее тѣмъ самымъ партійной организаціей!“ Такъ говорилъ Мартовъ!

Хотя Плеханову нравится эта „діалектика“, дѣлающая „видимое, какъ бы невидимымъ“, но Ленинъ сейчасъ же показываетъ „кулакъ“, которымъ Ц. К. сможетъ „метафизически“ прихлопнуть или „отмѣтить“ всякую партійную организацію — и у Плеханова еще „прочище складывается убѣждение, что правда на сторонѣ Ленина“.

Аксельродъ, Мартовъ и „мягкіе“ начинаютъ упрашивать. Вѣдь это же въ сущности не важно! Все равно никакими декретами нельзя запретить кружкамъ и отдельнымъ лицамъ называть себя соціалдемократами и даже считать себя частью партіи. Тотъ титулъ „члена партіи“, — дополняетъ Аксельрова Русовъ, — который даетъ уставъ, не передаетъ въ руки лица, носящаго его, никакихъ правъ на партію, и обязанностей массу. При отсутствіи выборнаго начала во всѣхъ партійныхъ организаціяхъ, при строгой централизаціи, при отвѣтственности каждого работающаго для партіи передъ центральными учрежденіями партіи, нѣть никакого основанія бояться вторженія опасныхъ для чистоты принциповъ элементовъ.... Еще разъ напоминая товарищамъ, что членъ партіи никакихъ правъ не имѣтъ, а наоборотъ массу обязанностей по отношенію къ партіи, приглашаю при соединиться къ резолюціи тов. Мартова!

И въ самомъ дѣлѣ! Что мѣшаетъ дать название, титулъ

члена партії? Вѣдь „отъ слова не становится“! А между тѣмъ мы такимъ образомъ и невинность соблюдемъ и капиталъ пріобрѣтемъ то бишь будемъ имѣть заговорщическую организацію професіональныхъ революціонеровъ, облеченную широкой зоной „почетныхъ соціалдемократовъ“!

Но Ленинъ не умолимъ. Онъ, конечно, не „буквоѣдъ“. Онъ прекрасно знаетъ, что „отъ плохого цункта устава мы еще далеко не погибнемъ“. Но своимъ „недреманнымъ окомъ“ онъ уже провидѣть въ недалекомъ будущемъ опасность, которой не замѣчають его коллеги. Мартовъ сдѣлалъ безтактность и заговорилъ о „правахъ“. И какъ ни „минимальны“, по выраженію бывшей ленинской дубинки, эти „права“, все таки „руководимые“ легко могутъ впасть въ искушеніе.

И Ленинъ дѣлаетъ послѣднее „геройское усиление, чтобы спасти свою „посудину“ отъ вторженія „разномыслящихъ“ элементовъ: „Мнѣ возражали, что правъ то членамъ партіи мы (!) никакихъ не даемъ (!), и потому злоупотребленій быть не можетъ. Такое возраженіе несостоитъльно: если у насъ не указано, какія именно особыя права получаетъ членъ партіи, то замѣтьте, что у насъ не приведено и никакихъ указаній объ ограниченіи правъ членовъ партіи“. Но „его не поняли“!

Несмотря на полную несостоитъльность аргументації Аксельрода и Мартова, беспомощно путавшихъ въ противорѣчіяхъ и неудачныхъ примѣрахъ, побѣдило „меньшинство“. Безупречная формальность, ленинская формула окончательно закрѣпила бы побѣду нашихъ „политиковъ“ и — проведенная въ жизнь — уничтожила бы всѣ связи между партіей и рабочимъ классомъ, который, по мнѣнію ея автора, и не долженъ входить въ партію. Наоборотъ, Мартовская формула, говоря его же словами, все таки „выражала стремленіе къ тому, чтобы между организаціей професіональныхъ революціонеровъ и массой былъ рядъ организацій“ т. е. выражала хотя и въ аляповатой формѣ, прямо противоположное стремленіе. Ленинъ и Плехановъ хотѣли, чтобы партія окончательно превратилась въ секту, Аксельродъ и Мартовъ, плохо ли хорошо ли, хотѣли сдѣлать ее партіей класса.

Ростовскія события были еще слишкомъ живы въ памяти многихъ делегатовъ и, несмотря на „научный“ авторитетъ Ленина и Плеханова, большинство — дѣйствителіое боль-

шинство! — вотировало за более „симпатичную“ формулу Аксельрода и Мартова. Въ ней чувствовалось дыханіе партійной жизни!

„Посудина была разбита, — жаловался Ленинъ на съездъ Лиги. Къ сожалѣнію, въ ней сдѣлана была только маленькая брешь. Но и этого было достаточно, чтобы въ ея „консервированомъ“ содержимомъ начался процессъ разложенія со всѣми его непріятными послѣдствіями.

Усиленно подчеркивая, что титулъ „члена партіи“ не даетъ въ сущности никакихъ правъ, Мартовская формула оставила открытымъ вопросъ, чѣмъ же собственно отличаются члены партіи, работающіе въ партійныхъ организаціяхъ отъ членовъ, работающихъ подъ руководствомъ такихъ организацій? Приставая къ Ленину съ вопросомъ, какъ при его формулѣ поступать съ агентами Ц. К., „меньшинство“ не замѣчаетъ, что если держаться „буквы“, то мартовская формула „исключаетъ“ изъ партіи всѣхъ членовъ, работающихъ въ партійныхъ организаціяхъ. *) Такимъ образомъ дѣйствительные члены партіи наталкивались на мысль, что у нихъ имѣется еще какія то особенные права, кромѣ тѣхъ двухъ, о которыхъ такъ „мягко“ пѣлъ Мартовъ.

Вопросъ этотъ былъ выясненъ борьбой Лиги съ Ц. К., Она не приняла бы такія безобразныя формы, если бы Ц. К. не былъ увѣренъ, что „по нашему проекту“ всѣ члены партіи имѣютъ „мартовскія“ права. И какъ ни непріятно чтеніе протоколовъ съѣзда Лиги, каждый членъ партіи долженъ ихъ изучать самымъ внимательнымъ образомъ: въ рѣчахъ Мартова, Старовѣра, Засуличъ, Дана, онъ найдетъ драгоцѣнныя указанія для борьбы со всякими притязаніями Ц. К. и Ц. О., каждого порознь и той ихъ комбинаціи, которая получила название Совѣта Партіи **). Теперь очередь за

*) Костровъ замѣтилъ эту оплошность и предложилъ формулу соединяющую Ленинскую и Мартовскую въ одну. Но ее отклонили.

**) Всяко бываетъ. Такая власть, какую имѣеть „по нашему проекту“ редакція Ц. О., можетъ ввести въ соблазнъ и „ангеловъ“. На такой „экстренній случай“ при нашихъ нравахъ можно всегда разсчитывать. Достаточно, что бы „градоначальники“ опять поняли „вредъ градоначальническаго многомыслія“, чтобы „они, такъ сказать, по всему лицу земли“ русской опять заговорили „единими устами“.

другими организаціями. Нѣть обязанностей безъ правъ, нѣть правъ безъ обязанностей. Въ добрый часъ!

Но та же самая мартовская формула — обратная сторона медали! — раздавая направо и нальво титулъ „члена партіи“, приведетъ неизбѣжно къ цѣлому ряду возстаній противъ „властей предержащихъ“ и со стороны организацій, которые Мартовъ думаетъ не пустить въ партію, хотя они и признаютъ партійную программу и партійный контроль. Было бы слишкомъ наивно ждать, что онъ согласится долго занимать такое промежуточное положеніе. Онъ захотятъ получить всѣ „права“ ибо, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Ленинъ, въ уставѣ „не приведено никакихъ указаний объ ограниченіи правъ членовъ партіи“.

Мартовъ такъ увѣренъ въ чудодѣйственной силѣ своей формулы, что „считалъ бы большимъ торжествомъ нашей партіи, если бы, напримѣръ „какой нибудь союзъ „независимыхъ“ опредѣлилъ, что онъ принимаетъ точку зрењія соціалдемократіи и ея программу и вступаетъ въ партію, что не значитъ однако, что мы включаемъ союзъ въ партійную организацію“. Дѣйствительно, чудо изъ чудесъ! Но, чтобы вѣрить въ такія чудеса, нужно такъ „вѣрить“ въ пролетаріатъ, какъ Акимовъ, который приходитъ въ негодованіе, когда употребляютъ „имя пролетаріата, какъ дополненіе“ къ партіи! Для такого „рабочелюбца“ каждый рабочій есть прирожденный членъ соціалдемократической царти, и хотя Акимовъ находитъ мартовскую формулу недостаточно „эластичной“, онъ, конечно, подписался подъ ней обѣими руками. А я, какъ подобаетъ неисправимому „доктринеру“, сильно опасаюсь, что при формулѣ, которая даетъ возможность спокойно впускать въ партію всякаго, кто признаетъ ея программу, — ибо впускать въ партію не значитъ еще включать въ нее, — соціалдемократія, какъ партія, рискуетъ опять надолго исчезнуть въ волнахъ „массового“, экономического и политического, рабочаго движенія, Опять забыто будетъ различіе между этимъ движеніемъ и соціалдемократическимъ рабочимъ движеніемъ, между партіей и классомъ, и опять каждый стачечникъ или демонстрантъ считался бы соціалдемократомъ, а наши комитеты думали бы, что они занимаются соціалдемократической работой, если они сегодня „вызываютъ“ стачки, а завтра „демонстраціи“! Да минетъ нась чаша сія!

„Но вы то сами за какую формулу? спрашиваетъ меня съ негодованіемъ читатель.

Я вполнѣ понимаю его негодованіе и сознаю свою вину. Но и онъ началъ бы „увиливать“, если бы кто нибудь присталь къ нему съ ножемъ къ горлу и спросилъ: что было раньше, курица или яйцо? Что лучше—ждать и не дождаться, или имѣть и потерять?

На нелѣпо поставленный вопросъ лучшимъ отвѣтомъ является правильная постановка его. Я сдѣлалъ это въ предыдущей главѣ. Такъ же ставитъ теперь этотъ вопросъ и Аксельродъ, и я увѣренъ, что его отвѣтъ (конечно, въ общемъ) совпадетъ съ моимъ. Съ точки зрењіи революціонной соціалдемократіи нѣть двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. А создавъ въ самомъ „характерѣ нашей пропагандистско-агитаціонной дѣятельности въ средѣ рабочаго класса“ гарантіи все болѣе и болѣе растущаго вліянія на рабочія массы, не трудно уже найти форму для этого „ключа“ и совсѣмъ легко разобраться во всѣхъ этихъ вопросикахъ о „профессорахъ“, „интеллигентныхъ одиночкахъ“ и т. д. и т. д., которые служатъ теперь предметомъ жаркихъ дебатовъ во всѣхъ групахъ и комитетахъ!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Я могъ бы, конечно, тоже представить „планъ“ организації, могъ бы даже составить проектъ устава, разбивъ его на столько то и столько то пунктовъ и параграфовъ. Но я считаю это такъ же излишнимъ, какъ и детальное изображеніе всѣхъ „винтиковъ и колесиковъ“ партійной организації. Гораздо важнѣе опредѣлить основное содержаніе партійной дѣятельности и намѣтить общіе контуры соотвѣтствующей этой дѣятельности организації. Всякая регламентація только вредна, потому что мѣшаетъ „практикѣ“ внести необходимые коррективи въ „теоретическое“ построеніе. Я ограничусь поэтому нѣсколькими замѣчаніями.

Основной организаціонной клѣткой по прежнему должны оставаться комитеты. Они слишкомъ привились къ жизни, чтобы думать о замѣнѣ ихъ новой формой. За то необходимо кореннымъ образомъ реорганизовать ихъ дѣятельность. Чѣмъ полнѣе и всестороннѣе будетъ она, чѣмъ болѣе будетъ она соціалдемократической, тѣмъ прочнѣе и устойчивѣе будетъ вся партійная организація, тѣмъ меньше будетъ послѣдняя страдать отъ неизбѣжныхъ при настоящихъ условіяхъ проваловъ центральныхъ учрежденій.

Во главу угла всей дѣятельности комитета должна быть поставлена именно пропаганда. Безъ раціональной организаціи этого „рода“ работы невозможно созданіе соціалдемократическихъ кадровъ изъ среды рабочихъ. Теперь находящаяся въ загонѣ пропаганда зачастую превращается въ „функцию“ одного комитетчика, которому нельзя поручить болѣе „живое“ дѣло. Понятно, что она ведется „спустя рукава“. Главными „пропагандистами“ являются гимназисты и студенты обоего пола, которые превращаются ее сейчасъ же въ „ажитацию“. Отъ рабочихъ они большей частью отличаются только увѣренностью, что достаточно прочитать одну соціалдемократическую брошюру, чтобы на другой день выступить въ роли „учителя“. Пора понять, что пропаганда т. е. развитіе классового сознанія — слишкомъ важное дѣло, чтобы поручить его хотя бы очень хорошимъ, но все таки дѣтямъ. Пора

понять, что отъ этого больше всего страдаетъ и столь излюбленная, хотя и плохо понимаемая, агитаци. Только имѣя въ своемъ распоряженіи рядъ опытныхъ пропагандистовъ, особенно изъ среды рабочихъ, комитетъ сможетъ въ тѣ моменты, когда масса поднимается, какъ одинъ человѣкъ, развить настоящую агитаци. А „въ наше время, когда „пропаганда играетъ роль Сандрильоны и комитетъ круглый годъ занимается исключительно ажитацией, онъ является почти беспомощнымъ, когда нужна именно агитаци, агитаци и агитаци и сплошь да рядомъ оказывается не въ состояніи — вслѣдствіе недостатка подготовленныхъ силъ — овладѣть „стихійнымъ“ движеніемъ.

Пора также оставить „интеллигентскую“ точку зреінія на неконспиративность рабочаго. Именно „въ наше время, когда“ такъ много говорятъ о выработкѣ „профессиональныхъ революціонеровъ“, конспиративность рабочихъ взята подъ особое „сомнѣніе“, хотя въ среднемъ рабочіе не менѣе конспиративны, чѣмъ наши „интеллигенты“. Противъ провокаторовъ можно помочь опять таки повышеніемъ уровня подготовки. Укоренившійся предрасудокъ между тѣмъ мѣшаетъ расширенію соціалдемократическихъ организаций. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ движение начинается или имѣеть не значительные размѣры, можно еще съ грѣхомъ пополамъ, довольствоваться комитетомъ въ пять человѣкъ; но это очень и очень нецѣлесообразно въ тѣхъ городахъ, гдѣ движение уже разрослось и приняло значительные размѣры. Расширеніе организациі въ такихъ случаяхъ является безусловной необходимостью, и въ нее должны войти всѣ дѣйствительно активные члены, какъ изъ среды „интеллигенціи“, такъ и, въ особенности, изъ среды рабочихъ. Нѣть обязанностей безъ правъ, нѣть правъ безъ обязанностей. Лучше всего, если комитетъ является выборнымъ учрежденіемъ болѣе широкаго соціалдемократического союза, въ который члены принимаются только путемъ очень строгой кооптаци. Болѣе или менѣе продолжительный срокъ работы на мѣстную организацию даетъ возможность ознакомиться съ качествами „оглашенного“ и решить вопросъ, достоинъ ли онъ принятія въ „общину“. Кружки саморазвитія и рабочія организациі всегда могутъ доставить достаточный контингентъ кандидатовъ. Страсть къ „генеральству“ и „демагогіи“ развивается только тамъ, гдѣ имѣются маніаки-генералы и гдѣ имѣется возможность вліять на дѣла, только попавъ въ какой нибудь „сверхъ

центръ“. Въ какой степени будетъ расширена мѣстная организація, па какой ступени принципъ кооптациі уступаетъ мѣсто выборному, каковъ срокъ „искуса“—все это зависитъ, конечно, отъ условій времени и мѣста. Она не должна превосходить извѣстныхъ размѣровъ, дѣлающихъ невозможной тайную дѣятельность, но она не должна также превращаться въ коллегію изъ 3-5 человѣкъ *).

Такое количественное расширеніе мѣстной организаціи является необходимымъ условіемъ и для созданія сѣти „чисто рабочихъ“ организацій. Пора понять, что руководство экономической борьбой пролетаріата должна взять въ свои руки именно революціонная соціалдемократія. Участвуя въ организаціи „кассы“, соціалдемократы создадутъ тѣсныя личныя связи съ чисто рабочими организаціями, которые должны быть вполнѣ самостоятельны. Надо всѣми силами бороться съ предразсудкомъ, по которому всякий стачечникъ есть соціалдемократъ. И наоборотъ надо стараться, чтобы соціалдемократы стояли во главѣ всѣхъ стачечниковъ. Рабочія организаціи должны имѣть свой особенный комитетъ, хотя бы — и этого нужно добиваться — онъ состоялъ изъ соціалдемократовъ—рабочихъ, участвующихъ въ соціалдемократическихъ организаціяхъ. И только, будучи вполнѣ самостоятельными во всѣхъ дѣлахъ своей организаціи, избавленные отъ „опеки“ интеллигентовъ, они научатся цѣнить помощь соціалдемократической организаціи, если, конечно, послѣдняя будетъ помнить, что „нѣть и не можетъ быть такой „мелкой“ нужды, такого „мелкаго“ требованія рабочихъ, на защиту которыхъ не должна была бы выступить соціалдемократія, не измѣняя своему значеніи“, что выступая на защиту этихъ „мелкихъ“ нуждъ, являясь единственнымъ адвокатомъ рабочаго класса, адвокатомъ, котораго въ его защитѣ не связываютъ никакія „постороннія соображенія“, соціалдемократія этимъ самымъ наглядно доказываетъ рабочимъ, что даже „въ рамкахъ существующихъ политическихъ условій“ только наша партія является наибо-

*) Опубликованныя „Искрой“ резолюціи, кромѣ указаній на-
качественный составъ комитетовъ, даютъ очень любопытныя ука-
занія на ихъ количественные размѣры. Мы, оказывается, переще-
голяли „Народную Волю“, которая все таки насчитывала въ своей
партійной организаціи человѣкъ 300-400.

льє рѣшительнымъ борцомъ за улучшеніе положенія рабочаго класса“*).

Отдѣленіе рабочей организаціи отъ соціалдемократической не только не ослабитъ связей соціалдемократіи съ рабочими массами,—конечно, въ томъ случаѣ, если она понимаетъ задачи своей „пропагандистско-агитационной дѣятельности въ средѣ рабочаго класса“,—но укрепить ихъ еще больше и устранитъ конфликты, неизбѣжные тамъ, гдѣ „кассы“ и „рабочія организаціи“ являются составными частями соціалдемократической партіи. Нельзя же требовать отъ рабочихъ, чтобы, находясь подъ контролемъ, они отказались отъ желанія контролировать своихъ контролеровъ, особенно если эти „контролеры“, берутъ подъ „подозрѣніе“ экономическую борьбу и хотятъ, чтобы рабочіе отвѣчали демонстраціями на всякое поруганіе сколько нибудь честной земщины! И это же отдѣленіе вполнѣ самостоятельной и независимой въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ рабочей организаціи отъ соціалдемократической даетъ возможность успѣшно бороться съ организаціями „независимыхъ“ и — о ужасъ! — провести болѣе послѣдовательно въ нашихъ соціалдемократическихъ организаціяхъ „демократической принципъ“.

Конечно, „замѣнить „кустарничество“ комитетовъ капиталистической формой домашней промышленности по системѣ взаимнаго довѣрія гораздо легче, чѣмъ создать организацію, въ основѣ которой лежать „цѣлостныя“ соціалдемократическія группы съ верховной инстанціей — съѣздомъ, контролирующімъ дѣйствія „политическихъ вождей“ и мѣстныхъ комитетовъ. Въ первомъ случаѣ комитеты знали только „мѣстныя“ дѣла, во второмъ — они вѣдаютъ только „мѣстныя“ дѣла, предоставляя „общія“ посреднической конторѣ, въ третьемъ они дѣлаютъ „общее дѣло“ въ рамкахъ мѣстныхъ условій**). И пока не будуть въ этомъ смыслѣ реорганизованы комитеты, у насъ не будетъ настоящей партіи.

Разъ въ мѣстныхъ организаціяхъ соціалдемократическая жизнь бѣть ключемъ, то съѣздъ представителей комитетовъ

*) Н. Рязановъ, замѣчанія на программу „Рабочаго Дѣла“, Заря, № 1 стр. 132

**) Н. Рязановъ, Проектъ программы „Искры“ и задачи русскихъ соціалдемократовъ с. 164. Цѣнныя замѣчанія по этому вопросу можно найти въ цитированной брошюрѣ Панина.

или партійный съездъ становится насущной потребностью партійной жизни. Только тамъ, гдѣ онъ становится періодическимъ, все больше и больше развивается сознаніе, что партійная организація не есть ариометическая сумма отдельныхъ мѣстныхъ организацій. Все яснѣе становится, что партія есть нечто единое, что она только развѣтвляется на отдельныя мѣстныя организаціи. Являясь выразителемъ всей мысли и воли партіи, съездъ представляетъ собой верховный „органъ“ партіи, или ея верховное учрежденіе, которое своими „рѣшеніями“ програмного, тактическаго и организаціоннаго характера опредѣляетъ всю политику партіи. Исполненіе этихъ рѣшеній, руководство и согласованіе всей дѣятельности партіи въ духѣ указанныхъ съездомъ принциповъ, выполненіе всѣхъ общихъ функцій съездъ возлагаетъ на выбранныхъ имъ лицъ. Эти лица составляютъ центральный комитетъ.

Но этотъ Ц. К. „объединяетъ и направляетъ“ не только „практическую дѣятельность“ партіи. На его обязанности лежитъ руководство всей партійной дѣятельностью, какъ „идейное“ такъ и „практическое“. Въ его средѣ не должно быть ни чистыхъ теоретиковъ, ни чистыхъ практиковъ. Свои инструкціі онъ получаетъ отъ съезда въ видѣ только что перечисленныхъ рѣшеній, которыя точно и ясно опредѣляютъ рамки его компетенціі. Возложенные на него функціі руководства и согласованія онъ выполняетъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы всѣ партійныя организаціі сообразовались съ рѣшеніями съезда и въ своей дѣятельности руководились партійной программой. Онъ организуетъ съ помощью мѣстныхъ комитетовъ всѣ „общія функціі“ и устраиваетъ общепартійныя предпріятія. Онъ же долженъ откликаться на всѣ события дня, волнующія страну. Только въ этомъ случаѣ онъ можетъ пользоваться авторитетомъ. Воля партіи, ея отношеніе къ тому или иному явленію, должны высказываться только Ц. К., который находится на полѣ борьбы.

Та нелѣпая идея раздѣленія „идейнаго“ и „практическаго“ руководства, которая лежитъ въ основѣ нашего партійнаго устава, на практикѣ должна привести и уже привела къ нелѣпостямъ. Ц. К. ждетъ „идейныхъ“ указаний отъ Ц. О., а этотъ предпочитаетъ выпускать общепартійныя прокламаціі отъ имени редакціі „Искры“! И все это, конечно,

изъ за границы! Смѣшно было бы надѣяться, что можно поправить дѣло, посадивъ въ Ц. К. двухъ или трехъ представителей „меньшинства“. Ц. К. осужденъ на бездѣствіе и буквой, и духомъ устава. Это все, что угодно, но только не центральный комитетъ.

Какъ бы ни былъ важенъ заграничный органъ, смѣшно возлагать на него обязанность „идейно руководить“ всей партіей изъ Женевы. У него есть болѣе скромная, но не менѣе важная функція. Онъ долженъ отстаивать принципы партіи, обосновывая ихъ и защищая отъ всякихъ противниковъ. Онъ неустанно слѣдить за всѣми врагами рабочаго дѣла и безпощадно разоблачаетъ всѣ ихъ продѣлки. Онъ знакомить товарищѣ съ исторіей и опытомъ западно-европейскаго рабочаго дважденія. Онъ является публичной трибуной для всѣхъ членовъ партіи, на которой они могутъ отстаивать свои взгляды и съ которой они могутъ дѣлиться своимъ опытомъ съ иногородними товарищами. Онъ подвергаетъ критикѣ всѣ дѣйствія мѣстныхъ комитетовъ и Ц. К., если они, по его мнѣнію, отступаютъ отъ программы. Находясь въѣхъ выстрѣловъ, онъ имѣеть возможность болѣе спокойно обсуждать многія явленія и иногда во время предупредить товарищѣ отъ ненужныхъ увлеченій. Менѣе связанный съ мѣстными условіями, онъ въ состояніи лучше отделять общее и необходимое отъ частнаго и случайнаго, чѣмъ мѣстные комитеты, а зачастую и Ц. К.

Такую роль игралъ упомянутый уже мною „Соціалдемократъ“. Хотя онъ не имѣлъ права „давать суровые уроки“, онъ всетаки пользовался громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ. Его редакторомъ, Бернштейномъ, руководилъ Энгельсъ, который былъ слишкомъ уменъ, чтобы брать на себя „идейное руководство партіей“ изъ заграницы. *Quod licet bovi, non licet Jovi.* Важно было только обеспечить себѣ независимость отъ Ц. К., а эта независимость лучше всего достигалась зависимостью отъ всей партіи, которая, какъ мы видѣли, опредѣляла и контролировала поведеніе и своего органа, и своего Ц. К.

И чѣмъ скорѣе у нашего Ц. О. будуть отняты всякия экстраординарныя полномочія, тѣмъ лучше для него и для движенія. Забавно читать, какъ редакція Ц. О. направо и налево увѣряетъ, что она—не въ примѣръ Ленину—не будетъ

злоупотреблять властью, которую ей дает уставъ, обезпечивъ за ней большинство въ дѣйствительномъ „сверхъ-центрѣ“ партіи, въ ея Совѣтѣ. „Согласовать и объединять дѣятельность Ц. К. и редакціи Ц. О.“—дѣло съѣзда и его инструкцій. „Представлять партію въ сношеніяхъ съ другими партіями“ можетъ только Ц. К. И если мы не хотимъ, чтобы наши съѣзды превратились въ градоначальнические съѣзды, о которыхъ мечталъ Бородавкинъ — „на съѣздахъ сихъ занимать ихъ чтеніемъ градоначальническихъ руководствъ и освѣженіемъ въ памяти градоначальническихъ наукъ. Увѣщевать быть твердыми и не взирать“, —то центральныя учрежденія должны имѣть только совѣщательный голосъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ дѣятельности. Принимая во вниманіе, что съѣздъ „законенъ“, если на немъ представлены организаціи, имѣющія вмѣстѣ право болѣе чѣмъ на половину рѣшающихъ голосовъ, „центры“, особенно, когда въ нихъ будетъ возстановлено „единомысліе“, могутъ превратить съѣздъ въ простую „такальную машину“. Я не говорю уже о томъ, что съѣздъ обыкновенно созывается Совѣтомъ партіи. *)

Характерно, что противъ этого чудовищнаго преобладанія „заграничнаго“ Совѣта ничего не имѣть и „меньшинство“. Лидеръ его, Мартовъ, заявилъ на съѣздѣ категорически, чѣо „для насть совѣтъ не только примирительное учрежденіе“, что „наша формулировка умышленно оставляетъ возможность развитія совѣта въ высшее партійное учрежденіе“. И только Старовѣръ, а вѣ особенности Панинъ, старались превратить его въ чисто третейское учрежденіе для разбора конфликтовъ между Ц. К. и Ц. О. Къ сожалѣнію, они не понимали, что именно раздѣленіе на „идейный“ и „практическій“ центры создаетъ самую благопріятную почву для всякаго рода конфликтовъ и что третейскимъ судомъ тутъ не поможешь. Такъ или иначе, партія отдавалась подъ начало редакціи Ц. О., имѣющей свое пребываніе заграницей!

*) При 20 комитетахъ (я беру *maximum*) сумма рѣшающихъ голосовъ равняется 40 плюсъ 9, принадлежащихъ „центрамъ“ т. е. 49. Достаточно, слѣдовательно, 8 комитетовъ, чтобы устроить „законный“ съѣздъ, на которомъ изъ 25 рѣшающихъ голосовъ 9 уже принадлежитъ „центрамъ“. Имѣя на своей сторонѣ два комитета, центръ можетъ „поступать“ на полной своей волѣ!

Я уже сказалъ, что Ц. К., и редакція Ц. О. выбираются съѣздомъ. Нашъ уставъ предпочитаетъ бурбонское слово „назначаются“. Если мы имѣемъ дѣло со съѣздомъ, а не „свѣзомъ“, то выборы являются „специфическимъ выражениемъ „воли партіи“ par excellence“. И если Мартовъ увидѣлъ въ этомъ взглядѣ швейцеріанство, то это, кромѣ плохого знакомства съ исторіей нѣмецкой соціалдемократіи, объясняется, какъ мы видѣли, тѣмъ, что напуганное ленинскими „выборами“ „меньшинство“ еще болѣе утвердилось въ своемъ ужасѣ передъ этимъ страшнымъ словомъ. Конечно, „о вкусахъ не спорятъ“. Но редакція, выбранная съѣздомъ, всегда будетъ пользоваться большимъ авторитетомъ, чѣмъ редакція, составившаяся путемъ такой „единогласной“ кооптациі, къ произведенія Плехановымъ (вопреки прямой волѣ большинства „законнаго“ съѣзда).

И эта доведенная до абсурда „кооптациія“ лишній разъ напоминаетъ, какъ нужно быть осторожнымъ при ослабленіи выборнаго принципа вънутри организаціи. Конечно, при нашихъ условіяхъ, Ц. К. приходится предоставить право самополненія, но оно должно быть ограничено. Это можетъ быть достигнуто какъ путемъ „назначенія“ на съѣздѣ же кандидатовъ, такъ и нормировкой отношенія между числомъ членовъ, выбранныхъ съѣздомъ и кооптированныхъ послѣ санкціи Ц. К. Отвергнутые съѣздомъ не могутъ быть кооптированы.

Но если право кооптациіи можетъ еще быть предоставлено Ц. К., то его безусловно не должна имѣть редакція Ц. О. Съѣздъ опредѣляется ея личный составъ, и если выбрана данная редакція, то она можетъ быть измѣнена только на слѣдующемъ съѣздѣ. Разъ всѣмъ членамъ партіи обеспечено право отстаивать свое мнѣніе предъ всей партіей, то признать, какъ этого хочетъ Мартовъ „за каждымъ членомъ партіи право и вѣрѣ, и послѣ съѣзда пытаться воздѣйствовать на составъ и политику той или иной коллегіи“, значило бы узаконить самую безшабашную анархію. Партийная жизнь вырождается при этомъ въ „борьбу за жизнь“ отдѣльныхъ группъ. И то обстоятельство, что такой группѣ удастся „учесть свою силу и на измѣненіи состава той или иной кол-

легії", доказывать лишь безсиліе выбранной коллегії, ея полную несостоятельность, да безсиліе партії *).

Вмѣстъ съ созданиемъ настоящаго, а не фиктивнаго Ц. К., является и потребность въ организаціи представительства партіи заграницей. Для этого достаточно создать заграничный комитетъ, „назначаемый" тѣмъ же съѣздомъ. На его обязанности лежитъ „содѣйствіе русскому движенію", по скольку оно выражается въ организаціи транспорта, всякаго рода „техническихъ" предпріятій, издательского дѣла и т. д. и т. д. Поскольку редакція Ц. О. и всей партійной литературы входитъ въ какую нибудь организацію, она можетъ входить только въ этотъ комитетъ, находящійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ настоящимъ центромъ партіи, съ Ц. К. Рядомъ съ заграничнымъ комитетомъ можетъ существовать и другая организація, содѣйствующая русскому движению сборомъ денегъ и пропагандой, имѣющей цѣлью подготовленіе необходимыхъ для работы въ Россіи молодыхъ силъ.

Итакъ, „аристократическая" по отношенію къ вѣшнему миру, демократическая внутри, партійная организація, основной клѣточкой которой являются цѣлостные комитеты, вѣдающіе самостоительно все соціалдемократическое дѣло; периодически собирающійся съѣздъ, какъ верховное учрежденіе; центральный комитетъ, выбираемый съѣздомъ, руководящій партіей какъ „идейно", такъ и „практически"; отдѣленная отъ него только „по мѣсту" редакція общепартійной литературы; заграничный комитетъ—вотъ главныя части партійной организаціи.

Чѣмъ уже и замкнутѣе эта организація, — а по нашимъ временамъ это необходимо, — тѣмъ полноѣ долженъ быть проведенъ въ ней демократическій принципъ. Нѣть обязанностей безъ правъ, нѣть правъ безъ обязанностей. Всѣ члены партіи находятся подъ контролемъ постоянно контролируемыхъ всей партіей выбранныхъ ею должностныхъ лицъ. Всякій, берущій на себя отвѣтственность за дѣйствія партій,

*) Мартовъ, Борьба съ осаднымъ положеніемъ, стр. 6—8. Понятно, что если члены партіи имѣютъ только права русскихъ обывателей, то естественнымъ дополненіемъ является право устраивать заговоры и свергать—if есть сила — предержащія власти. Но для чего *aus der Not eine Tugend machen?*

имѣеть право принимать участіе въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ вопросовъ партійной дѣятельности.

Тогда легко рѣшается и вопросъ, кого партія должна считать своимъ членомъ. Такъ какъ она знаетъ только дѣйствительныхъ, активныхъ членовъ, то членомъ партіи можетъ стать лишь тотъ, кто принимаетъ личное участіе въ какой нибудь партійной организаціи. Только такимъ образомъ партія можетъ знать опредѣленно, кто является равноправнымъ членомъ ея, съ кѣмъ она должна считаться при обсужденіи и рѣшеніи всякихъ вопросовъ. Представляя коллективность, она нормально должна имѣть дѣло только съ коллективностями. Какъ организація, она можетъ разчитывать только на постоянныхъ членовъ. Она съ охотой принимаетъ услуги всякихъ добровольцевъ, ее радуетъ сочувствіе и симпатіи, которыя встрѣчаетъ ея дѣятельность, но она раскрываетъ свои „двери“ только для тѣхъ добровольцевъ, симпатизирующихъ, сочувствующихъ, которые хотятъ ей оказывать не „пассивное“, а активное, не случайное, а постоянное содѣйствіе.

Она не можетъ иначе поступать и потому, что должна дорожить своимъ „престижемъ“. Каждый за всѣхъ, но и всѣ за каждого. Она можетъ брать на себя отвѣтственность только за людей, которые удовлетворяютъ извѣстнымъ условіямъ, которые готовы дѣлить съ ней не только „радость“, но и „горе“.

Kurz und gut: безъ демократического принципа въ организаціи, безъ организованнаго контроля со стороны партіи падъ такъ называемыми „вождями“, безъ постоянной проповѣдки дѣйствій должностныхъ лицъ, выбираемыхъ партіей въ силу довѣрія къ нимъ, безъ равноправности всѣхъ членовъ организаціи, безъ точнаго опредѣленія правъ и обязанностей „руководителей“ и „руководимыхъ“ — мы будемъ имѣть не партію, а апархію, гдѣ „кто палку взялъ, тотъ и капраль“, хотя бы это дѣлалось „на основаніи точнаго смысла дѣйствующихъ законовъ“. А въ такомъ случаѣ необходимо ясно и точно опредѣлить, кто имѣеть право носить „званіе“ члена партіи. И лучше всего это можно сдѣлать съ помощью „ленинской“ формулы, но только тогда, когда она будетъ превращена въ свою „противоположность“ — иными словами, если она явится „увѣнчаніемъ“ строго демократическаго

устава. *) Это — формула, которую всегда отстаивали и немецкие „ортодоксы“, особенно Шарвусь.

Я прекрасно знаю, что, выступая въ защиту „демократизма“, я опять навлеку на себя „громы небесные“. Но „громы“ эти не изъ „тучи“. Я знаю также, что, къ великому ужасу нашего Балалайкина, соціалдемократія лишить себя такого важнаго боеваго орудія, какъ страшное слово — „демократизмъ“! *) Но и это меня не пугаетъ. Безъ демократического принципа, безъ уничтоженія всякихъ слѣдовъ Personencultus'a, возможна въ лучшемъ случаѣ только секта, а не партія. Безъ этого невозможна та демократическая дисциплина, которой только и можетъ держаться партія.

„Эта демократическая дисциплина, говоритъ Либкнехтъ, которая соединяетъ свободныхъ и мыслящихъ людей для общаго дѣла, даетъ совершенно другой источникъ энергіи, чѣмъ дисциплина слѣпо повинующихся орудій. Отдельная личность отдаетъ тогда гораздо больше силъ и приносить съ собой свое самостоятельное мнѣніе. Мнѣніе одного дополняетъ и исправляетъ мнѣніе другого, и только такимъ путемъ достигается наиболѣе прочная гарантія, что общее рѣшеніе правильно. Мы, соціалдемократы, всегда держали высоко знамя демократического равенства. Personencultus, противъ котораго мы боремся въ теоріи, не долженъ быть терпимъ и въ практикѣ. Мы никогда не знали въ своихъ рядахъ аристократію“.

Долой сектантство! Долой Personencultus! — вотъ лозунги, которые были написаны на знамени Либкнехта и Бен-

*) Только что появилась новая книга Ленина, въ которой отмѣнно длинно“ и „научно“—даже съ помощью діаграммъ!—рассказывается исторія о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ Мартовъ (М.) съ Иваномъ Никифоровичемъ Ленинымъ (Л.) и какъ при этомъ разбита была „посудина“ то бишь партія! Сдѣлавъ уже давно „два шага назадъ“ отъ своихъ „Задачъ русскихъ соціал-демократовъ“ онъ упорно тащить „разбитую посудину“ „впередъ“ по пути буржуазной демократіи. Вѣрно указавъ на противорѣчія и непослѣдовательность Мартова, онъ уже успѣлъ забыть свое признаніе на съездѣ, что въ полемикѣ съ „экономистами“ онъ перегнулъ „палку“ въ другую сторону. Всё обстоитъ благополучно! И нашъ бѣдный Фердинанъ, король испанскій, продолжаетъ считать „безпринципными“ всѣхъ, кто не согласенъ съ „принципомъ“, что „луна дѣлается въ Гамбургѣ“!

беля, когда они боролись съ швейцеріанствомъ. И если „меньшинство“ уже заговорило о „швейцеріанскихъ тенденціяхъ“ нашего партійного устава, то пусть оно вспомнить и другія слова Либкнхта: „Solche Organisationen können nicht umgestaltet, sie müssen zerbrochen werden!“ Швейцеріанскія организаціі не могутъ быть реформированы, онъ должны быть разрушены. Дѣйствительно, только послѣ разрушенія этой организаціі стало возможно объединеніе германской соціалдемократіи.

Созданный „Искрой“ швейцеріанскій уставъ отчасти уже разрушенъ самими творцами его. И чѣмъ скорѣе онъ будетъ окончательно уничтоженъ, тѣмъ скорѣе участь будетъ дѣйствительно единая и объединенная партія, тѣмъ скорѣе можно будетъ организовать дѣйствительно россійскую соціалдемократическую рабочую партію!

Насъ не должна останавливать мысль о „законности“ рѣшеній второго съѣзда или „своза“. О ней могутъ говорить только заядлые „бюрократы“ и „формалисты“. И послѣ того, какъ самъ Мартовъ заявилъ на съѣздѣ, что „Искра“ создала внутри партіи „осадное положеніе“ съ исключительными законами противъ отдѣльныхъ группъ, нужно была только его непослѣдовательность, чтобы признать „законными“ рѣшенія съѣзда, принятые случайнымъ и безусловно „незаконнымъ“ большинствомъ.

„Отнынѣ старой „Искры“ не существуетъ, и было бы послѣдовательнѣе перемѣнить ея название“—говорилъ онъ же на съѣздѣ, когда изъ редакціи были „вышиблены“ Аксельродъ, Засуличъ и Старовѣръ. И опять таки нужна только непослѣдовательность Мартова, чтобы послѣ выхода изъ редакціи Ленина, дѣйствительного духовнаго отца старой „Искры“, говорить о ея существованіи. Свершилось! Старая „Искра“ умерла, и всякия попытки гальванизировать ея трупъ прививкой—да

*) „Слова—жоресиамъ, анархизмъ, оппортунизмъ и т. д. — это очень сильныя орудія въ рукахъ революціонной соціалдемократіи. Наша обязанность — обращаться осторожно съ этими словами. Если мы будемъ всякаго человѣка, несогласнаго въ чёмъ нибудь съ нами, клеймить этими словами, то они могутъ опошлиться. Такимъ образомъ, мы сами лишимъ себя этого важнаго боеваго орудія соц.-демократіи! Такъ вразумлялъ Плеханова на съѣздѣ Лиги Троцкій.

еще въ гомеопатическихъ дозахъ — истиннаго соціалдемократизма осуждены заранѣе на фіаско.

Кто говорить А, долженъ сказать Б! Послѣ статей Аксельрода смѣшно говорить, что въ партії существуетъ полное согласіе по всѣмъ вопросамъ программы и тактики. И со всѣмъ уже странно слышать такія утвержденія послѣ „нестыкавшаго скандала“, свидѣтелемъ которого является вся партія. Гдѣ организаціонная разногласія вырождаются въ полемику, образцы которой даетъ намъ какъ „большинство“, такъ и „меньшинство“, тамъ — сознаютъ ли это или не сознаютъ сами противники — существуютъ глубокія принципіальныя разногласія. За критикой организаціонныхъ идей „Искры“ должна была послѣдовать критика ея тактическихъ положеній. А принятіе аграрной программы на ею же созванномъ съѣздаѣ лишь ничтожнымъ большинствомъ голосовъ, т. е. „формалистически“ и „бюрократически“, показываетъ, что такъ же неизбѣжно послѣдуетъ и критика ея „больше или менѣе“ несостоятельныхъ программныхъ идей. И если это не будетъ сдѣлано „руководителями“, то обѣ этомъ постараются „руководимые“.*) И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

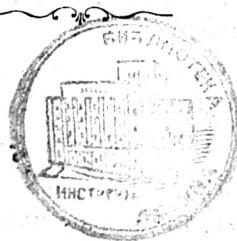
Долой Personencultns! Соціалдемократическая партія свою политику формулируетъ въ рѣшеніяхъ программы, тактическаго и организаціоннаго характера, ставящихъ тѣсныя рамки всякому составу! Она довѣряетъ только тѣмъ, кого можетъ постоянно проповѣдѣть!

Долой сектантство! Соціалдемократія не должна превращаться въ секту, отрицающую всякую связь съ предшествовавшимъ ей движениемъ. („Съ чего начать?“) Классовое движение не должно быть подчинено сектѣ. Формулируя безъ всякихъ „больше или менѣе“ принципы научнаго соціализма т. е. теоретическое выраженіе освободительной борьбы самаго революціоннаго класса современаго общества, она не должна навязывать классовому движению сектантскіе рецепты въ родѣ „отрѣзковъ“ или организаціонныхъ „плановъ“ или „формулъ“! Только секта, — говорить Марксъ — ищетъ свой

*) Прекрасный починъ представляетъ брошюра Панина. Теперь появилась брошюра Череванина „Организаціонный вопросъ“, авторъ которой идетъ еще дальше въ критикѣ „искровскаго“ наслѣдства.

raison d'être въ своемъ point d'honneur, не въ томъ, что соединяетъ ее съ классовымъ движениемъ, а въ томъ специфическомъ лозунгѣ, который отдѣляетъ ее отъ этого движения.

И чѣмъ скорѣе будетъ произведена ликвидація „политического“ или „искровскаго“ периода нашего движения, тѣмъ больше гарантъ, что при надвигающейся ликвидациіи русскаго абсолютизма русская соціалдемократія дѣйствительно окажется передовымъ отрядомъ самаго революціоннаго класса современ-ной Россіи!

Оглавление.

Стр.

Гл. I. Вавилонское столпотворение	1
II. Съездъ или свозъ?	8
III. Обезпамятѣвшие марксисты	19
IV. Съ пылу, съ жару—по пятаку за пару	37
V. Ажитаторы въ роли организаторовъ	54
VI. Противъ организаціоннаго фетишизма	75
VII. „Сверху“ или „снизу“?	88
Заключеніе.	103
